

ФИНАНСОВЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(ФИНАНСОВЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)

Кафедра общей политологии

П.С. Селезнев

**ИННОВАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА
«НЕЗАПАДНЫХ» СТРАН В НАЧАЛЕ XXI СТОЛЕТИЯ:
ПОИСК ПРИОРИТЕТОВ МОДЕРНИЗАЦИИ**

Монография

Москва•2013

УДК 001.895(4+7)+(470+571)

ББК 66.033

С29

Рецензенты:

д-р экон. наук, чл.-корр. РАН, проф. **Д.Е. Сорокин**
(Институт экономики РАН)

д-р экон. наук, заслуженный деятель науки
Российской Федерации, проф. **О.В. Голосов**
(Финансовый университет)

д-р полит. наук, проф. **Р.Ф. Матвеев**
(Финансовый университет)

С29 Селезнев П.С. Инновационная политика «незападных» стран в начале XXI столетия: поиск приоритетов модернизации: монография. М.: Финансовый университет, 2013. 160 с.
ISBN 978-5-7942-1001-9

Монография посвящена исследованию вопроса мотивации «незападных» стран в пользу выбора и реализации конкретной стратегии инновационного развития (борьба за глобальное лидерство - Китай; преодоление бедности и технологической отсталости - Бразилия, Индия, Малайзия; выживание и успех в конкурентной среде - Южная Корея, Сингапур) и анализу последствий и результатов претворения выбранной стратегии в жизнь.

Издание адресовано магистрантам, аспирантам, преподавателям, представителям экономического, политического и политологического сообщества, интересующимся проблемами и вопросами инновационной политики.

УДК 001.895(4+7)+(470+571)

ББК 66.033

ISBN 978-5-7942-1001-9

© П.С. Селезнев, 2013

© Финансовый университет, 2013

Предисловие

В 2012 г. Финансовый университет издал научную монографию канд. полит. наук П.С. Селезнева «Государственная инновационная политика стран Запада и России (конец XX - начало XXI века)». Ее основу составляла кандидатская диссертация автора. В предисловии к монографии П.С. Селезневу были высказаны пожелания продолжить научную разработку избранной темы путем анализа и обобщения инновационной политики передовых государств Востока, сравнения ее с уже изученным опытом западных стран и выявления наиболее ценных сторон той и другой практики для России. В процессе работы над диссертацией автор собрал немало интересного и ценного материала по инновационной политике стран Востока. Тогда уже было ясно, что исследование надо продолжать, дополняя «западную» картину не менее интересной и поучительной «восточной». Во второй монографии в соответствии с этим замыслом проанализирован и обобщен опыт Китая, Индии, Малайзии, Южной Кореи и Сингапура. Хорошим и логичным дополнением к общей панораме является опыт инновационной политики Бразилии, добившейся внушительных результатов за весьма короткий исторический срок.

Особое внимание в монографии уделяется основам и механизмам инновационной политики современных государств, а также различиям по данным аспектам в изучаемых странах. Именно это, несмотря на обилие конкретного экономического материала, делает исследование П.С. Селезнева политическим.

Автором выявлены особенности мотиваций, способов и результатов инновационной политики тех стран, которые анализируются в работе. Если для Китая такая политика - это инструмент обеспечения суверенитета страны и его борьбы за глобальное лидерство, то для Бразилии, Индии и Малайзии - способ преодоления бедности и технологической отсталости, а для Южной Кореи и Сингапура - выживания и успеха в конкурентной среде. Опыт каждой из рассматриваемых стран весьма поучителен для других государств, в том числе для России. Поэтому его следует основательно изучить и осмыслить через призму национальных

интересов. Нам особенно важно понять, каким образом и какой ценой этими государствами был достигнут впечатливший (если не сказать ошеломивший) весь мир результат в короткий исторический период. Для нас это особенно важно.

О высоком значении инноваций и адекватной инновационной политики неоднократно говорил Президент России В.В. Путин. В очередной раз речь об этом шла на первом заседании Совета при Президенте Российской Федерации по модернизации экономики и инновационному развитию России.

В своем выступлении президент отметил, что «модернизация - это генеральный путь развития российской экономики. Скорость инновационной активности в мире возрастает, все быстрорастущие страны делают упор на развитие отраслей, находящихся на "технологической передовой"».

Только через модернизацию экономики и развитие инновационных отраслей можно, по мнению В.В. Путина, реализовать потенциал в области образования, науки, преобразовать их из «социальной» в производственные отрасли.

Новым технологиям будет принадлежать ведущая роль в преодолении стагнации нестабильности глобальной экономики. Выход из глубокого кризиса обычно сопровождается сменой технологического уклада и стран-лидеров. «Преимущества получают те, кто смог обуздать новую технологическую волну», - пояснил В.В. Путин.

Далее президент отметил, что в России уже немало сделано для создания необходимой инновационной среды. В частности, внедрена система институтов развития, введены налоговые льготы для инновационных компаний и льготная ставка страховых взносов; появилась возможность создавать малые предприятия при вузах; утверждено 30 технологических платформ; созданы инновационные кластеры и бизнес-инкубаторы, а госкомпании разработали программы инновационного развития.

Поддержка государством точечных инновационных проектов проявилась и в том, что с 2010 по 2012 год на 37 проектов было предусмотрено около 100 млрд руб.¹

¹ См.: На технологической волне // Российская газета. 2012. 25 октября.

Несмотря на значимость сделанного, есть все основания считать, что Россия находится лишь в самом начале своего инновационного пути. Поэтому практика других стран, прошедших этот путь, имеет для нас неоценимое значение. Особенно важен опыт таких государств, как Китай, Индия, Малайзия, Бразилия.

С учетом этого новое исследование П.С. Селезнева является не только важным, но и весьма актуальным. Теперь перед ним стоит задача объединить обе монографии в одно цельное большое исследование, подвергнув сравнительному анализу опыт западных и «незападных» стран, выявив при этом наиболее значимые элементы, которые можно было бы с пользой применить в России. Искренне пожелаем ему успеха в достижении этой цели.

Я.А. Пляйс, д-р ист. наук, д-р полит. наук,
профессор, заведующий кафедрой общей
политологии Финансового университета

Введение

С середины 2000-х гг. Россия обозначила свое стремление встать на инновационный путь, заявив амбициозные проекты развития и прогресса в политической и экономической сферах. Однако для проведения в жизнь планов модернизации мало одного желания власти, мало даже создания необходимой инфраструктуры и выделения масштабных средств. **Определяющим является выбор руководством страны инновационной мотивации**, которая ляжет в основу стратегии реформаторского курса.

Заявка на реализацию инновационного проекта является прежде всего политическим выбором руководства стран, стремящихся принять реальное участие в международной конкуренции, обозначить амбиции регионального или глобального лидерства. Долгое время считалось, что монополией на прогресс и интенсивный путь развития обладают лишь те страны, которые придерживаются «правильного», либерально-демократического курса в политике и рыночных приоритетов в экономике.

Концепт прогресса и опережающего развития заложен в самих основах западной цивилизации. Политическая культура ведущих стран Запада изначально исходила из постулирования необходимости обеспечения наиболее комфортного существования человека в земной жизни даже в те времена, когда в мире господствовала религиозная парадигма, а Церковь являлась мощной политической силой. Тем не менее и христианские конфессии на Западе (католицизм, протестантизм) по своим морально-нравственным и политическим установкам существенно отличались от приоритетов других мировых религий, прежде всего восточных (включая православие). Дух первенства и конкуренции нашел свое отражение в протестантской этике, которая ориентировалась преимущественно на «посюстороннее» и рассматривала земную активность человека как его служение Богу. Соответственно, за свои труды усердный получает благоволение свыше. Это от-

мечал один из родоначальников социологии и политологии Макс Вебер¹, подобной точки зрения придерживаются также и некоторые современные ученые. «Большинство постулатов и норм, лежащих в основе современной этической культуры хозяйствования, современного морального отношения к труду и коммерческой деятельности, уходит своими корнями в протестантскую этику. В период Реформации западноевропейские страны пережили важный духовный переворот, сущность которого состояла в новом осмыслении труда и богатства. Согласно представлениям идеологов Реформации Лютера и Кальвина, труд является не наказанием, а божественным призванием, предназначением человека. Цель труда - не искупление греха и не спасение от греха праздности, а приобретение и умножение богатства, накопление собственности, стремление к прибыли. Переосмысление роли труда наряду с установкой на максимальную прибыль, финансовый успех привели и к новой оценке роли собственности и богатства в жизни человека. В протестантской этике собственность важна как основа и фундамент свободы личности²», - отмечалось в аналитическом исследовании под редакцией член-корр. РАН Г.Б. Клейнера.

Такого рода подход во многом лег в основу многолетней политики Запада по обеспечению опережающего характера развития и достижения глобального лидерства. Более того, из подобного мироощущения вытекает и концепция прогрессивной, цивилизаторской миссии Запада в его взаимоотношениях с внешней средой, иными цивилизационными «мирами». При этом признается только линейная версия исторического прогресса, базирующаяся прежде всего на идеях передового политического, экономического и технологического развития. Соответственно, все остальные основания прогрессивности (духовные, культурные и пр.) либо выносятся за скобки и считаются вторичными, либо отвергаются в принципе. Соответственно, за «незападными» странами и народами признается лишь право на догоняющее развитие, причем по пути, проторенному ведущими государствами Запада,

¹ См.: Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения: пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайдено. М.: Прогресс, 1990 (Социологическая мысль Запада).

² Стратегии бизнеса: аналитический справочник / под ред. Г.Б. Клейнера. М., 2008. С. 38.

и лишь по уже утвержденным последними «лекалам». Первоначальный экономический снобизм Запада стал постепенно дополняться также идеями политического прогресса, и здесь опять же он претендовал на глобальное лидерство и статус законодателя мод. Все остальные варианты политического развития признавались как «девиантные» и «неистинные». Результатом такого подхода стала концепция «демократического транзита», получившая распространение как в политической теории, так и на практике в 1980-1990-е гг. Она постулировала необходимость движения всего человечества в направлении западного (либерального) варианта демократии, при этом отрицая не только тоталитарные и авторитарные модели, но даже альтернативные формы демократического режима. Апогеем такой однозначной трактовки политического и социально-экономического прогресса стала теория американского ученого Ф. Фукуямы о «конце истории». В своей работе с аналогичным названием он объявлял либерально-демократический и рыночный путь единственно верным, фактически венцом истории человечества, а победу Запада в борьбе за мировое господство безоговорочной.

Тем не менее начало XXI в. поставило под сомнение такие выводы.

Во-первых, выяснилось, что либерально-демократический путь развития не является универсальным и таит в себе существенные риски, особенно для «незападных» стран-реципиентов.

Во-вторых, глобальный финансово-экономический кризис 2008-2010 гг. поставил под сомнение и универсальность либеральных рыночных основ современного Запада, и такие базовые принципы капитализма, как конкуренция, свободный рынок, невмешательство государства в экономику и пр. Более того, не исключено, что мы стоим перед лицом очередного этапа кризиса западной экономической модели, вплоть до начала новой Великой депрессии¹, что с еще большей остротой поставит вопрос о поиске адекватной замены устаревшим догмам Запада.

В то же время утрата однозначного лидерства в мире ставит под сомнение основы всей западной цивилизации и ведет к резкому обострению противоречий в США и Евросоюзе, особенно с

¹ URL: <http://blogs.ft.com/the-a-list/2011/09/29/how-to-stop-a-second-great-depression/?Authorised=false> (дата обращения: 16.11.2012).

учетом того, что во многом именно стратегия прогресса позволяет поддерживать стабильность в данных субъектах и обеспечивать консолидацию общества вокруг власти.

Так, **для населения США принципиальным является глобальное политическое, военное и экономическое лидерство своей страны.** В теории данные настроения были отражены в 1990-е гг. известным политологом, бывшим исполнительным директором (с 1985 по 1991 год) Ассоциации за объединение демократий А. Страусом в его концепции униполярности¹. Его точка зрения состоит в следующем: «Со времени распада советского полюса биполярного мира международная система является униполярной. Налицо фактически существующий «униполь». Он состоит из демократических индустриальных стран, которые обладают превосходящим весом в глобальной системе. Соединенные Штаты, в свою очередь, являются ведущей державой внутри униполя»².

Европейские страны (прежде всего «локомотивы» интеграции ЕС) уже давно ориентированы на принцип социального гедонизма, и для них глобальное лидерство (хотя бы в альянсе с США) является возможностью перманентного повышения уровня жизни своих граждан, что обеспечивает им и политическую стабильность. Однако и здесь понимают, что ставка на устаревшие нормы и концепции XVII- XX вв. чревата глобальным поражением, и также предпринимают попытки найти выход из создавшегося тупика³.

Однако последние десятилетия поставили под вопрос либеральную трактовку понятия инновационности и механизмов ее обеспечения. Помимо уже указанных выше кризисных явлений все активнее становятся **претензии, причем подкрепленные соответствующими инновационными достижениями, стран третьего мира на участие в прогрессивной повестке дня современности.** Прежде всего это касается тех государств, которые совсем недавно уверенно принадлежали мировой периферии и

¹ См.: *Страус А.Л. Униполярность. Концентрическая структура нового мирового порядка и позиция России // Политические исследования. 1997. № 2. С. 78-91.*

² Там же. С. 78.

³ *Gvosdev N. The Realist Prism: U.S. Policy Paralysis Risks Global Leadership Void // World Politics Review. 2011. October, 2.*

даже гипотетически не рассматривались в качестве конкурентов глобальных лидеров - США и Европы. И хотя их **выбор в пользу инновационности развития является преимущественно политическим, однако их мотивации могут существенно различаться.**

Так, некоторым из неофитов переход на инновационные рельсы представляется единственным шансом опередить в уже сточившейся международной конкуренции своих статусных оппонентов. Характерным примером является **Китай**, который, совершив инновационный рывок в конце XX в., в настоящий момент по военно-политической и экономической мощи уже опередил Евросоюз и наступает на пятки Соединенным Штатам¹.

При этом КНР не только не снижает, но и стремится наращивать темпы инновационного развития. В частности, в 2006 г. китайское правительство приняло средне- и долгосрочный планы развития инновационной системы страны, сделав акцент на новых направлениях политики. Речь шла о сокращении затрат на импорт технологий, активизации переговоров на рынке технологий, стимулировании инновационной активности частных предприятий, значительном повышении доли расходов на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (в процентах ВВП), о качественно новом уровне защиты интеллектуальной собственности².

Обращает на себя внимание статусность и аппаратный вес следующих государственных структур, которые управляют инновационной системой Китая на национальном уровне:

- управляющая группа по науке, технологии и образованию Госсовета КНР - как ключевой орган, отвечающий за стратегические решения;
- ряд министерств и организаций, отвечающих за разработку и реализацию инновационной политики (Национальная комиссия по развитию и реформам, Китайская академия наук, Китайская академия инженерных наук, Министерство образования, Государственный комитет по интеллектуальной собственности, Национальный фонд естественных наук и отраслевые министер-

¹ URL: http://www.innit.ru/files/presentation/innovations/China_model_innovation_development_03June2009.pdf (дата обращения: 16.12.2012).

² См.: Инновационная политика: международный опыт // Человек и труд. 2011. № 1. С. 48.

ства, включая Министерство промышленности и информационных технологий, Министерство сельского хозяйства);

- Министерство по науке и технологиям;
- ряд министерств и агентств, косвенно влияющих на разработку и реализацию инновационной политики (Министерство финансов, Министерство коммерции и Министерство человеческих ресурсов).

С учетом того, что КНР не скрывает своих претензий на глобальное лидерство и ведет активную работу по продвижению своих национальных интересов практически во всех регионах мира, инновационный проект дает Пекину возможность не просто нарастить международный вес и ресурсный потенциал, но и самым позитивным образом презентовать «незападным» странам привлекательную модель достижения успеха на основе сохранения традиций, причем без кардинальной ломки сложившейся политической и экономической системы.

Немаловажным являлся и вопрос о стратегии и идеологии инновационного развития КНР. В результате долгих дискуссий китайской элите удалось достичь консенсуса относительно руководящего курса, с одной стороны, позволяющего проводить реформы; с другой - сохраняющего незыблемость базовых основ государства и общества. Так появилась концепция нового авторитаризма, или неоавторитаризма (синъцюаньвэйчжуи). Главный смысл ее заключался в том, что рыночные отношения в экономике и политическая демократия должны вызревать в стране постепенно, под кураторством сильной и жесткой власти, в то же время ориентированной на реализацию модернизационного пути. Сторонники такого подхода настаивали на том, что новый авторитаризм принципиально отличается от прежнего. Старый авторитаризм, с их точки зрения, - это режим, функционирующий в рамках замкнутых циклов, где сильная власть постепенно поддается и взламывается растущими противоречиями в экономике и обществе, за которыми следуют беспорядки и хаос, подавляемые, в свою очередь, новой сильной властью, и т.д. А неоавторитаризм ставит своей целью не сохранение статус-кво, а динамичное развитие общества. В итоге будут созданы условия для демократических преобразований, но преобразований мирных, эволюционных. Китайские сторонники неоавторитаризма настаивали на том, что перейти к демократии можно лишь путем

всеобъемлющей модернизации, правда, модернизации не одно-моментной, а поэтапной и разноплановой, в результате которой и будут созданы экономические, социальные и психологические предпосылки для демократии и свободы в Китае.

Еще одна мотивация инновационности связана со стремлением ряда стран обеспечить внутреннюю социально-политическую стабильность, прежде всего за счет преодоления хронической нищеты большинства населения. В частности, это касается Бразилии и Индии, где инновационные проекты в основном имеют социальную направленность, хотя это не исключает также их одновременных претензий на достижение регионального лидерства и участия в глобальных альянсах, альтернативных Западу (БРИКС).

За последние 20 лет в условиях развития предпринимательства в **Бразилии** было создано около 400 технопарков, в которых сконцентрировано 6300 организаций и фирм с 35 тыс. рабочими местами и ежегодным оборотом в 2,5 млрд долл. США. Активно стимулировала инновации принятая в 2007 г. правительством Бразилии и реализуемая с 2009 г. программа «Первая инновационная компания» (*Prime*) по поддержке фирм, занятых в области разработки инновационных технологий. Данная программа действует под эгидой Министерства науки и технологий (МСТ) и реализуется Агентством по финансированию исследований и проектов (*Finep*) в сотрудничестве с 25 крупными технопарками, расположенными на территории всей страны, целью которых является стимулирование развития бизнес-структур, занятых в сфере инновационных технологий. Такое бурное развитие позволило Бразилии в результате инновационного «рывка» с 2003 по 2010 год сократить уровень бедности на 50%¹. А в августе 2011 г. президент страны Дилма Руссефф представила «великие планы бразильской промышленности», призванные помочь предприятиям страны стать более конкурентоспособными на мировом и внутреннем рынке. «Это крестовый поход в защиту промышленности Бразилии, которая действует на международном рынке, где конкуренция часто несправедливая и хищная», - заявила Руссефф, объявляя о принятом решении. «Мы должны срочно гарантировать адекватные налоговые и финансовые условия для сти-

¹ URL: <http://ria.ru/society/20110504/370710263.html> (дата обращения: 06.11.2012).

мулирования инвестиций, не вступая в протекционизм, - добавила она. - Бразилия имеет две задачи: преодолеть последствия сильного роста национальной валюты и повысить стоимость своей продукции»¹.

При этом опять же можно отметить стремление руководства страны и идеологов реформ опираться на традиции. По мнению российского исследователя М.В. Кирчанова, «современная экономическая мысль в Бразилии не сводится исключительно к изучению современной экономики - монетарной политики, банковского сектора, агроэкономики, участия Бразилии в международной и региональной экономической интеграции. Особое внимание уделяется проблемам истории бразильской экономики. Исторический опыт и наследие воспринимаются современными бразильскими экономистами в качестве важных факторов функционирования национальной экономической модели. С другой стороны, для развития современной бразильской экономической теории характерен значительный интерес к классике, как национальной, так и зарубежной, в первую очередь - ближайших соседей по Южной Америке»².

Индия также традиционно относится к странам с исключительно высоким уровнем бедности и социального расслоения. Такие реалии усугублялись и закреплялись жестко фиксированной социальной иерархией (кастовая система) и перенаселенностью. Кроме того, бедность являлась и следствием колониальной политики Великобритании, которая была нацелена, с одной стороны, на жесткую эксплуатацию ресурсного потенциала своих владений (а Индия до 1949 г. находилась под английским владычеством); с другой - на реализацию принципа «разделяй и властвуй» как в социальной, так и национальной политике. Все это влекло за собой нищету подавляющего большинства населения при гипертрофированном богатстве немногочисленного правящего класса.

Однако по мере государственного созревания Индии, роста ее политических и социально-экономических амбиций и активиза-

¹ URL: <http://expert.ru/2011/08/3/brazilskaya-zaschita/> (дата обращения: 15.12.2012).

² Кирчанов М.В. Бразильская экономическая теория: между традициями и инновациями // Современные научные исследования и инновации. 2011. Июнь [Электронный ресурс]. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2011/06/903> (дата обращения: 16.12.2012).

ции ее участия в международной жизни возникает потребность в преодолении указанной социальной разбалансировки. Как показывает мировая практика, странам третьего мира можно войти в мировую элиту только при условии инновационного рывка, в противном случае они обречены на бесперспективный догоняющий путь развития. «Лишь наука может решить проблемы голода и бедности, антисанитарии и безграмотности, беспросветных суеверий и обычаев, когда огромные ресурсы растрачиваются впустую, а богатую страну населяют умирающие от голода бедняки...», - так говорил Джавахарлал Неру, первый премьер-министр независимой Индии¹.

Первое десятилетие XXI в. ознаменовалось для Индии мощным экономическим подъемом и ускорением в развитии инновационной сферы. Это было обусловлено как завершением предварительной стадии подготовки экономики страны к инновационному этапу, так и появлением необходимой «критической массы» образованных индийцев. Так, в 2004 г. численность населения страны, имеющего высшее образование, достигла 53 млн человек (4,5% населения). Индия получила необходимое число сравнительно обученной, хотя относительно бедной молодежи, владеющей английским языком и имеющей возможность благодаря исторически сложившимся связям активно стажироваться в США и Великобритании. Кстати, это во многом определило инновационный профиль Индии как ведущего мирового центра ряда услуг, в частности, софтверного и бизнес-аутсорсинга и инжиниринга. В середине 2000-х гг. на долю Индии приходилось около 45% рынка бизнес-аутсорсинга и около 65% рынка /Г-аутсорсинга.

Все это позволило руководству государства приступить к следующему этапу преобразований. Так, в 2003 г. правительство Индии обнародовало очередные инициативы, ориентированные на инновационное развитие страны. В частности, они предполагали деbüroкратизацию и привлечение к управлению профильными министерствами и департаментами ученых и представителей академического сообщества; увеличение объема инвестиций в НИОКР до 2% ВВП к 2007 г., предоставление университетам и научным лабораториям права передачи технологий (раньше на

¹ Неру Дж. Воспоминания. Исследования. М., 1989. С. 34.

это требовалась санкция государства). Также анонсировалось создание финансовых стимулов в системе НИОКР (как собственных, так и аутсорсинговых; проведение реформы законодательства об интеллектуальной собственности¹).

Организационная инфраструктура государственной поддержки и развития инноваций в Индии в 2000-2010-е гг. продолжала формироваться и в настоящее время представляет собой сложную систему. Она включает в себя центральные министерства, министерства при правительствах штатов, организации при муниципальных образованиях (институты, университеты, школы, обучающие центры), комитеты национального уровня и регионов, сеть юридических институтов, законотворческих организаций и пр. Причем следует отметить, что зачастую многие из этих учреждений дублируют функции друг друга и нередко мешают проведению в жизнь централизованной линии.

Дальнейшие планы инновационного развития Индии были отражены в 11-м пятилетнем плане на 2007-2012 гг.: государство предусматривало значительные инвестиции в развитие инфраструктуры и сферы образования.

В итоге в 2012 г. Индия занимала восьмое место в мире по объемам инвестиций в инновационный сектор. С 1995 г. объемы инвестиций росли примерно на 8% в год, а страна приобрела позитивную репутацию у венчурных инвесторов.

Отечественные и зарубежные вложения позволили Индии резко интенсифицировать свою инновационную политику, особенно в таких отраслях, как автомобилестроение, разработка программного обеспечения, телекоммуникации и биотехнологии.

Примечательно, что такого рода инвестиционная подстраховка позволила стране относительно благополучно пережить глобальный финансово-экономический кризис 2008-2010 гг. Так, хотя от кризиса серьезно пострадали рынки США и ЕС, в том числе автомобилестроение и ИТ, в Индии эти отрасли, напротив, продемонстрировали рост. Настоящей сенсацией стало то, что в самый пик кризиса в 2009 г. индийский автомобильный концерн *Tata* запустил в производство самый дешевый в мире автомобиль

¹ URL: <http://www.gmu-countries.ru/asia/india/nis.html> (дата обращения: 21.08.2012).

Nano, на который сразу поступило 120 тыс. заявок¹. Кроме того, в условиях кризиса руководству страны удалось привлечь в местный автопром иностранные компании, которые заинтересованы в промышленной сборке своих моделей на территории Индии ввиду наличия здесь относительно квалифицированной и дешевой рабочей силы.

Что же касается **Малайзии**, то здесь поддержка отечественного бизнеса и государственного сектора не подразумевала создания тепличных условий за счет импортных ограничений, что позволяло сохранять здоровую конкурентную среду. Кроме того, в Малайзии развитие государственного сектора выполняло целевую задачу - перераспределение экономического потенциала между различными этническими группами в пользу коренного населения. По мере того, как госпредприятия начинали успешно функционировать, они передавались в пользование малайским бизнесменам.

Увеличение экономического потенциала позволило смягчить остроту многих социальных проблем. Доля населения, проживающего ниже черты бедности, снизилась с начала 1970-х к середине 1990-х гг.: в городах - с 22 до 4,5%, на селе - с 45 до 22%.

Более того, преодолев свои экономические и социальные проблемы, страна вступила на путь инновационных преобразований. Даже глобальный экономический кризис не смог поколебать ее стремления к развитию. Так, в целях создания условий минимизации влияния на экономику страны негативных тенденций мирового рынка, премьер-министр Малайзии Наджиб Разак объявил о разработке новой экономической модели (НЭМ), рассчитанной на обеспечение роста ВВП в 2011-2020 гг. на уровне не ниже 6,5% годовых.

Задача-максимум, поставленная правительством, - превратить Малайзию в страну с высокими доходами и развитым внутренним рынком. Малайзия намерена достичь роста доходов на душу населения до 15 тыс. долл. (ныне - 7 тыс.). НЭМ предусматривает также осуществление мер по развитию наукоемкой продукции в целях ослабления зависимости от нефтяной и газовой отрасли. Предусматривается увеличение расходов на образование. Намечены также меры по стимулированию предпринима-

¹ URL: www.lawinrussia.ru/node/119856 (дата обращения: 21.08.2012).

тельской активности. Сокращение бедности является одним из приоритетов НЭМ, хотя на 2011 г. уровень бедности в стране не превышал вполне «безобидных» 7%. Тем не менее НЭМ ставит задачу существенно снизить уровень бедности всех слоев населения независимо от этнической принадлежности¹.

Одновременно для Малайзии инновационный путь является возможностью укрепить свое влияние в исламском сообществе и даже в перспективе попытаться оспорить безоговорочное лидерство на данном направлении у монархий Персидского залива².

Для некоторых стран инновационная модернизация становится залогом выживания и успеха в региональной конкурентной среде. Например, это касается Южной Кореи и Сингапура. По мнению ряда аналитиков, в XXI в. основным законодателем политической и социально-экономической моды постепенно станет АТР. Но уже сейчас в данном регионе ведутся ожесточенные конкурентные войны. В этих условиях самоутвердиться и, более того, одержать верх над противниками, может позволить только инновационный скачок. В полной мере это продемонстрировал Сингапур, где форсированная модернизация позволила резко повысить статус страны и обеспечить ей весомые экономические и политические позиции в АТР. Что же касается Южной Кореи, то здесь фактор региональной конкуренции дополняется проблемой конкуренции политических систем. С 1953 г. Республика Корея находится в состоянии холодной войны с КНДР, и ее руководству для мобилизации поддержки населения требуется регулярно демонстрировать достижения и обеспечивать перманентное повышение жизненного уровня своих граждан.

Особо стоит подчеркнуть, что указанные выше модели «незападной» инновационной модернизации в своем большинстве реализуются в рамках либо недемократических (авторитарных), либо ограниченно демократических политических режимов. При этом в качестве двигателя прогресса чаще всего выступает не частный бизнес, как в западных странах, а государственная власть, которая является как заказчиком, так и контролером по-

¹ См.: Поляков Б. Малайзия сегодня // Форум. 2011. 11 июня.

² См., например: Синецкий Н.С. Социокультурные аспекты принятия технологический инноваций на современном арабском Востоке. URL: http://www.chiep.ru/pics/uploads/docs/NIR/CONFERENC/Sinetskij_N.S.pdf (дата обращения: 16.12.2012).

добных реформаций. Особенно это касается КНР, Российской Федерации, Сингапура и Южной Кореи; в меньшей степени Индии и Бразилии.

В качестве примера такого эффективного государственно-частного партнерства можно привести Южную Корею, где процессы концентрации и централизации капитала в экономике страны способствовали возникновению крупных финансово-промышленных групп (чеболь), которые сформировались на базе торговых фирм и включают компании различных отраслей, являясь огромными конгломератами. Примерно 50 групп играют доминирующую роль в хозяйстве страны, среди них такие известные корпорации, как *Hyundai*, *Samsung*, *Daewoo*, *LG*. Отличительная особенность их успешного развития заключается в том, что они стремились не к краткосрочным прибылям, а к сохранению и усилению позиций на рынке, переходя от одного сектора производства к другому, более высокому в технологическом отношении. Это служит прекрасным примером того, какую прибыль могут приносить вложения в наукоемкое производство. При этом правительство Южной Кореи играет доминирующую роль в экономике, осуществляет прямой и косвенный контроль во внешнеэкономических связях¹.

Одновременно привлекательным моментом «инновационной альтернативы» с точки зрения населения и руководства указанных государств является то обстоятельство, что **модернизация здесь не предполагает отказа от национальных традиций и подгонки под западные стандарты качества**. Как показывает практика, жесткое следование американским и европейским приоритетам далеко не всегда обеспечивает странам «отраженной модернизации» политические и социально-экономические прорывы (единственным исключением из данного правила является разве что Япония, хотя и здесь весьма существенно влияние национального характера). Более того, такая зависимость от иностранного влияния зачастую ставит адаптируемые страны в подчиненное положение по отношению к кураторам и практически исключает возможность выбора ими самостоятельного пути развития.

¹ См.: Тулеев А. М., Шатилов С. В. Россия перед прыжком. М., 2004. С. 166.

Глава 1

СТРАТЕГИЯ БОРЬБЫ ЗА ГЛОБАЛЬНОЕ ЛИДЕРСТВО: ОПЫТ КНР

1.1. Инновационный путь как обеспечение суверенитета Китая

После крушения биполярной системы миропорядка в связи с распадом СССР в экспертном сообществе и политическом истеблишменте начались активные дискуссии относительно возможной глобальной политической и экономической альтернативы влиянию США.

Сперва, в 1990-е гг., в качестве таковой рассматривался еще только формируемый Европейский союз, который изначально задумывался именно как альянс экономически развитых и инновационно ориентированных государств, обладающий существенным кумулятивным эффектом.

Тем не менее ЕС не выдержал бремя альтернативы, с одной стороны, в силу недостатка геополитической инициативы, а с другой - ввиду целенаправленного противодействия США, которые умело играли на понижение статуса своих партнеров - конкурентов из Старого Света. Так, во многом Вашингтоном были инспирированы кровопролитные войны на Балканах, которые существенно дестабилизировали европейское пространство и привели к появлению целого ряда противоречий: от национально-религиозных до экономических. Кроме того, есть основания полагать, что именно с подачи США был запущен проект форсированной евроинтеграции слабых в экономическом отношении постсоветских государств, а также процесс их форсированного вступления в НАТО. Все это привело к нарастанию внутреннего дисбаланса в Евросоюзе, а также к осложнению отношений Брюсселя и Москвы. При этом следует отметить, что российское руководство практически с 1991 г. выступало за углубление партнерства с европейскими коллегами и Западом в целом. Однако такое

взаимодействие РФ и ЕС могло привести к созданию исключительно мощного блока, основанного не на абстрактных идеях, а на рациональном и взаимовыгодном политико-экономическом сотрудничестве (хотя бы даже в рамках формулы «энергоресурсы в обмен на инновационные технологии»). Поэтому США предприняли максимально возможные усилия, чтобы воспрепятствовать такому консенсусу. В итоге Евросоюз так и не сумел реализовать своего изначально имевшегося потенциала и не стал глобальной альтернативой США. Более того, как показали события 2000-х гг., в условиях экономического спада и внутренних неурядиц лидеры Евросоюза предпочли (после недолгой фронды Шредера-Ширака) вернуться «в лоно» Вашингтона в статусе безынициативных «младших братьев», фактически поступившись своим суверенитетом.

Однако с середины 1990-х гг. появляется новый претендент на роль глобального лидера - Китайская Народная Республика, которая после подавления оппозиционной фронды начала активное восхождение в политическом и экономическом плане.

При этом следует отметить, что КНР вступила на модернизационный, а затем инновационный путь не только в условиях неблагоприятной внешнеполитической конъюнктуры (фактически находясь во враждебном окружении), но и в условиях всеобщего научного и методологического скепсиса относительно реформаторского потенциала несвободных стран. Дело в том, что победное шествие либеральной демократии в 1980-1990-е гг. привело к формированию в политической науке устойчивых стереотипов. Так, транзитология того времени практически отказывала тоталитарным государствам, наподобие КНР, даже в шансах дожить до XXI в., не говоря уже о том, чтобы занять в следующем столетии место среди избранных.

В частности, большинство политологов тех лет отрицали серьезный модернизационный потенциал тоталитарных (и даже недемократических) государств, отмечая тот факт, что «тоталитарная реконструкция не решила проблем, ради которых она проводилась»¹. В этом плане особо активные дискуссии велись относительно модели сталинской модернизации в СССР, взятой

¹ Тоталитаризм в Европе XX в. Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления / рук. авт. колл. Я.С. Драбкин, Н.П. Комолова. М., 1996. С. 394.

на вооружение и режимом Мао Цзе Дуна в послевоенном Китае. Одновременно в политической науке господствовала точка зрения, что социалистическая модель и коммунистическая идеология являются архаичными и неадаптивными, особенно с учетом трансформаций конца XX в. При этом авторы считали, что развитие при социализме концентрировалось лишь вокруг политических императивов, тоталитарной власти, сильного государства. Поэтому, как отмечал В.Г. Хорос, «в социалистических обществах индустриализация и экономический рост "не работали" или "работали" крайне слабо на массовый потребительский спрос, на создание полноценного внутреннего рынка и межотраслевой пропорциональности»¹. Правда, при этом указывалось, что применительно к Советской России нельзя отрицать того, что социалистические преобразования 1930-1950-х гг. принесли элементы, которые принято включать в процесс модернизации (индустриальный рост, урбанизацию, развертывание массовой системы образования и здравоохранения, развитие коммуникаций и т.п.).

В то же время, по мнению сторонников либерального пути развития, внедрение отдельных элементов модернизации еще не означало реализации модернизации в целом. В частности, их жесткую критику вызывало то обстоятельство, что экономический подъем в СССР не сопровождался политическим обновлением, созданием демократических институтов. Одновременно подчеркивалось, что некоторые социальные достижения тоталитаризма были основаны на принципе уравнительности, искусственном ограничении доходов; право подменялось волюнтаризмом и бюрократическим произволом; коллективизм подавлял личность². Кроме того, отмечалось, что в отличие от «позитивной модернизации» в западных странах, «негативная модернизация» в СССР гораздо более решительно и безжалостно разрушила структуру традиционного общества, а также в зародыше оказались ликвидированы первые результаты «буржуазной модернизации» - предпринимательство, система демократических учреждений и т.п.³

¹ Авторитаризм и демократия в развивающихся странах. М., 1996. С. 308.

² См. там же. С. 309.

³ См. там же.

Также ученые либерального направления, подобно американскому исследователю немецкого происхождения Т. фон Лауэ, считали, что модернизация есть процесс революционный и «становление Запада было главной мировой революцией», а «всевозможные «измы» - коммунизм, фашизм, маоизм - это реакция на эту революцию, попытка отстающих стран, идя своим путем, преодолеть отсталость¹.

Не менее существенным являлся и вопрос о темпах модернизации, ее последовательности и поступательности. В частности, подчеркивалось, что первичная модернизация Великобритании осуществлялась «изнутри» на основе «фазового, многотактового, самостоятельного развития политического, культурного и экономического рынка»². При этом индустриальный скачок становился возможным лишь по мере того, как «человек традиционный» превращался в «человека рыночного»³. Форсированные же темпы модернизации, характеризующие историю СССР и ряда других стран «незападного» типа (в том числе КНР), по мнению либеральных транзитологов, приводили лишь к перекосам и неорганичности их развития. Конечно, они признавали, что форсированная советская модернизация 1930-1940-х гг. позволила советскому государству заимствовать и даже в некоторой степени развить технологические, инструментальные достижения западных обществ, однако отмечалось, что при этом не удалось создать адекватных социальных механизмов их саморазвития (рыночная экономика, институты гражданского общества, политическая демократия). Соответственно делался вывод о противоречивости и ущербности советского варианта модернизации.

Главные проблемы, на которые обращается внимание в политологии при изучении процессов модернизации, а затем и инновационного развития, состоят в определении характера политических институтов, которые, с одной стороны, обеспечивают наибольшую эффективность социально-экономических преобразований, а с другой - содействуют стабильности при резко возрастающей вследствие модернизации динамичности социальных процессов.

¹ См.: *Von Laue Th. The World Revolution of Westernization. The Twentieth Century in Global Perspective.* N.Y.; Oxford, 1987. P. 35.

² Тоталитаризм как исторический феномен. М., 1989. С. 87.

³ Там же.

С этой точки зрения надо признать, что «тоталитарные» институты КНР (хотя, конечно, при всем своем формально коммунистическом характере Китай после Мао Цзе Дуна вряд ли можно относить к тоталитарным режимам) продемонстрировали не только волю к жизни, но и адаптивность к реалиям рубежа XX-XXI вв. Кроме того, устойчивость политической системы КНР была обусловлена политико-культурными приоритетами населения страны.

Так, одной из важнейших черт политической культуры восточного типа является стремление к организации общества на патерналистской и патриархальной основе. Советская модель государственности в значительной мере отвечала данным запросам. Коммунизм представлял собой всеобщую организацию населения страны в систему отношений начальствования и подчинения. Здесь власть выступала как средство самоорганизации масс и вырастала из потребности «обеспечить существование страны как единого социального организма»¹. Коммунистическое государство по своей природе тотально, в сферу его компетенции входят все без исключения аспекты жизни страны, контролирующая и регламентирующая функции государства приобретают всеобщий характер. Необходимо отметить, что даже левоцентристская западная общественность со своей тягой к свободе, индивидуальности, распылению власти не могла принять подобной модели, которая по многим своим основаниям противоречила классическому марксизму. Так, венгерские исследователи Л. Беллади и Т. Краус критиковали И. Сталина за то, что он «рассматривал государство исключительно с точки зрения его прочности и силы... По его мнению, оно должно быть централизованным, управляемым сверху, должно проявлять заботу, благодетельствовать»². Противопоставляя сталинской модели государства марксистское видение роли и характера государственного управления в обществе, они отмечали, что в классической теории «социалистическое общество исключало возможность бюрократической централизации», а государство подлежало медленному умерщвлению³. В то же время в тоталитарных теориях государство, на-

¹ Зиновьев А. Коммунизм как реальность. М., 1994. С. 318.

² Беллади Л., Краус Т. Сталин. М., 1989. С. 310.

³ См. там же. С. 313.

против, мыслилось как истинный гарант прав человека и коллектива, как мощный регулирующий и арбитражный институт, обладающий к тому же определенной сакральной ценностью. В свою очередь, резкой критике подвергалось государство «релятивистское», которое «не ставит никаких положительных целей, не руководствуется никакими стабилизированными принципами»¹. К такого рода задачам относились освобождение людей от личной борьбы за существование путем формирования максимально развитой материально-технической базы жизни; создание высшей культуры, которая воплощала бы в себе идею общечеловеческого достоинства и в тоже время максимально служила бы проявлению национальных и местных особенностей; вовлечение в экономическое, политическое, социальное строительство возможно большего числа граждан.

Одновременно вполне соответствовала национальным традициям Китая и однопартийная модель, предполагающая политический моноцентризм и жесткую иерархию. И это опять же было связано с мировоззренческими приоритетами элиты и рядового населения КНР, которые в силу относительно позднего создания современной китайской государственности (1949 г.), предпочитали простые политические схемы. А однопартийная модель сужает до минимума политическое пространство, упрощает правила политической игры, что в условиях становления политической системы лишь облегчает задачу поддержания порядка и утверждения стабильности. С другой стороны, данная модель позволяет и населению, и элите, не имеющих серьезного опыта политической борьбы (ввиду отсутствия подобной возможности в условиях колониальной зависимости), чувствовать себя комфортно и уверенно, принимать простые политические решения.

Кроме того, эта система позволяла эффективно бороться с «явными и затаившимися врагами», «неконструктивной оппозицией», а также любым идейно-политическим соперником², что было немаловажным для государств и народов, совсем недавно находившихся под гнетом колонизаторов и где проблема противоборства в системе координат «мы-они» была весьма актуаль-

¹ Политико-правовая утопия в России. Конец XIX - начало XX века. М., 1991. С. 315.

² См.: *Игрицкий Ю.К.* Тоталитаризм: Лекарство от демократии? // Тоталитаризм: что это такое? (Исследования зарубежных политологов). М., 1993. Ч. 1. С. 34.

ной. Примечательно, что, несмотря на то, что, по неофициальным данным, около половины населения Китая полуграмотно, тем не менее власти удалось создать эффективную систему информационного обеспечения, т.е. доведения до населения позиции государства как единственно приемлемой и абсолютной точки зрения. Со всей наглядностью это проявилось после студенческих волнений на площади Тяньаньмэнь в 1989 г., когда через СМИ до обывателя была доведена информация, что в Пекине, Шанхае и некоторых других крупных городах действовали небольшие группы экстремистов и уголовников. Лидеры Китая убедили народ в том, что беспорядки инспирировались идеологическим противником из Вашингтона. Одновременно большую роль в победе сыграло эффективное информационное воздействие на китайскую диаспору в США и Западной Европе.

В немалой степени население постколониальных государств испытывало тягу и к коллективистским формам организации жизни при недемократических политических режимах, и к господству моноидеи в виде идеократии. Массовая политическая социализация, имевшая место в данных странах после освобождения от колониальной зависимости и утверждения суверенитета, в условиях слабой ориентации населения в политических процессах, приводила к его консолидации и доминации коллективных форм политического участия. Кроме того, отсутствие четко сформулированных собственных политических интересов, неопределенность мировоззренческих приоритетов и недостаток соответствующего опыта, давали возможность тоталитарной власти легко манипулировать общественным мнением в постколониальных странах, увлекать большинство населения простыми, зачастую мифологизированными идейно-теоретическими формулировками. В свою очередь, подобная простота и доступность тоталитарных идей вела к их популярности и востребованности в широких слоях населения. В то же время импортируемая в постколониальные страны западная либеральная идеология нередко наталкивалась на сопротивление местных верований, обычаев, традиций, базовых ценностей, в результате чего она либо вытеснялась иной идеологической и мировоззренческой системой, либо претерпевала серьезные трансформации¹.

¹ См.: *Купряшин Г.А.* Политическая модернизация. М., 1991. С. 38-39.

Примечательно, что, преодолев догматизм, но не отказавшись в целом от идеологии марксизма, китайское руководство достаточно легко сумело найти его сочетание с традиционными мировоззренческими схемами, в том числе в деле обеспечения инновационного развития. Так, современный Китай отличается органичным сочетанием новаций и традиций. По большому счету, такая мировоззренческая конструкция была заложена еще знаменитым философом Конфуцием, который выступал с позиций сбалансированности знания и этики в жизни человека. Также и современная инновационная политика КНР базируется не на принципе «модернизация ради модернизации», но уделяет большое внимание человеческому фактору, воспитанию «благородного мужа», гармонично развитой и образованной личности, способной решать не только личные, эгоистические, но и общественные задачи. Недаром в настоящее время в Китае Конфуций почитается как мыслитель и духовный наставник сферы науки и образования, а конфуцианство выступает в качестве идеологической основы китайского общества¹.

Одновременно в результате долгих дискуссий китайской элите удалось достичь консенсуса относительно руководящего курса, с одной стороны, позволяющего проводить реформы; с другой - сохраняющего неизменность базовых основ государства и общества. Так появилась концепция нового авторитаризма, или неоавторитаризма. Главный смысл ее заключался в том, что рыночные отношения в экономике и политическая демократия должны вызревать в стране постепенно, под кураторством сильной и жесткой власти, в то же время ориентированной на реализацию модернизационного пути. Сторонники такого подхода настаивали на том, что новый авторитаризм принципиально отличается от прежнего. Старый авторитаризм, с их точки зрения, - это режим, функционирующий в рамках замкнутых циклов, где сильная власть постепенно подрывается и взламывается растущими противоречиями в экономике и обществе, за которыми следуют беспорядки и хаос, подавляемые, в свою очередь, новой сильной властью, и т.д. А неоавторитаризм ставит своей целью не

¹ См.: Константинова М.А. Философские основы современного китайского образования. URL: <http://www.gramota.net/materials/3/2011/4-1/18.html> (дата обращения: 12.12.2012).

сохранение статус-кво, а динамичное развитие общества. В итоге будут созданы условия для демократических преобразований, но преобразований мирных, эволюционных. Китайские сторонники неоавторитаризма настаивали на том, что перейти к демократии можно лишь путем всеобъемлющей модернизации, правда, модернизации не одномоментной, а поэтапной и разноплановой, в результате которой и будут созданы экономические, социальные и психологические предпосылки для демократии и свободы в Китае. Тем самым, с их точки зрения, завершился бы тот модернизационный процесс, который начался в КНР с середины XIX в. и по-разному интерпретировался (в том числе и в немалой зависимости от понимания его соотношения с характером режима) Кан Ювэем, Сунь Ятсеном, гоминьдановцами и коммунистами.

Однако вне контекста этих внутренних дискуссий «недемократическое» и традиционное общество на рубеже XX-XXI вв. могло существовать и развиваться только при тщательном сохранении своего суверенитета и обеспечении лояльности подавляющего большинства населения. Более того, особенность китайского политического режима лишь подталкивала его руководство к инновационному пути развития, поскольку, после падения Советского Союза элиты США и Европы вступили на путь либерального мессианства и объявили войну любым политическим альтернативам. При этом использовался самый широкий инструментарий для дезавуации политических и идеологических оппонентов (от технологий «оранжевых революций» до прямого силового вмешательства). Можно вспомнить и бывшую Югославию, и Афганистан, и Ирак, и Ливию, и Грузию, и Украину и другие проекты принуждения к демократии, реализованные Западом в 1990-2000-е гг.

Соответственно, выжить и процветать в условиях такого давления суверенный Китай мог лишь в случае динамичной реакции на инновационную повестку дня и опережающих темпов развития. Конечно, подкрепить свой суверенитет инновационными достижениями пытались многие страны (Иран, Сирия, Венесуэла), но в полной мере это удалось пока лишь КНР. Как отмечает в своем исследовании В.В. Севальнев, «Китай не стоял на месте, постоянно занимался поиском своего, особенного пути развития, добившись

значительных успехов в построении современной экономики, основанной на заимствовании иностранных и развитии на этой базе собственных инновационных наработок»¹.

Именно наличие самостоятельности на международной арене и обладание внутренним суверенитетом отличают глобальную сверхдержаву от обычной страны и даже от так называемых государств - региональных лидеров. Как замечает Е.Г. Богданова, «Китай часто рассматривают как последний бастион Вестфалья или поборника вестфальской концепции абсолютного суверенитета. Это вполне объяснимо: стремление китайцев закрепить в международной политике принцип приоритета национального государства прослеживается во всех внешнеполитических действиях КНР, будь то борьба за лишение легитимности далай-ламы, тайваньский вопрос или притязания на владение островами в Южно-Китайском море»². При этом, несмотря на активную внешнюю критику такой позиции, именно жесткая позиция в отношении своего суверенитета позволяет китайскому руководству обеспечивать необходимую для инновационных преобразований внутреннюю стабильность и, как ни парадоксально, привлекать инвесторов. Более того, проведенная внутривластная мобилизация позволила КНР в достаточно короткие сроки выйти на позиции глобальной великой державы, причем как в экономическом, так и в военно-политическом отношении. В этом плане примечательны слова председателя КНР Ху Цзинтао, сказанные им во время встречи с китайскими учеными в январе 2006 г.: «К 2020 г. Китай должен превратиться в государство инновационного типа, такова цель нашей страны в области научно-технического развития на ближайшие 15 лет... суть такого государства заключается в том, чтобы мощь науки и техники способствовала экономико-социальному развитию и обеспечению национальной безопасности, чтобы синтез базовых научных исследований и изучения передовых технологий существенно усиливал и позволял достичь таких научно-технических результатов,

¹ Севальнев В.В. Правовое регулирование налогообложения инновационного сектора КНР. М., 2012. С. 3.

² Богданова Е.Г. Современная теория МО о взглядах Китая на суверенитет // Известия Саратовского университета. Сер.: Социология. Политология. 2011. Т. 11. Вып. 3. С. 82.

которые были бы существенны для всего мира»¹. При этом руководством КНР не только поставлена цель, но и определены четкие сроки и вполне надежные критерии, которые можно проверить эконометрически. В частности, к 2020 г. Китай должен повысить долю в ВВП, направляемую на науку, с 1,34% (2005 г.) до 2,5%, довести долю вклада технологического развития в ВВП до 60%, снизить зависимость от иностранных технологий до 30%.

«Инновационная модель развития - это следующий шаг китайской экспансии. Сначала КНР стала мировым сборочным цехом, теперь там встали на путь модернизации, который должен в будущем стать новым локомотивом роста. Это важный шаг по диверсификации экономики. Если сейчас Китай может доминировать на рынке только как производитель дешевых и не всегда качественных товаров, то ориентация на инновации позволит перейти не только на экспорт товаров, но и на экспорт технологий. Учитывая то, что китайские власти умеют создавать благоприятные условия для воплощения своих идей в жизнь, то светлое технологичное будущее не за горами», - полагает Николай Солабуто, управляющий активами УК ФГ БКС².

1.2. Становление в КНР идеи инновационного развития

Необходимо отметить, что Китай подошел к инновационному проекту последовательно, но при этом реализовывал его форсированно, преодолевая один этап политико-экономического становления за другим.

С этой точки зрения можно выделить *три этапа развития КНР с 1949 г. по настоящее время.*

I этап (1949 г. - середина 1980-х гг.) характеризуется формированием политической системы «нелиберального» типа, а также активной индустриализацией и оформлением национальной экономической модели.

¹ Программный документ по реформированию и развитию образовательной системы Китая [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.people.com.cn/31857/94147/95070/index.html> (дата обращения: 10.11.2012).

² Цит. по: Королева А. Китайские инновации. URL: <http://expert.ru/2011/05/6/kitajskie-innovatsii/> (дата обращения: 11.11.2012).

В условиях социалистического планового режима в Китае доминировала линейная, иерархичная модель создания инноваций, предполагавшая ведущую роль государства в процессе экономической модернизации. Правительство выступало здесь в качестве координатора, а государственные исследовательские институты играли основную роль в процессах развития. Так, в период 1950-х - начала 1980-х гг. НИИ создавались на разных административных уровнях для решения в том числе инновационных задач. При этом ведущую роль играла Китайская академия наук (КАН), которая совместно с рядом других научных центров (Пекинским университетом и Синьхуа) осуществляла фундаментальные исследования. Кроме того, под эгидой отраслевых министерств была выстроена целая система промышленных НИИ, осуществлявших прикладные проекты и разработки. Далее в инновационной иерархии шли региональные государственные научные центры, которые решали более локальные задачи. Вследствие своей относительной слабости сектор высшего образования играл второстепенную роль, лишь периодически ассистируя в разработках исследовательским институтам. Большинство университетов КНР в этот период концентрировались на подготовке квалифицированных кадров и научно-исследовательской деятельностью практически не занимались. Кроме того, ряд образовательных центров имели отраслевую привязку, т.е. они работали на потребности отдельных отраслей промышленности.

Промышленные предприятия в принципе не участвовали в инновационном поиске, поскольку в рамках плановой модели выполняли иные функции, в основном связанные с производством и реализацией продукции. Что касается вывода технологических новинок и передовой продукции на рынок, то в соответствии с плановым характером экономики эту функцию брало на себя государство. Основным инструментом политики служили планы экономического и научно-технологического развития на очередной год и пятилетку.

Существовала относительно сложная система разделения полномочий при принятии решений. Так, Государственный комитет по планированию (ныне - Государственная комиссия по развитию и реформам) отвечал за распределение производственных заказов по предприятиям и внедрение новых технологий

в экономику. Министерство науки и технологий, в свою очередь, составляло научно-технологические планы.

При этом инновационные разработки во многом несли на себе печать политических приоритетов правящего класса КНР. Так, в первую очередь они были ориентированы не столько на стратегические прорывы, сколько на обеспечение внутренней и внешней стабильности. Прежде всего инновационный точечный поиск шел в рамках военно-промышленного комплекса, а также в некоторых других отраслях (например, в здравоохранении, где был создан искусственный инсулин).

Конечно, такая система не избежала традиционных издержек плановой экономики и тоталитарного руководства. В частности, предприятия ориентировались в основном на экстенсивный рост производства, практически не имея стимулов к повышению эффективности своей деятельности или увеличению рентабельности, защита интеллектуальной собственности и авторских прав практически не осуществлялась, а результаты инновационных исследований редко доходили до реального сектора экономики.

Одновременно стоит подчеркнуть, что серьезных инновационных задач КНР в этот период не ставила, а ориентировалась на создание относительно современной промышленной технологической базы. Иными словами, требовалось создать прожиточный минимум, для того чтобы выстоять в непростой международной ситуации и создать основу для дальнейшего развития страны.

Однако по мере развития политической и экономической системы КНР, а также в связи с новыми глобальными вызовами руководству страны пришлось кардинально изменить подходы к стимулированию инноваций, при этом не отказавшись от государственного контроля и регулирования.

II этап (конец 1970-х - середина 2000-х гг.) связан с промышленной модернизацией КНР и встраиванием ее экономики в мировую систему разделения труда.

В декабре 1978 г. 3-й пленум ЦК КПК 11-го созыва положил начало курсу открытости и реформ в Китае, цель которых заключалась в отказе от советской модели экономики, переходе к строительству социализма с китайской спецификой. Провозгласив критерием эффективности экономический рост, КПК призна-

ла товарный характер экономики и многоукладность, а план и рынок - средствами экономического регулирования, а не экономическими антиподами. При этом под контролем государства сохранялись ведущие отрасли экономики. Были внесены изменения и в механизм политического руководства КПК. Строительство социализма с китайской спецификой провозглашалось воплощением теории начального этапа социализма. Предпринятые КПК внутренние преобразования превратили ее в признанный обществом институт государственного управления, руководителя сильной вертикали власти. На протяжении последних десятилетий китайская компартия сумела сформировать модель эффективной политической системы и восстановить традиционный принцип регулирования китайской общественной жизни - не через авторитет силы, а через силу авторитета¹.

При этом начинал реформы Китай в некомфортной ситуации. С одной стороны, после смерти Мао Цзе Дуна в стране наблюдалось политическое брожение, в том числе звучали требования демонтажа коммунистической системы. Во-вторых, не было глобальных союзников, которые бы протянули руку помощи в деле реформ, поскольку и с Западом, и с СССР КНР находилась фактически во враждебных отношениях. В-третьих, ресурсный потенциал Китая был не слишком велик: значительная часть территории страны (59,37%) - это гористая местность, а наиболее удобные для жизнедеятельности земли составляют всего 31% всей площади.

В этой ситуации власти КНР фактически отказались от принципов пролетарского интернационализма и сделали выбор в пользу идеи «китайского единства». В частности, с призывом помочь Родине власти обратились к зарубежному китайскому этническому бизнесу (многие из предпринимателей бежали из Китая после победы коммунистов в 1949 г.), причем на небескорыстной основе - инвесторам были обещаны колоссальные льготы. Так, создававшиеся репатриантами предприятия на несколько лет практически полностью освобождались от налогов. Кроме того, к их услугам была невзыскательная дешевая рабочая сила,

¹ См.: Чудодеев Ю. Россия - КНР: динамика отношений. Вызовы глобализации и перспективы сотрудничества // Азия и Африка сегодня. 2011. № 10. С. 3.

которая стоила в разы меньше, чем в Гонконге или на Тайване, да еще и выращенная в условиях жесткой дисциплины.

Конечно, отдать страну целиком на откуп «капиталистам» правящий режим не решился, поскольку это было бы чревато серьезной политической турбулентностью и стало бы фактическим отказом от самостоятельного, коммунистического пути развития. Соответственно, для реализации инновационного эксперимента были отведены 18 специальных экономических зон, получивших инвестиционные и налоговые льготы. Эти СЭЗ и стали фактически точками роста КНР и центрами притяжения иностранных инвестиций. Только за 30 лет реформ КНР привлекла в свою экономику 860 млрд долл. США прямых иностранных инвестиций. За это же время было создано 650 000 предприятий с иностранным участием, которые не только устранили зависимость ряда отраслей экономики от импорта, но и стали ведущими поставщиками продукции на мировой рынок. В результате Китай вышел на первые позиции по поставке высокотехнологичной машиностроительной продукции, обеспечив 500%-ный рост экспорта промышленных товаров от уровня 2002 г. Кстати, данный прогресс явился результатом и соответствующей экономической политики поддержки экспорта¹.

Несколько позже, в 1982 г. принимается специальная программа инноваций в социально-экономической сфере, так называемые штурмовые планы. Результатом одного из первых таких «штурмов» стала идея создания научных парков, которые были призваны ликвидировать научно-технологическое отставание КНР от ведущих стран Запада². Первый из таких парков был организован в Шэньчжэне в 1985 г., расположенном весьма удачно - недалеко от Гонконга, который стал источником технологий и инвестиций. Научно-технологическую поддержку парку оказали как местный университет, созданный в 1984 г., так и многие другие исследовательские и образовательные центры КНР. Место в парке предоставлялось не всем желающим, а только фирмам, обладавшим передовыми или новыми технологиями и имевшим возможности для их внедрения. Обязательными были также на-

¹ См.: Кириллов С. Инновации в Китае - развивать и покупать. URL: <http://www.chinapro.ru/rubrics/2/1925/> (дата обращения: 12.10.2012).

² URL: <http://www.kommersant.ru/doc/666549> (дата обращения: 16.11.2012).

личие рыночной ниши для продукции и экспортная ориентация производства. За 10 лет работы парка «Шэньчжэнь» в нем было разработано более 90 новых технологий и продуктов, некоторые из которых стали элементами национальной научно-технической стратегии в области передовых технологий. Другие технологии, такие, как, например, китайская интегрированная компьютерная система «Чжучжэнь», портативная рентгеновская установка *Xenton* и некоторые другие, стали лучшими в мире¹.

Одновременно в КНР стала складываться система венчурного финансирования, которая ведет свой отсчет от 1985 г. Так, на конец 2004 г. в стране насчитывалось уже более 180 различных венчурных инвестиционных компаний, из них 90% - правительственные, 8% - иностранные, а остальные 2% - совместные. Общая сумма их капиталовложений превысила 30 млрд юаней (более 3,5 млрд долл. США)².

При этом опять же сверху спускались для реализации целевые программы и планы. Несмотря на то, что и по названию, и по директивности они вполне соответствовали различным иным кампаниям коммунистической эпохи, тем не менее своей целью они имели как раз инновационное развитие КНР.

Так, с 1986 г. началось осуществление утвержденной китайским правительством программы «Искра», целью которой являлось содействие развитию сельской экономики на основе применения научно-технических достижений. Она финансировалась в основном за счет банковских кредитов и аккумуляции средств сельскохозяйственных коммун при дополнительной финансовой помощи государства. А в 1990 г. был введен в действие государственный план приоритетного внедрения научно-технических достижений, источниками финансирования которого являлись в основном кредиты, капитальные инвестиции, собственные средства предприятий, аккумуляция общественных средств, средства отраслей или провинций.

Ввиду того, что форсированная модернизация Китая долгое время проводилась в жизнь без учета потребностей граждан, к середине 1990-х гг. стало ясно, что без интенсивной социальной политики инновационный проект может потерпеть поражение.

¹ URL: <http://www.kommersant.ru/doc/666549> (дата обращения: 16.11.2012).

² Там же.

Соответственно, в 1996 г. была принята научно-техническая программа социального развития. Она охватывала такие направления, как медицинское обслуживание и санитария, здоровье, рациональное использование природных ресурсов и их охрана, защита и улучшение экологической среды, превентивные меры против стихийных бедствий и коммунальное хозяйство.

В 1998 г. руководство КНР сконцентрировало внимание на проекте «созидания новых знаний», на который в течение трех лет было выделено 4,8 млрд юаней (около 600 млн долл. США). Целью программы стало создание механизма интеллектуального новаторства. В том же году правительство КНР выделило 1 млрд юаней (около 120 млн долл. США) на учреждение Фонда средних и малых предприятий научно-технического профиля, предназначенного для создания механизмов рискованных инвестиций, поддержки трансформации научно-технических достижений в реальную производительную силу.

Еще два инновационных проекта имели научно-исследовательский и технологический характер. В марте 1986 г. была запущена программа «863», ориентированная на развитие высоких технологий, чтобы в период после 2000 г. подготовить почву для обеспечения стабильного роста экономики страны. В программе в качестве приоритетных были выделены восемь областей развития: биоинженерия, космическая техника, информатика, лазерная техника, автоматика, энергетика, новые материалы, техника освоения Мирового океана. С 1988 г. в КНР осуществляется программа освоения высоких и новейших технологий «Факел», нацеленная на содействие коммерциализации достижений в области высоких и новейших технологий, индустриализации производства товаров высоких и новейших технологий и интернационализации индустрии этих технологий. Основным источником финансирования этой программы являются аккумулированные общественные средства. В рамках данной программы правительство Китая участвует в финансировании только отдельных проектов. Основные направления деятельности программы «Факел»:

- строительство и поддержание деятельности научных технопарков (*Science & Technology Industrial Parks - STIP*);

- создание и обеспечение функционирования технологических бизнес-инкубаторов (*Technology Business Incubators*), поддерживающих формируемые стартапы;
- финансовая поддержка предприятий малого и среднего бизнеса посредством учрежденного в 1999 г. инновационного фонда (*Innovation Fund for Tech-based SMEs*).

Под управлением Центра «Факел» в КНР созданы и успешно функционируют 89 национальных зон высоких технологий¹.

Все эти инициативы руководства КНР также можно считать вложениями в «человеческий капитал» и социальным стимулированием участия граждан в инновационных процессах.

В КНР с начала модернизации присутствовала долгосрочная стратегия развития экономики: импорт технологий, создание экспортных зон, рабочие места в сельскохозяйственных регионах, строительство городов и повышение внутреннего спроса, строительство инфраструктуры, модернизация ВПК.

Правительство КНР применило модель параллельного развития различных экономических укладов при сохранении доминирующей роли госсектора, что обеспечивалось сильным бюрократическим аппаратом, сохранившимся от периода Мао, но получившим новые ориентиры и задачи.

III этап (середина 2000-х гг. - настоящее время) связан с движением Китая в инновационном направлении. В 2006 г. Госсовет КНР принял документ «Основы государственного плана среднесрочного и долгосрочного развития науки и техники на 2006-2020 годы», предусматривающий уменьшение зависимости Китая от импорта технологий и превращение страны в «инновационно ориентированное общество» к 2020 г. На состоявшемся в начале 2006 г. Общегосударственном научно-техническом совещании Генеральный секретарь ЦК КПК Ху Цзиньтао определил задачу выхода на инновационный путь развития с учетом китайской специфики с приложением усилий для построения инновационного государства. По словам председателя КНР, «суть такого государства заключается в том, чтобы мощь науки и техники способствовала экономико-социальному развитию и обеспечению национальной безопасности, чтобы синтез базовых научных исследований и изучения передовых технологий существенно усиливал и позволял

¹ URL: http://www.nptemp.ru/news_show/185 (дата обращения: 16.12.2012).

достичь таких научно-технических результатов, которые были бы существенны для всего мира»¹.

Для достижения данной цели руководством Китая был выделен ряд наиболее важных вопросов: 1) построение государственной инновационной системы; 2) выработка и реализация политических мер, благоприятных для развития собственных инноваций; 3) создание базовой научно-технической системы, благоприятной для проведения самостоятельных инноваций.

План выделяет ключевые приоритеты во многих отраслях, включая эффективное использование и облегчение доступа к энергетическим и водным ресурсам, развитие экологических технологий и технологии защиты права интеллектуальной собственности. Приоритетными областями на длительный период являются биотехнологии, авиакосмическая промышленность, авиация и морские технологии.

Таким образом, будет создана научная база для осуществления всестороннего развития экономики и общества Китая, а также для самостоятельно научного развития. Благодаря этому КНР сможет осуществить прорыв в области инноваций, вывести китайскую науку на новый уровень, превратить Академию наук в государственную академию мирового уровня.

Кстати, на протяжении всех 2000-х гг. Китай активно вкладывал средства в науку, постоянно наращивая финансирование наданном направлении.

В частности, расходы на науку и технику в Китае за период 2000-2008 гг. увеличились с 12,9 млрд до 65,3 млрд долл. США, а доля НИОКР в ВВП достигла 1,52%. Хотя, справедливости ради, следует отметить, что по данному показателю КНР отстает от других «сильных мира сего»: в США этот показатель составил в 2008 г. 2,68%, а в Японии и Республике Корея - более 3%². При этом в мировых расходах на НИОКР в 2009 г. КНР занимала почетное третье место (11%; 123,7 млрд долл.), впереди были только США (35%; 389,2 млрд долл.) и Япония (12,6%; 139,6 млрд долл.).

XVII Съезд КПК, проходивший в октябре 2007 г., подчеркнул актуальность и важность активизации в КНР процесса формиро-

¹ http://www.opes.ru/library/article.asp?d_no=5989 (дата обращения: 21.12.2012).

² Данные Министерства науки и техники КНР. URL: www.most.gov.cn (дата обращения: 16.12.2012).

вания системы развития. Именно на этом съезде была поставлена цель создания государства инновационного типа. Как было отмечено на съезде, успешное функционирование национальной инновационной системы требует не только сильной науки и образования, но и целого комплекса других институциональных условий:

1. Наличие конкурентоспособного предпринимательского сектора как основного генератора нововведений.

2. Интеграция в глобальную инновационную сферу как важнейшее условие развития национальных отраслей высоких технологий.

3. Приоритет государственной политики в развитии образования, науки и технологий, создании благоприятных институциональных условий для инновационного роста¹.

По мнению известного китайского экономиста Ху Аньгана, постоянное повышение технико-технологического уровня производства в ходе формирования национальной инновационной системы - важнейший фактор перехода Китая от экстенсивной к интенсивной модели экономического роста. Как страна «запоздалой» индустриализации, Китай обладает так называемым преимуществом отсталости, проявляющимся, в частности, в возможности быстрого и гораздо более дешевого преодоления технического отставания от развитых стран за счет импорта их технологий и базирующихся на данном импорте собственных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ. В Китае три источника технологических инноваций:

1. Ввоз новых зарубежных технологий посредством внешней торговли, включая передачу авторских прав и их лицензирование, а также импорт высокотехнологичных средств производства.

2. Получение зарубежной техники и технологий в процессе освоения прямых иностранных инвестиций.

3. Собственные технологические инновации, полученные за счет роста национальных расходов на НИОКР².

¹ URL: http://www.intelros.ru/2007/10/23/osnovnye_polozhenija_doklada_khu_czintao_na_xvii_vsekitajjskom_sezde_kommunisticheskoi_partii_kitaja_15_oktjabrja_2007_g.html#comment (дата обращения: 15.10.2012).

² См.: Ху Аньган. Синьгайнянь фачжань (Новая концепция развития). Ханчжоу: Чжецзян дасюе чубаньшэ, 2004. Цит. по: Авдокушин Е.Ф. «Новая экономика» и формирование национальной инновационной системы Китая // Вопросы новой экономики. 2010. № 1 (13). С. 30.

Сюда же в принципе можно отнести и промышленный шпионаж, который КНР не афиширует в качестве источника инноваций, но активно практикует во внешней среде. Еще в середине 1980-х гг., когда Дэн Сяопин выбирал стратегию китайских реформ, Министерство государственной безопасности (МГБ) КНР представило ему на рассмотрение программу извлечения финансовых ресурсов и добычи передовых технологий средствами внешней разведки. При этом лидер КНР не просто одобрил предложения, но и принял стратегическое решение о приоритетном финансировании и укреплении МГБ как инструмента обеспечения реформаторского курса в Китае.

В частности, экономической и научно-технической разведкой занимались (и занимаются) как подразделения МГБ, так и структуры Разведывательного управления Генерального штаба Народно-освободительной армии Китая, а также спецотделы КПК. На них работали не только штатные сотрудники и иностранная агентура, но практически все частные компании, ведущие бизнес с иностранными партнерами. И с течением времени главенствующую роль в подъеме китайской экономики стала играть не классическая экономическая разведка, осуществляемая уполномоченными на это государственными структурами, а промышленный шпионаж - разведка, осуществляемая частными компаниями и пользующаяся поддержкой тех самых госструктур.

Примечательно, что ныне в КНР легально действует Общество деловой разведки Китая. ОДРК - это профессиональная государственная (!) ассоциация практиков и исследователей в сфере деловой разведки, официальными целями которой являются: защита законных прав практиков и исследователей в сфере деловой разведки; организация общения и обмена опытом среди исследователей теории деловой разведки и практиков; распространение знаний в области деловой разведки внутри общества; развитие международного сотрудничества и коммуникаций по специальности; придание консалтинговым услугам деловой разведки профессионального статуса. В Общество деловой разведки Китая входят как индивидуальные члены (их порядка 350), так и более 100 организаций, в том числе НИИ научно-технической информации КНР, Государственный информационный центр, Всекитайская Ассоциация предпринимательства и менеджмента,

Китайский международный совет содействия торговле, Всеки-тайское агентство новостей, Пекинский университет, Северный научно-исследовательский институт научно-технической информации, Китайская международная инженерно-консалтинговая корпорация, Китайская консалтинговая корпорация международной торговли, Шанхайский НИИ научно-технической информации и т.д.¹ Как бы то ни было, но уже сейчас по базовым параметрам, определяющим развитие науки и техники, КНР вышла на передовые позиции, что обеспечивает ей национальный суверенитет и стабильный рост конкурентоспособности. Парадоксально, что экономический рост и инновационное развитие не только не сдерживаются авторитарным характером политического режима, но в некотором плане даже обусловлены его наличием. Дело в том, что в условиях патерналистской политической культуры китайского общества лишь жесткая власть может проводить в жизнь непопулярные реформы, обеспечивать стабильность и мобилизовывать население для достижения «инновационного прорыва». В целом же модель экономического роста в Китае основывается на определяющей роли государства в обеспечении рыночной конъюнктуры, макроэкономическом регулировании, централизованном распределении ресурсов, аккуратной опоре на иностранный капитал (для обновления технологий, расширения экспорта, накопления валютных ресурсов), экспортной ориентации экономики.

Одновременно инновационное развитие стимулируется чисто рыночными реформами. В этой связи можно отметить профильные налоговые преференции - налоговые кредиты, льготы по НДС (для индивидуальных предпринимателей), налогу на добавленную стоимость, налогу на прибыль (для резидентов и компаний с долей иностранного капитала).

С момента принятия «Основ государственного плана среднесрочного и долгосрочного развития науки и техники на 2006-2020 годы» спектр налоговых льгот в КНР существенно расширился: за образец был принят опыт США и Южной Кореи². Особо

¹ URL: <http://gidepark.ru/user/3548645175/content/793815> (дата обращения: 21.10.2012).

² См., например: Налоговое стимулирование инновационных процессов / отв. ред. Н.И. Иванова. М.: ИМЭМО РАН, 2009. Гл. 3.

гибкой является система налогообложения прибыли. Компаниям со 100%-ным иностранным участием в Китае предоставляется освобождение от налога на прибыль с момента начала их деятельности как минимум на два года. В течение последующих трех лет компания платит данный налог по льготной ставке (16,5% от прибыли). В северо-западных областях КНР (Ганьсу, Синьцзян) иностранные компании вообще освобождают от налога на прибыль на срок до восьми лет.

Важным инструментом стимулирования инновационной деятельности являются также особые экономические зоны, которых в КНР существует несколько видов:

1) *свободные торговые зоны* - порты вместе с прилежащими к ним территориями вдоль восточного побережья страны, основной деятельностью которых является экспорт и хранение грузов. Особенностью экономических зон этого типа является отсутствие пошлин на экспорт и импорт товаров и услуг и совершение платежей как в национальной, так и в иностранной валюте. Ставка налога на прибыль предприятий в них снижена до 15%;

2) *специальные экономические зоны* - города на юге Китая: Хайнань, Шэньчжэнь, Сямень, Чжухай. Эти города имеют право на принятие собственных нормативных актов по вопросам экономики. Также, как и в свободных торговых зонах, ставка налога на прибыль в них снижена до 15%;

3) *открытые города* - местные власти этой зоны также имеют право самостоятельно принимать свои правила по вопросам ведения бизнеса. Целью создания «открытых городов» является развитие и внедрение новых технологий. Внутри них находятся *зоны развития высоких технологий*, которые обычно создаются на базе крупных университетов. Зоны развития высоких технологий курируются Министерством науки и техники Китая. Ставка налога на прибыль составляет 15%;

4) *зоны развития экономики и техники* - города в северных районах КНР. Местные власти имеют право регулировать собственные проекты стоимостью не более 30 млн долл. США. Размер ставки налога на прибыль составляет 15% для долгосрочных капиталовложений (сроком более 10 лет) и 24% - для капиталовложений сроком менее 10 лет;

5) *частные инвестиционные зоны* - совместные проекты китайских и иностранных фирм, предусматривающие предоставле-

ние в аренду крупных земельных участков. Китайское законодательство предъявляет к иностранным предприятиям, желающим организовать частную инвестиционную зону, следующие требования:

- 1) использование передовых технологий и оборудования;
- 2) налаживание производства новых видов продукции;
- 3) применение энергосберегающих и ресурсосберегающих технологий;
- 4) налаживание производства продукции, аналогичной импортируемой в КНР¹.

На начальном этапе развития инновационного сектора экономики КНР (1980-е гг. XX в.) особые экономические зоны сыграли положительную роль в развитии инновационного сектора. Однако впоследствии (конец XX в. - начало XXI в.) все чаще стали возникать диспропорции в экономическом развитии отдельных территорий КНР, участились случаи злоупотреблений налоговыми льготами и преференциями, возросла коррупция, что потребовало пересмотра принципов налогового регулирования инновационной деятельности КНР и постепенного перехода от территориально ориентированного предоставления налоговых льгот к целевому, направленному на хозяйствующих субъектов, осуществляющих деятельность в инновационном секторе независимо от места регистрации и деятельности на территории страны.

В целом Китай демонстрирует существенные успехи в реализации своей модели модернизации и инновационного развития. По данным Международного валютного фонда (МВФ), в 2010 г. по номинальному объему ВВП КНР (5,878 трлн долл. США), обогнав Японию (5,459 трлн долл. США), вышла на второе место в мире после США (14,658 трлн долл. США). Страна занимает первое место в мире по масштабам золотовалютных резервов, в апреле 2011 г. ее валютные накопления впервые превысили 3 трлн долл. США, за ней следуют Япония (1,14 трлн долл. США) и РФ (521 млрд долл. США). Еще в 2009 г. Китай вышел на первое место в мире и по объему экспорта - 1,2 трлн долл. США (у Германии - 1,12 трлн долл. США, у США - 1,05 трлн долл. США) и на

¹ URL: <http://btimes.ru/finansy/nalogovaya-sistema-kitaya-nalogi-dlya-inostrannykh-predpriyatii> (дата обращения: 16.12.2012).

второе по импорту - 1 трлн долл. США (у США - 1,6 трлн долл. США, у Германии - 938 млрд долл. США) (табл. 1).

Таблица 1 - Размер реального ВВП КНР, млрддолл. США

<i>Год</i>	<i>Значение</i>
2002	1453,8
2003	1641,0
2004	1931,6
2005	2256,9
2006	2712,9
2007	3494,2
2008	4520,0
2009	4990,5
2010	5878,3
2011	6989,0

Источник: CIA World Factbook.

Тем не менее у официальных данных по ВВП КНР есть некая «субъективная изнанка».

Во-первых, экономика Китая при расчетах ВВП по паритету покупательной способности (ППС) уже с середины 1990-х гг. является второй в мире по общим масштабам, составляя в настоящее время примерно 55% от экономики США (табл. 2).

Таблица 2 - Размер ВВП КНР по ППС, млрддолл. США

<i>Год</i>	<i>Значение</i>
2002	3702,0
2003	4157,8
2004	4697,9
2005	5364,3
2006	6240,8
2007	7333,8
2008	8216,0
2009	9068,2
2010	10119,9
2011	11300,0

Источник: CIA World Factbook.

Следует особо подчеркнуть то обстоятельство, что все прогнозы, предрекающие выход Китая по абсолютным размерам экономики на уровень США примерно к 2015-2020 гг., основаны именно на использовании показателя ВВП по ППС.

Во-вторых, в самом Китае выдвижение страны в 1992-1993 гг. МВФ и Мировым банком на ведущие позиции в мире на основании расчетов ВВП стран мира по ППС национальных валют встретили весьма сдержанно, поскольку на тот момент Пекин был явно не готов к жесткой конкуренции с Вашингтоном и не хотел портить отношения с глобальным лидером. Эта сторона проблемы, однако, напрямую не затрагивалась, а критическому анализу подверглись недочеты показателя ВВП по ППС с чисто экономических позиций. Помимо разного рода технических претензий, один из главных аргументов против широкого использования показателя ВВП по ППС применительно к Китаю был следующим: он автоматически приравнивает весь спектр товаров и услуг, произведенных в стране, к товарам и услугам, прошедшим «горнило» купли-продажи на мировом рынке. Тем самым существенно завышаются качество и международная конкурентоспособность, а следовательно, и стоимостная оценка всей произведенной в Китае продукции, тогда как значительная ее часть этого явно не заслуживает. Отчасти такие претензии актуальны и по сей день.

В-третьих, применение показателя ВВП по ППС по сравнению с показателем ВВП по официальному курсу национальных валют к доллару резко повышает объемы и доли в мировой экономике менее развитых стран, где относительно низкий уровень цен объясняется невысоким уровнем доходов и покупательной способности населения. Это касается почти в равной мере и Китая, и России. Поэтому соотношение их валовых внутренних продуктов, рассчитанных по ППС и по официальным курсам национальных валют к доллару США, отличается незначительно. Например, в 2001 г. оно составило 3,97 в первом случае и 3,74 - во втором.

Серьезный прогресс в последние годы наблюдается в КНР также в плане экспорта. За 10 лет (по 2011 г.) экспорт Китая возрос примерно на 30% ежегодно в долларовом исчислении, темпами в два раза более высокими, чем мировая торговля в целом. Особенно динамично экспорт и импорт Китая увеличились после его вступления 11 декабря 2001 г. во Всемирную торговую

организацию. Доля КНР в мировом экспорте товаров достигла примерно 5,9%, а в мировом импорте товаров - 5,3% (табл. 3, 4). Чуть ниже доля КНР в мировой торговле услугами (табл. 5).

Таблица 3 - Доля отдельных стран и групп стран в мировом экспорте товаров в 1948-2010 гг., %

Страна	1948	1953	1963	1973	1983	1993	2003	2009	2010
КНР	0,9	1,2	1,3	1,0	1,2	2,5	5,9	9,9	10,4
«Шестерка»*	3,4	3,0	2,5	3,6	5,8	9,7	9,6	9,6	9,9
США	21,7	18,8	14,9	12,3	11,2	12,6	9,8	8,7	8,4
Германия	1,4	5,3	9,3	11,7	9,2	10,3	10,2	9,2	8,3
Япония	0,4	1,5	3,5	6,4	8,0	9,9	6,4	4,8	5,1
БСВ**	1,9	2,7	3,2	4,1	6,8	3,5	4,1	5,7	6,2
Великобритания	11,3	9,0	7,8	5,1	5,0	4,9	4,1	2,9	2,7
Индия	2,2	1,3	1,0	0,5	0,5	0,6	0,8	1,3	1,4
СССР/СНГ	2,2	3,5	4,6	3,7	5,0	1,5	2,6	3,7	4,0

* Сингапур, Малайзия, Тайвань, Гонконг, Таиланд, Республика Корея.

** Ближний и Средний Восток (Бахрейн, Израиль, Иордания, Ирак, Иран, Йемен, Катар, Кувейт, Ливан, ОАЭ, Оман, Саудовская Аравия и Сирия).

Источники: International Trade Statistics 2010. Geneva: WTO, 2010. P. 14; World Trade 2010, Prospects for 2011. Geneva: WTO, 2011. P. 19, 21.

Таблица 4 - Доля отдельных стран и групп стран в мировом импорте товаров в 1948-2010 гг., %

Страна	1948	1953	1963	1973	1983	1993	2003	2009	2010
США	13,0	13,9	11,4	12,3	14,3	15,9	16,9	12,9	12,8
«Шестерка»*	3,5	3,7	3,1	3,7	6,1	10,3	8,6	8,8	9,5
КНР	0,6	1,6	0,9	0,9	1,1	2,7	5,4	8,1	9,1
Германия	2,2	4,5	8,0	9,2	8,1	9,0	7,9	7,6	6,9
Япония	1,1	2,8	4,1	6,5	6,7	6,4	5,0	4,4	4,6
БСВ**	1,7	2,0	2,2	2,6	6,2	3,3	2,7	4,0	3,8
Великобритания	13,4	11,0	8,5	6,5	5,3	5,5	5,2	3,9	3,7
Индия	2,3	1,4	1,5	0,5	0,7	0,6	0,9	2,0	2,1
СССР/СНГ	1,9	3,3	4,3	3,6	4,3	1,2	1,7	2,7	2,8

* Сингапур, Малайзия, Тайвань, Гонконг, Таиланд, Республика Корея.

** Ближний и Средний Восток (Бахрейн, Израиль, Иордания, Ирак, Иран, Йемен, Катар, Кувейт, Ливан, ОАЭ, Оман, Саудовская Аравия и Сирия).

Источники: International Trade Statistics 2010. Geneva: WTO, 2010. P. 15; World Trade 2010, Prospects for 2011. Geneva: WTO, 2011. P. 19, 21.

Таблица 5 - Мировая торговля услугами отдельными странами в 2010 г., млрд долл., %

Страна	Экспорт		Импорт	
	млрд долл.	%	млрд долл.	%
США	515	14,1	358	10,2
Германия	230	6,3	256	7,3
Великобритания	227	6,2	156	4,5
КНР	170	4,6	192	5,5
Франция	140	3,8	126	3,6
Япония	138	3,8	155	4,4
Сингапур	112	3,0	96	2,7
Индия	110	3,0	117	3,3
Гонконг	108	2,9	51	1,5
Республика Корея	82	2,2	93	2,7
Россия	44	1,2	70	2,0
Всего	3665	100,0	3505	100,0

Источник: World Trade 2010, Prospects for 2011. Geneva: WTO, 2011. P. 23.

Справедливости ради стоит сказать, что структура китайского экспорта пока не является по своему характеру инновационной¹. Однако здесь следует учитывать специфику политической системы КНР, которая является относительно закрытой и внутренне мобилизационной. Следовательно, она стремится, скорее, к закрытости и «персональному» использованию своих достижений, чем к их выводу на внешние рынки. Основные экономические партнеры Китая приведены в таблице 6.

В 2011 г. ситуация практически не изменилась, только теперь экономические партнеры Китая расположились в следующем порядке: ЕС, США, Гонконг, АСЕАН, Япония, Республика Корея, Индия, Россия, Тайвань.

Следует подчеркнуть, что стратегия экономического развития Китая на среднесрочную перспективу предусматривает существенное облагораживание структуры народного хозяйства с заметным повышением в нем доли перерабатывающих, наукоемких и высокотехнологичных отраслей. В частности, взят ориен-

¹ Официальный сайт торговли и товарооборота между КНР и США. Товарооборот КНР. URL: <https://www.uschina.org/statistics/tradetable.html> (дата обращения: 10.11.2012).

тир на то, чтобы среднегодовые темпы прироста продукции перерабатывающей промышленности на один процентный пункт превышали темпы прироста ВВП, а темпы прироста в машиностроении были также на один процентный пункт выше, чем в переработке в целом.

Таблица 6 - Основные экономические партнеры КНР в 2010 г.

<i>Страны и группы стран</i>	<i>Экспорт</i>		<i>Импорт</i>		<i>Сальдо, млрд долл.</i>
	<i>Млрд долл.</i>	<i>Прирост, %</i>	<i>Млрд долл.</i>	<i>Прирост, %</i>	
Всего	1577,9	31,3	1394,8	38,7	+183,1
ЕС	311,2	31,8	168,5	31,9	+142,7
в том числе Германия	68,1	36,3	74,3	33,4	-6,2
США	283,3	28,3	102,0	31,7	+181,3
Япония	121,1	23,7	176,7	35,0	-55,6
АСЕАН	138,2	30,1	154,6	44,8	-16,4
Республика Корея	68,8	28,1	138,4	35,0	-69,6
Гонконг	218,3	31,3	12,3	40,9	+206,0
Тайвань	29,7	44,8	115,7	35,0	-86,0
Индия	40,9	38,0	20,8	51,8	+20,1
Россия	29,6	69,0	25,8	21,7	+3,8

Источник: National Bureau of Statistics of China. URL: <http://www.stats.gov.cn> (дата обращения: 19.11.2012).

В 2002 г. вклад Китая в мировой прирост продукции перерабатывающей промышленности составил 29% при доле страны в мировой переработке порядка 5%. Так что вполне вероятное постепенное превращение Китая в «мировую фабрику» будет сопровождаться завоевыванием им новых этажей и ниш в системе мирового хозяйства. Среди ожидаемых зон китайского прорыва - судостроение и автомобилестроение, биотехнологии. Кстати, согласно стратегии развития китайской экономики с 2006 по 2020 год, биотехнологиям отводится ведущая роль, после нее идут информационные технологии и технологии новых материалов. Это обусловлено в первую очередь тем, что в самой крупной развивающейся стране мира существует проблема дефицита ископаемых и энергетических ресурсов, а также остро стоят вопросы загрязне-

ния окружающей среды. Зависимость Китая от импорта составляет 47% и ежегодно туда импортируется 160 млн т нефти.

В Китае функционируют 20 биотехнологических парков. Сектор биотехнологии играет ключевую роль в Китайской академии наук. Фармацевтической биотехнологией в Китае занимаются 300 компаний, освоено промышленное производство 21 препарата и вакцин. Китай разрабатывает новые медицинские лекарства, каждый пятый препарат - новый. Средняя продолжительность жизни в Китае выросла почти в два раза за 60 лет. Широко распространена сельскохозяйственная биотехнология, благодаря которой, в частности, ежегодно дополнительно снимается урожай в 350 млрд кг риса, выведен хлопок, который противостоит болезням, что привело к увеличению дохода от хлопка на 5 млрд юаней (15 млрд руб.) ежегодно.

Особое внимание Китай уделяет промышленной биотехнологии, которая во многом содействует медицине, в том числе с учетом результатов расшифровки генома и производит глютаминую и лимонную кислоты, витамин С, пиво и многое другое. В этой отрасли работают более 1,5 тыс. компаний, сбыт их предприятий превышает 130 млрд юаней (390 млрд руб.). Порядка 20% общего промышленного продукта приходится на эти предприятия, которые довольно стремительно растут: промышленный рост превышает 10% в год.

26 марта 2010 г. отраслевой портал *bionity.com* сообщил со ссылкой на компанию *Novumed Life Science Consulting* о том, что Китай занял пятое место среди мировых «биотехнологических держав» - после США, Великобритании, Германии и Австралии. По мнению аналитиков, государственное стимулирование, невысокие расходы по заработной плате и высокообразованный персонал привели к появлению большого количества маленьких инновационных биотехнологических фирм, которые и подняли КНР в данной области¹.

Избранная Китаем стратегия развития получает реальное подкрепление в виде поступательного увеличения доли расходов на НИОКР с 0,6% ВВП в 1995 г. до 1,3% в 2003 г. и роста за тот же период числа занятых в этой сфере ученых и инженеров с 470 до

¹ URL: <http://rccnews.ru/Rus/Pharmaceuticals/?ID=78319> (дата обращения: 12.10.2012).

821 тыс. человек. Симптоматично, что доля продукции новых и высоких технологий в экспорте КНР в 2003 г. достигла 25%.

Правительство КНР не только убедило *Microsoft* и *Google*, чтобы те начали создавать научно-исследовательские центры в Китае. Оно также образовало комплекс научных парков по всей стране в надежде на создание китайской «силиконовой долины». В Пекине в одном лишь научном парке *Zhongguancun* расположены тысячи высокотехнологичных предприятий.

В программу инновационных разработок включены и китайские образовательные учреждения. Так, университетам и НИИ Китая давно предоставлена возможность создавать не только различного рода технопарки, но и реальные инновационные компании. *Founder Group* - второй по объемам продаж поставщик компьютеров в КНР - была основана на деньги Пекинского университета и поднялась во многом за счет успешного внедрения технологии лазерного набора иероглифических текстов. Технология была разработана Ваном Сюаном - знаменитым академиком-инноватором и вице-президентом Народного политического консультативного совета¹.

Примечательно, что с каждым годом увеличивается международное сотрудничество и обмен в области образования.

Согласно официальной статистике КНР, после 1978 г., когда пришедшее к власти после Мао Цзэдуна новое руководство разрешило выезд молодежи на учебу за рубеж, общая численность граждан КНР, получивших дипломное образование, прошедших стажировку или защитивших диссертации за рубежом, к 2011 г. достигла 224 млн человек. Численность уехавших на обучение в зарубежные вузы только в 2011 г. составила 339,7 тыс., т.е. по сравнению с 1990 г. (2950 человек) она выросла более чем в 100 раз². Сейчас КНР занимает первое место в мире по числу студентов, получающих образование за рубежом. Среди новых трендов - заметный ежегодный рост численности, а также все более юный возраст уезжающих: родители стремятся отправить детей уже для получения среднего образования.

При этом руководство КНР не опасается «утечки мозгов» (как показывает опыт, возвращается лишь пятая часть уехавших), по-

¹ URL: <http://www.sibai.ru/innovacionnyie-sistemyi-stran-brik-kitaj.html> (дата обращения: 17.12.2012).

² URL: <http://www.edu-cip.kz/News/22-08-12> (дата обращения: 19.09.2012).

сколькx китайский менталитет предполагает патриотизм по отношению к исторической Родине. И в этом плане китайские студенты, аспиранты, ученые, оседающие за рубежом - чаще всего не «потерянное поколение», а напротив, «агенты влияния» Поднебесной в иностранных государствах, которые не только делают персональную карьеру, но стремятся всячески помочь лоббировать интересы КНР¹.

Во многих вузах, особенно ведущих, в настоящее время действует схема обучения «2 + 2» и «3 + 2», когда первые два-три года студенты бакалавриата учатся в китайском университете, а затем продолжают свое обучение в университетах других стран. Например, в Столичном университете экономики и бизнеса (г. Пекин) есть специальное подразделение - «Колледж обучения в КНР и за рубежом» (*Overseas Chinese College, OCC*), в котором студенты двух специальностей - «Экономика и бизнес» и «Информационные технологии» - обучаются первые два года на базе колледжа, а затем продолжают учебу в университетах США, Великобритании и Австралии. Уже на первых курсах колледжа студентов частично обучают преподаватели из вышеуказанных и других англоязычных стран для облегчения процесса адаптации к обучению за рубежом².

При этом власти КНР с 1994 г. запустили несколько государственных программ по привлечению на родину высококвалифицированных специалистов - этнических китайцев. Программы дифференцированы по возрасту и квалификации ученых, а также длительности их пребывания за рубежом, в них четко прописаны требования к квалификации и опыту работы приглашенных.

И, конечно, нужно отметить достижения КНР в области обороны страны, особенно в области создания новых систем вооружений. Как уже говорилось выше, китайское руководство весьма трепетно относится к любым попыткам ущемить свой суверенитет, поэтому стремится подстраховать свою политическую и экономическую систему силовым фактором. И если ранее Китай предпочитал политику копирования наиболее современных зарубежных образцов вооружений (в связи с чем многие государства, в том числе и Россия, в итоге отказались поставлять КНР но-

¹ URL: ww.bfmap.ru/content/oms_publ6 (дата обращения: 15.11.2012).

² Там же.

винки своего ОПК), то ныне он самостоятельно создает самое передовое оружие. Показательна в этом плане военно-космическая отрасль, в которой Пекин является главным конкурентом США. Так, в своем ежегодном докладе Конгрессу США Пентагон в 2006 г. сообщил о том, что китайцы создают не только современные межконтинентальные ракеты, но и сильные лазерные установки для ослепления и уничтожения космических аппаратов. Они уже четыре раза облучали американские спутники мощным лазерным локатором. Аналогичная система прошла испытание в 1984 г. - советский лазерный локатор установки «Терра» в Сары-Шагане направил свой луч на шаттл США. Мощный поток энергии лазера можно использовать не только для физического уничтожения (оплавления) спутника, но и для его ослепления - вывода из строя его оптических и радиотехнических систем. При этом ослепление из всех ведущих космических держав наиболее опасно для США - ведущую роль в космической разведке США играют четыре спутника типа «Ки Хоул» с совершенной оптикой.

Следует отметить, что в своих стратегических разработках китайская сторона продолжает военно-космические исследования, начатые еще Советским Союзом. Спутники-ликвидаторы, лазеры производились в СССР вплоть до конца 1980-х гг. НПО «Астрофизика» занималось лазерными пушками и локаторами, практически закончив работы над «Скифом-Д» - орбитальным боевым кораблем с лазерным оружием. В планах СССР было создание эскадрилий самолетов МиГ-31М с противоспутниковыми ракетами и разработка миниатюрных боевых спутников. После распада Советского Союза производственная кооперация распалась, а разработки были заморожены. Китай же весьма успешно работает на данном инновационном военно-космическом направлении.

Еще одним, может быть, не столь очевидным, но важным достижением современной китайской модели можно считать создание групп поддержки и лоббизма за пределами страны.

Во-первых, речь идет об активной работе с китайскими диаспорами, которые становятся форпостами Поднебесной в иных политических, экономических и культурных средах.

Китайская диаспора была и остается главным оружием распространения влияния КНР за рубежом. Этому способствует то обстоятельство, что китайцы, проживающие за границей, полно-

стью никогда не ассимилируются и, более того, продолжают ощущать себя представителями исторической Родины, которой всегда готовы помочь как политически, так и экономически. Это чувство исторической национальной общности является мощнейшим стимулом и в большинстве случаев лежит в основе сотрудничества «иностранных китайцев» (так называемых хуацяо) с разведслужбами КНР, тем более что нередко само это сотрудничество на практике осуществляется не с «рыцарями плаща и кинжала» как таковыми, а формально с китайскими бизнесменами. Соответственно, это выглядит как помощь (причем зачастую небезвозмездная) китайской фирме в получении секретов иностранной компании или в лоббировании национальных китайских интересов¹.

Нередко «зарубежные китайцы» добиваются статусных позиций, что в разы усиливает их лоббистские возможности. Так, по некоторым данным, избранный в конце 1996 г. главой администрации Гонконга владелец судоходной фирмы «Ориент оверсиз интернейшнл» Тун Чжихуа работал на МГБ КНР, при этом занимаясь активной бизнес-деятельностью. В частности, он обеспечивал торговлю между материковым Китаем и Тайванем, поскольку его суда, зарегистрированные в Гонконге (в ту пору являвшемся еще британской колонией), могли заходить в порты обеих сторон. Примечательно, что именно Тун Чжихуа обеспечил мирное и безболезненное воссоединение Гонконга с КНР².

Даже на территории своего вероятного противника - США КНР имеет мощные лоббистские и разведывательные возможности. К настоящему времени численность китайской диаспоры в Америке превышает 1,3 млн человек, основная часть ее сосредоточена на Тихоокеанском побережье, где китайские спецслужбы имеют настолько сильные оперативные позиции, что их американские коллеги не в состоянии полностью контролировать китайскую активность в таких городах, как Сиэтл, Лос-Анжелес, Сан-Франциско, Хьюстон. Показательным стало избрание этнического китайца Ло Цзяхуэя губернатором штата Вашингтон

¹ URL: <http://gidepark.ru/user/3548645175/content/793815> (дата обращения: 19.10.2012).

² См., например: URL: <http://www.agentura.ru/dossier/china/> (дата обращения: 19.10.2012).

(столица штата - г. Сиэтл является основными воротами китайской эмиграции в Америку)¹. Кроме того, при согласованной активности китайского бизнеса и спецслужб лобби КНР решает на территории США ряд стратегических задач: обеспечивает продвижение дешевых китайских товаров, стимулирует рост китайской диаспоры за счет эмиграции из материкового Китая, добывает для китайской промышленности передовые технологии и научные разработки, осуществляет проникновение в государственные, правоохранительные, банковские и информационные структуры и др.²

Во-вторых, можно говорить о целенаправленной политике китайского руководства в плане покупки лояльности стран третьего мира (за счет развития торгового сотрудничества, инвестиций, гуманитарной помощи, политической поддержки и пр.). Все это позволяет не просто создавать инновации, но и продвигать их на мировых рынках, а также с успехом презентовать свою модель китайского экономического чуда. По мнению российского исследователя В.В. Михеева, «Китай превратился в мощный полюс мировой экономики и теперь нацеливается на лидерство в мировой политике»³. При этом в претензиях КНР на лидерство среди стран третьего мира немаловажны экономические, финансовые и инновационные факторы. Так, сейчас отношения Китая со своими «незападными» партнерами вступили в новую стадию. Если раньше основу китайского экспорта составляли дешевые товары массового спроса, то сейчас в нем быстро растет доля промышленного оборудования, сложной бытовой техники и транспортных средств с высокой добавленной стоимостью и степенью обработки. Особенно отчетливо данная тенденция проявляется на латиноамериканском рынке⁴ (в отличие, скажем, от африканского, нуждающегося в более простой продукции): Китай уже в состоянии предложить развивающимся странам не только

¹ Примечательно, что в настоящее время Ло Цзяхуэй (он же Гэри Локк) является послом США в Китае.

² URL: http://asiapacific.narod.ru/countries/china/rol_kitaya_i_ego_spessluzb.htm (дата обращения: 10.12.2012).

³ Михеев В.В. Роль Китая в глобализирующемся мире // Отечественные записки. 2003. № 8. С. 46.

⁴ См.: Яковлев П. Латинская Америка в глобальной стратегии Пекина. URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=67279> (дата обращения: 14.12.2012).

машины и оборудование кондиционного и высокого качества, причем по ценам ниже, чем у конкурентов, но и обеспечить адекватное банковское сопровождение соответствующих бизнес-сегментов¹. В частности, значительно расширяется практика предоставления связанных кредитов. Так, два крупных китайских банка подписали с бразильской компанией *Vale*, разрабатывающей гигантское железорудное месторождение Карахас в долине Амазонки, договор о предоставлении этой компании кредита в 1,23 млрд долл. США, который будет направлен на закупку в КНР 12-ти большегрузных судов для перевозки железной руды из Бразилии на сталелитейные заводы восточного побережья Китая².

Растет число китайских экономических акторов, находящихся в третьем мире сферы приложения финансово-инвестиционного, а главное - производительного капитала. И это еще одна новая черта поведения Пекина в отношении развивающихся стран. Новый цикл экономического сотрудничества Пекина с третьим миром выражается и в расширении китайского инвестирования в инфраструктуру и промышленность развивающихся государств, что стало возможным благодаря быстрому росту экономики КНР и появлению у нее избыточного капитала, а также компаний-производителей, способных выйти за рубеж.

Тем не менее у КНР, несмотря на высокие темпы экономического роста и инновационных показателей, имеется ряд существенных (объективных и субъективных) проблем.

Во-первых, инновации в большей степени работают на китайское государство, чем на самих граждан, которые до сих пор в своем большинстве не достигли показателей процветания. Так, по номинальному душевому доходу (4382 долл. США) в 2010 г. КНР находилась лишь на 94-м месте в мире. Одновременно КНР чрезвычайно зависит от экономического роста, и любое его замедление чревато резким всплеском безработицы. Практика показывает, что замедление экономического роста в Китае на 1% ведет к сокращению числа занятых на 4 млн человек. Начиная с

¹ См.: Дайер Дж. Мировая экономика: Китайский цикл. URL: http://con_finex.ru/news.aspx?id=32333 (дата обращения: 17.12.2012).

² URL: <http://www.warandpeace.ru/ru/reports/view/51067/> (дата обращения: 18.10.2012).

1985 г., когда уровень безработицы достиг минимального за последние 25 лет уровня - 1,8%, этот показатель постоянно растет, хотя и сравнительно медленно: в 2000-2010 гг. он колебался в пределах, казалось бы, вполне допустимых для рыночной экономики 4,0-4,3%¹. Однако достаточно высокая численность безработных и не полностью занятых жителей в сочетании с ежегодным приростом трудоспособного населения (на 10-12 млн человек в год) создает серьезную проблему с точки зрения политической стабильности. В итоге государство вынуждено создавать миллионы новых рабочих мест для нейтрализации угрозы социальных потрясений.

Конечно, пока такого рода проблемы не создают «критической массы» и не способны поколебать основы современной китайской государственности (особенно при подданнической ориентации большинства населения), однако в перспективе возможно возникновение серьезных конфликтов. Более того, против такой модели инновационного развития играет также распространение гедонистических и материалистических идеалов среди китайской молодежи, а также сохранение идеологически не вполне актуальной коммунистической надстройки. Справедливости ради надо отметить, что при всех этих перекосах жизнь рядового китайца все же постепенно улучшается, причем этому даже не сумел помешать глобальный финансовый кризис 2008-2010 гг.

Во-вторых, бурное инновационное развитие КНР требует регулярной подпитки, причем не только креативными проектами и новыми технологиями, но и банальными энергоносителями. В последнее время в Китае ощущается энергетический дефицит, поэтому руководство страны стремится найти дополнительные источники поставок сырья, прежде всего углеводородного.

По китайским оценкам, из 45 важнейших видов полезных ископаемых потребности Китая могут быть удовлетворены за счет собственных ресурсов в 2010 г. по 21 виду, а в 2020 г. - только по шести видам. В 2004 г., например, Китай импортировал 122,7 млн т сырой нефти, 26,3 млн м³ древесины, 208 млн т желез-

¹ Index Mundi. China Unemployment Rate. URL: http://www.indexmundi.com/china/unemployment_rate.html (дата обращения: 18.11.2012).

ной руды. Согласно широко распространенным оценкам, в 2020 г. Китай должен будет импортировать от 150 млн до 200 млн т нефти.

Необходимость решения данного комплекса проблем обусловила заметную модификацию стратегии развития внешнеэкономических связей Китая в последние годы. В 2000 г. в КНР впервые была выдвинута концепция активного выхода отечественных производителей на внешние рынки (цзоучу-цюй), буквально - «выход за ворота своего дома», по сути, за пределы страны. В отличие от предшествующего двадцатилетия, когда «драйвером» экспортно ориентированного развития выступали специализирующиеся на внешней торговле государственные структуры, ныне основной движущей силой экспортного наступления Китая призваны стать непосредственно производственные предприятия и компании различных форм собственности.

А вот уже совсем свежие цифры: в прогнозе Международного энергетического агентства (IEA) говорится, что Китай уже к 2013 г. займет третье место в мире по потреблению газа после США и России. В ближайшие пять лет спрос на газ в Китае возрастет более чем в два раза - со 130 млрд м³ в 2011 г. до 273 млрд м³ в 2017 г.¹

В-третьих, еще более острыми представляются перекосы в развитии города и деревни. В ходе реформ вложения в аграрный сектор оказались несоразмерно малыми по сравнению с огромными инвестициями в городе. Научно-технический прогресс до сих пор практически не коснулся китайского села. Более того, в отдельные годы появлялся даже разрыв между уровнем производства зерна и непрерывно растущим спросом, разрыв, который Китай был вынужден покрывать за счет импорта².

В-четвертых, важной особенностью экономического развития Китая является относительная вялость внутреннего рынка. Рост экономики, вовлечение в производство сотен миллионов людей отставали от развития потребностей. Дело в том, что модель потребительского поведения китайцев традиционно ориен-

¹ URL: <http://www.iea.org/newsroomandevents/pressreleases/2012/june/name,27383,en.html> (дата обращения: 15.10.2012).

² См.: Чудодеев Ю.В. Россия - КНР: вызовы глобализации и перспективы сотрудничества // Азия и Африка сегодня. 2011. № 10. С. 3.

тирована на сбережение и накопление, особенно в условиях наблюдающейся коммерциализации жизни в КНР. В последнее время ситуация меняется в лучшую сторону, но потребительский спрос сильно отстает от инвестиционного, что может негативно повлиять и на инновационные процессы¹.

В-пятых, в инновационном развитии важны не только научные разработки, но и возможности для успешного предпринимательства, прежде всего привлечения капитала. По оценке экспертов ОЭСР, завершивших в конце 2007 г. обследование китайской инновационной системы, капитал в стране есть, но механизмы его привлечения далеки от оптимальных. При этом иностранные инвестиции в большей степени ориентированы на развитие научных исследований. По прогнозу ОЭСР, на зарубежные (включая Гонконг, Макао и Тайвань) средства ныне проводится не менее 20% всех китайских НИОКР, преимущественно в секторе IT-технологий, но также и в фармакологии, и в биотехнологиях. Учитывая динамику открытия исследовательских отделов крупными иностранными компаниями, заданная в «Плане 2020» установка на отечественные инновации как основу экономики является, скорее, пожеланием, нежели отвечает сложившимся реалиям. Более того, китайские предприятия испытывают серьезную нехватку высококвалифицированных кадров, которые могут эффективно вести НИОКР и внедрять результаты исследований. Сказываются недостаточные вложения бизнеса в обучение работников и то, что у государственных предприятий существенно меньше, чем у иностранных, возможностей привлечь способных менеджеров и талантливых исследователей. Китай пока еще слишком зависим от импортных технологий.

В-шестых, препятствует форсированному инновационному развитию и дефицит квалифицированных образованных кадров. Так, КНР существенно отстала в развитии фундаментальной науки. Население страны в целом отличается низким культурно-техническим уровнем. Вузы и приравненные к ним высшие курсы окончили всего около 3% населения (правда, это порядка 40 млн человек)². Тем не менее доля получивших высшее

¹ См.: Чудодеев Ю.В. Россия - КНР: вызовы глобализации... С. 4.

² См.: Михеев В.В. Роль Китая в глобализирующемся мире // Отечественные записки. 2003. № 8. С. 48.

образование в КНР с каждым годом растет, хотя и не слишком высокими темпами¹.

В-седьмых, при относительно эффективном государственном руководстве инновационным процессом тем не менее этатистский характер реформ создает и определенные трудности. Госпредприятия имеют слабые стимулы к инновациям, а у государственных коммерческих банков отсутствует стремление к кредитной поддержке малого и среднего бизнеса, в том числе инновационной и тем более венчурной активности.

Что же касается экспертной оценки инновационного развития Китая, то здесь мнения расходятся.

Так, российские специалисты в своем большинстве весьма высоко оценивают достижения КНР в области форсированной модернизации и инновационного развития (особенно на контрасте с «перестройкой» М. Горбачева и радикальными экономическими реформами Б. Ельцина). Примечательно, что о китайском чуде весьма комплиментарно отозвался даже один из идеологов «перестройки» в СССР Ф. Бурлацкий. В частности, в своей статье в газете «Известия» в 2003 г. он отметил, что «модели наших реформ были прямо противоположны». В Китае они шли снизу вверх - реформа деревни, сервиса, мелкого производства, затем крупного и, наконец, финансовые макрореформы. В России же шли сверху вниз: от макрореформ шоковой терапии к приватизации самых крупных и доходных отраслей производства, а средний и мелкий бизнес в национальном хозяйстве застрял на уровне 20-30%. Китай решал экономические задачи - подъем производства (9% прироста в год), РФ - политические: образовать новый класс - элиту, в основном из функционеров второго и третьего эшелонов, создать крупные монополии как гарантии от возврата к социализму. На этом пути государство протопталось на уровне производства 20-летней давности, сократив доходы большинства людей в два, а у части населения - в три раза. Зато появились новые демократические институты, - таковы были итоги сравнительного анализа, проведенного Бурлацким². При этом в данных словах ощущается определенная доля растерянности.

¹ URL: http://www.gazeta.ru/science/2012/05/31_a_4607705.shtml (дата обращения: 19.12.2012).

² См.: Бурлацкий Ф. Китайское экономическое чудо // Известия. 2003. 27 февраля. С. 4.

сти эксперта, который традиционно тяготел к либеральным ценностям: вопреки всем теориям либеральной демократии («конец истории» Ф. Фукуямы и пр.), тоталитарный Китай не только не потерпел крах, но и достиг статуса одного из ведущих государств мира.

Западные эксперты в области инноваций более сдержанно относятся к оценке достижений КНР в данной области. В частности, они полагают, что Китай мало что может показать миру из своих достижений, чтобы сломать общепринятые стереотипы, такие, как мнение, что это страна дешевой рабочей силы, не способная на научные достижения и самостоятельное развитие. Также западные критики отказывают КНР в самостоятельности инновационных технологий: «Самые успешные китайские компании, такие, как *Lenovo* и *Baidu*, производят сейчас недорогие версии западных продуктов или адаптируют западные инновации для китайского рынка. Китайские венчурные компании вкладывают деньги в традиционные отрасли народного хозяйства, такие как гостиницы и сельское хозяйство».

Правда, при этом некоторые из них снисходительно-покровительственно относятся к развитию Поднебесной. Например, Дэн Брежниц и Майкл Мерффри из Технологического института Джорджии полагают, что «отсутствие у Китая оригинальных разработок не ставит крест на всей инновационной деятельности в стране». В своей книге «Бег Красной королевы» они утверждают, что неправильно ставить знак равенства между инновациями, связанными только с изобретением новых продуктов, в разных странах. В развивающейся экономике другие формы инновационной деятельности могут принести больше дивидендов. Одним из них является инновационный процесс: неустанное совершенствование заводов и распределительных систем¹.

А несколько лет назад в Стэнфорде на очередном совещании Американско-китайской комиссии по экономике и безопасности, созданной в 2000 г. по инициативе Конгресса США, разгорелись дискуссии по данному вопросу уже на топ-уровне. Часть его участников признали, что КНР становится все более заметным игроком в области разработки новых технологий и даже начинает

¹ Цит. по: Королева А. Китайские инновации. URL: <http://expert.ru/2011/05/6/kitajskie-innovatsii/> (дата обращения: 15.09.2012).

представлять заметную экономическую угрозу для США. Другие отметили, что специфика авторитарной страны, ее закрытость и прочее тормозят процесс превращения КНР в инновационное государство. А бывший министр обороны Уильям Перри и вовсе выразил сомнение в том, что Китай в ближайшее время откажется от практики «некорректного» использования западных технологий и инноваций и встанет на путь создания собственных. Однако были и те, кто верит в перспективы форсированного инновационного развития Китая. В частности, Карл Эверетт, партнер фирмы венчурного капитала *Accel Partners*, заявил, что китайские технологические компании накапливают опыт, как некогда тайваньские, и уже становятся экспертами, например, в области производства полупроводников и что в будущем существенная часть инноваций в этой отрасли станет приходить из Китая. На том же совещании были отмечены успехи китайской компьютерной индустрии. Китайские компании, как, например, *Lenovo*, стремятся расширить свое присутствие на мировом рынке. В то же время многие /Г-компании США открыли в Китае свои научно-исследовательские центры, и сейчас растущий китайский экспорт /Г-продукции начинает вызывать все большее беспокойство профильных американских профсоюзов¹.

При этом комплиментарная часть отзывов западных специалистов касается важных, но второстепенных с точки зрения глобального лидерства инновационных моментов в развитии страны. В частности, в их работах подчеркивается, что в последнее время китайские компании стали мировыми лидерами в массовом производстве и логистике. Приводятся соответствующие позитивные примеры. Так, компания *Huawei*, которая производит телекоммуникационную аппаратуру, является мастером рекомбинирующих технологий и с максимальной оперативностью доводит их до рынка. *Foxconn* со штаб-квартирой на Тайване, производит *iPad* и другие подобные продукты в Китае из-за доступности рабочей силы (на производстве в комплексе в Шеньчжень заняты 270 тыс. человек). Университеты Китая в большом количестве выпускают специалистов в сфере науки и техники, которые имеют в основном промышленную специализацию (горнодобывающая промышленность, тяжелое машиностроение и др.).

¹ URL: <http://www.kommersant.ru/doc/666549> (дата обращения: 14.12.2012).

Одновременно констатируется, что «нет лучше китайских компаний, и когда дело доходит до адаптации передовых технологий для кошельков и предпочтений 1,3 млрд китайских потребителей. *Lenovo* освоил искусство продажи дешевых компьютеров для небогатых людей. *Baidu* научился предоставлять интернет с китайской спецификой»¹. В итоге делается вывод о том, что «Китай идеально подходит для того, чтобы быть посредником в мире: достаточно близко к границе с действительно передовыми технологиями и квалифицированно адаптируя новые идеи для массового рынка»².

Тем не менее представляется, что такое принудительное позиционирование КНР в рамках мирового разделения труда (отражающее прежде всего желание западных элит) вряд ли отвечает амбициям китайского руководства, которое стремится выйти из предназначенного ему Западом экономического гетто и в полной мере обеспечить свой государственный суверенитет³.

¹ URL: <http://www.kommersant.ru/doc/666549> (дата обращения: 14.12.2012).

² Там же.

³ Машкина О.А. Китай: перспективы инноваций и образования // История и современность. 2010. Вып. 2(12). С. 144.

Глава 2

СТРАТЕГИЯ ПРЕОДОЛЕНИЯ БЕДНОСТИ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ОТСТАЛОСТИ (БРАЗИЛИЯ, МАЛАЙЗИЯ, ИНДИЯ)

Несмотря на то, что бедность и технологическая отсталость традиционно являются бичом стран третьего мира, тем не менее в последние десятилетия эти факторы приобрели существенное политическое звучание, поскольку нищета и беспросветность на контрасте с гедонистическим идеалом стран Запада порождают серьезные социальные дисбалансы и ведут к подрыву стабильности в странах мировой периферии. Более того, интенсивный рост мирового народонаселения (причем преимущественно в слаборазвитых странах) приводит к актуализации продовольственного вопроса. Сегодня, как и десятилетия назад, весьма острой является проблема голода. Несмотря на развитие прогрессивных аграрных технологий, уже сейчас около трети населения мировой периферии живет либо по минимуму, либо вообще впроголодь, а еще 500 млн человек стоят на пороге смерти от истощения. Смертность от голода в таких странах колоссальная, она достигает ежегодно 10 млн человек¹.

В свою очередь, развитые страны, при перманентном сокращении численности их населения, во много раз превосходят мировую периферию в плане потребления, что ведет к нарушению баланса в мире и создает угрозу мощного социального взрыва. Так, в Докладе о развитии человечества ООН подсчитано, что это богатство в 2001 г. исчислялось следующим образом: человечество в целом в этом году произвело продукции на 45 000 млрд долл. Если бы это богатство было справедливо разделено, то каждая семья с тремя детьми, будь то в Америке или в Африке, име-

¹ URL: <http://left.ru/2005/1/belder118.phtml> (дата обращения: 12.10.2012).

ла бы ежемесячный доход как минимум 2260 евро¹. Одновременно сообщается, что 10% наиболее богатых жителей планеты обладают в 124 раза большим доходом, чем 10% ее беднейших жителей.

Еще одним катализатором возможного столкновения цивилизаций является несоразмерность цен на промышленные товары «первого мира» с ценами на сырье и продовольственные товары «мира третьего». В результате таких диспропорций последний задолжал первому гигантские суммы, которые выплатить не в состоянии в обозримом будущем. В результате это порождает ситуацию долговой кабалы, а между кредиторами и должниками возникает взаимная отчужденность и недоверие.

Экономика развивающихся стран сильно отстает от уровня производства развитых стран, и сократить этот разрыв без чрезвычайных мер пока не удастся. Весьма остра на мировой периферии и жилищная проблема. Значительная часть ее обитателей живут в антисанитарных условиях, многие (особенно на Африканском континенте и в Латинской Америке) являются обитателями трущоб и фавел, не имеют бытовых удобств, канализации и прочих минимальных удобств цивилизации. Более того, 1,5 млрд населения планеты лишены элементарной медицинской помощи, а недостаток в обычной питьевой воде испытывают около 2 млрд человек.

Что же мешает странам третьего мира справиться с нищетой и отсталостью? Причин здесь несколько.

Прежде всего следует иметь в виду, что отстающие страны в основном аграрные. На их долю приходится свыше 90% сельского населения мира, но как это ни парадоксально, они не в состоянии прокормить даже себя, поскольку рост населения здесь превышает прирост производства продовольствия.

Другая причина заключается в необходимости освоения новых технологий, развития промышленности, сферы услуг. Однако все это требует от развивающихся экономик активного участия в мировой торговле. В то же время слабость этих стран приводит к их неконкурентоспособности на мировом рынке, и, соответственно, к деформациям в развитии собственных экономических моделей.

¹ URL: <http://left.ru/2005/1/belder118.phtml> (дата обращения: 12.10.2012).

Еще одна причина отставания развивающихся стран - использование традиционных источников энергии (тягловая сила животных, сжигание древесины и различного рода органических материалов), которые ввиду их низкой эффективности, не позволяют существенно повысить производительность труда в промышленности, на транспорте, в сфере услуг, в сельском хозяйстве.

Усложняет процесс преодоления странами третьего мира их отставания от развитых государств и такая причина, как серьезная зависимость от мирового рынка и его конъюнктуры. Помимо вышеуказанных причин, стоит отметить быстрый рост внешнего долга развивающихся стран мировым лидерам, который также служит препятствием на пути преодоления их отсталости.

Кроме того, сегодня экономическое и социальное развитие невозможно без повышения образовательного уровня населения, без освоения современных достижений науки и техники. Однако необходимое внимание к ним требует крупных финансовых затрат и предполагает наличие соответствующих квалифицированных педагогических и научно-технических кадров. Развивающиеся страны в своем большинстве не могут себе позволить в полной мере и должным образом решать эти проблемы.

В итоге бедность и низкий уровень культуры, помноженные на демографические диспропорции, создают реальную угрозу мировой стабильности. Именно с неравномерностью распределения ресурсов на Земле во многом связан и феномен терроризма и экстремизма на современном этапе, и «цветные революции» 2000-х гг.

Самым наглядным образом данный тренд подтвердили события «арабской весны» 2011-2012 гг., в ходе которых оппозиции удалось поднять массы против действующей власти под лозунгами достижения справедливости и борьбы с коррупцией. Одновременно в ходе агитационной кампании в Тунисе и Египте противники режимов активно рекрутировали молодежь, соблазняя ее перспективами достижения западного уровня жизни и формирования социальных лифтов.

Единственным способом преодолеть исторически сложившуюся нищету для ряда стран третьего мира становится иннова-

ционный путь развития. Конечно, Руанда или Эквадор при всем желании вряд ли смогут совершить модернизационный рывок и попытаться за счет достижений в науке и технике снять или хотя бы приглушить проблему бедности. Однако в мировой практике на рубеже XX-XXI вв. имеются и весьма позитивные примеры инновационного развития ранее, казалось бы, безнадежных стран мировой периферии. В частности, речь идет об Индии, Бразилии и Малайзии.

Социальная ситуация в этих государствах до сих пор остается весьма непростой. Так, например, в индексе экономического неравенства Джини Бразилия занимает пятое место, пропустив в «лидеры» только Намибию, Ботсвану, Гаити и ЮАР¹. В Индии же другая беда - низкий доход населения: так, около 80% граждан страны живут менее чем на 2 доллара в день², а более 200 млн человек страдают от голода³. Такая ситуация в начале XXI в. неизбежно ведет к серьезным политическим и общественным «издержкам», что осознают лидеры указанных государств. Особенно проблема нищеты болезненна для Бразилии, где, в отличие от многих других государств Латинской Америки, у власти не находятся леворадикалы. В случае же, если бедность не удастся преодолеть самым кардинальным образом, не исключен «красный поворот», который приведет к власти в стране сторонников Че Гевары и Уго Чавеса.

В этом плане примечательно, что 16 апреля 2008 г. Индия и Бразилия даже заключили ряд соглашений относительно обеспечения продовольственной безопасности и борьбы с бедностью. Соглашения были подписаны главами этих государств во время визита президента Индии Пратибхи Патил в Бразилию. В свою очередь, глава Бразилии Луис Игнасио Лула да Силва, подводя итоги встречи, подчеркнул, что две страны могут поделиться опытом в области борьбы с бедностью. «Мы прекрасно понимаем, насколько трудно будет победить крайнюю бедность. Но мы постепенно создаем условия для более достойной жизни наших народов», - заявил он⁴.

¹ Эксперт. 2012. № 30-31 (813). 30 июля - 12 августа. С. 7.

² Там же. С. 8.

³ URL: <http://left.rU/2005/1/belder118.phtml> (дата обращения: 10.10.2012).

⁴ URL: <http://lenta.ru/news/2008/04/17/memorandum/> (дата обращения: 16.10.2012).

2.1. Бразилия

Бразилия - крупнейшая по территории и населению страна Латинской Америки. Исторически сложившаяся экономическая система привела к тому, что в экономике большую роль играло сельское хозяйство, прежде всего производство кофе, какао и сахарного тростника. Хотя роль Бразилии как кофейного экспортера на мировом рынке постепенно падает (80% в начале XX в., 60% накануне Второй мировой войны, 43% в 1965 г., 33% в 1975 г. и т.д.), кофе продолжает до сих пор составлять важнейшую статью национального дохода. По производству какао Бразилия занимает второе место в мире после Ганы. На третьем месте идет сахарный тростник, по добыче которого Бразилия в 1980 г. стояла на первом месте в мире. Зависимость от колебаний цен на кофе на мировом рынке, монополия иностранного (прежде всего американского) капитала вели к нестабильности экономической ситуации. Неравномерное распределение экономических благ, сосредоточенных в руках богатейших семей, поддерживалось военными, установившими в стране жесткую диктатуру.

Более 70% населения Бразилии живет в городах. В 1985 г. экономически активное население Бразилии составляло 55,1 млн человек, в том числе 36,6 млн мужчин и 18,5 млн женщин. В сельском хозяйстве было занято 28,5% экономически активного населения, в обрабатывающей промышленности - 14,8%. При этом в стране насчитывалось более 12 млн безработных.

Таблица 7 - Структура распределения ВВП Бразилии к началу 1980-х гг., в %

Отрасль экономики	1950	1960	1970	1976
Сельское хозяйство	28,8	24,8	14,3	11,7
Горнодобывающая промышленность	0,3	0,5	0,9	0,8
Обрабатывающая промышленность	20,0	27,5	24,8	28,6
Строительство	1,8	2,0	5,8	6,2
Транспорт и связь	7,4	8,5	5,9	6,2
Торговля и финансы	16,4	16,8	21,8	22,2
Прочие услуги	18,1	14,7	17,9	24,3

Источник: URL: <http://www.be5.biz/ekonomika2/002/brazil.htm> (дата обращения: 16.10.2012).

Эпоха экономических реформ в Бразилии началась с президента Жозе Сарнея (1985-1990 гг.), который сумел совершить переход от военного правления к конституционному гражданскому режиму. Правда, при этом армия все равно продолжала претендовать на роль «гаранта политической стабильности».

Новое руководство первым делом обратилось к социально-экономической сфере. С политической точки зрения это было вполне объяснимо - если даже военным не удалось «усидеть на штыках», то гражданскому правительству, чтобы сохранить стабильность, пришлось завоевывать доверие населения. Именно с этим во многом связан предложенный им план реформ. В частности, было объявлено о намерении решить проблемы внешней задолженности, инфляции, экономического развития без ущемления интересов населения. Для обеспечения стабильности предложено заключить «социальный пакт» между трудящимися, предпринимателями и властями. Началось осуществление плана борьбы с голодом, мер по созданию рабочих мест, развитию отсталых районов, улучшению системы здравоохранения; разработано новое трудовое законодательство. Важное место в планах правительства занимали аграрные преобразования. Проект реформы предусматривал наделение землей за 15 лет 7 млн семей.

В 1986 г. началось осуществление плана экономической стабилизации «Крузадо», по которому замораживались цены и зарплата и вводилась новая денежная единица - крузадо (равная 1000 старых крузейро). В итоге удалось уменьшить выплаты по внешнему долгу.

С 1984 г. в Бразилии наблюдается ускорение экономического развития. ВВП в 1987 г. увеличился на 7%, в 1986 г. - на 8,2%. Производство в обрабатывающей промышленности в 1985 г. увеличилось на 7%, в 1986 - на 11,3%. Добыча нефти возросла вдвое (30 млн т в год), что позволило уменьшить зависимость страны от импорта. Производство стали увеличилось в 1,5 раза - до 22 млн т в 1987 г. Развитие промышленности позволило создать в 1986 г. 1 млн рабочих мест.

Большое внимание уделялось передовым технологиям. В 1986 г. была создана компания «Орбита» по производству ракет для запуска спутников, а также военных ракет. Началось строительство космодрома. Бразилия стала одним из крупных экспортеров современного оружия и военной техники, получив от этого только

в 1986 г. 1,5 млрд долл. Одновременно бразильское руководство быстро сориентировалось с перспективностью компьютерного рынка - в стране оперативно было налажено производство компьютеров. Уже в 1986 г., фактически на заре развития компьютерных технологий, в этой отрасли было занято уже 250 тыс. человек. Таким образом, за несколько лет Бразилия обеспечила свои потребности в компьютерах и стала их экспортировать.

Однако на первом этапе преобразований рыночный либерализм правительства Бразилии, несмотря на вышеуказанные достижения, привел к определенным перекосам. Так, высокие темпы роста экономики, требовавшие капиталовложений, было трудно совмещать с выплатой процентов по внешнему долгу, приблизившемуся к 120 млрд долл., и социальной поддержкой населения. В ноябре 1986 г. был принят план «Крузадо-2», ужесточивший меры по экономии. Это вызвало волну протестных акций, в которых участвовало до 9 млн человек. Одновременно пренебрежение социальной стороной реформ привело к падению популярности реформаторского руководства.

Усугубило ситуацию то, что жесткие меры себя не оправдали. Инфляция увеличилась с 148% в 1986 г. до 816% в 1988 г. и 1500% в 1989 г. В начале 1987 г. Бразилия была вынуждена ввести временный мораторий на выплату процентов по внешнему долгу. В 1989 г. платежи вновь были приостановлены. Рост экономики застопорился, достигнув в 1989 г. нулевой отметки. Ситуация осложнялась быстрым демографическим ростом: с 93 млн человек в 1970 г. до 153 млн человек в 1989 г. Задуманная аграрная реформа также провалилась.

Однако правым пока еще удавалось обеспечивать доверие граждан. Это продемонстрировали президентские выборы 1989 г., на которых их выдвиженец Фернандо Коллор сумел одержать победу над левым оппонентом, в том числе за счет популистских обещаний. Он также объявил своей целью ликвидацию отсталости и модернизацию страны. Министром финансов в новом правительстве стала Зелия Кардозу, профессор-экономист из Университета Сан-Паулу. Первостепенной задачей стало преодоление инфляции и бюджетного дефицита. Весной 1990 г. началась шоковая терапия по-бразильски. На полтора года заморожена основная масса банковских вкладов, благодаря чему из обращения

было изъято 2/3 денежной массы. Были заморожены цены и зарплата, восстановлена прежняя денежная единица - крузейро, введен свободный курс доллара. В краткосрочном плане это дало положительный эффект: инфляция упала с 90% в марте почти до нуля в апреле.

Одновременно началось сокращение расходов государственного сектора через приватизацию госкомпаний и «дебюрократизация». Количество министерств сократилось с 23 до 12. Началась «образцово-показательная» борьба с коррупцией: с аукционов продавались лимузины, служебные квартиры и виллы представителей высшей администрации.

Реформаторы отказались от протекционистской политики. В 1990 г. были отменены государственные дотации, внешнеторговые ограничения, существенно сокращены налоги и пошлины на импорт. Правительство планировало, что национальные предприятия будут модернизировать производство и снижать себестоимость продукции. Бразилия возобновила выплаты по внешнему долгу, хотя и в ограниченных масштабах. Одновременно в счет погашения задолженности руководство страны продавало акции предприятий госсектора.

При этом шоковая политика в городе сопровождалась намерениями обеспечить себе поддержку на селе. Здесь опять были предприняты попытки социальных реформ в аграрном секторе. В частности, введены дополнительные налоги на необрабатываемые помещичьи земли чтобы за пять лет наделить землей 500 тыс. семей бедняков. А земли, на которых обитали индейские общины, передавались в их собственность.

Однако шоковая терапия, сократив инфляцию и бюджетный дефицит, привела к кризису производства, падению реальной зарплаты, росту безработицы, краху многих бразильских предпринимателей. Промышленное производство в 1990 г. упало на 9%, ВВП снизился на 4,6%. В конце 1990 г. инфляция вернулась на прежний уровень и составила 20% в месяц, а по итогам года достигла 2000%.

Все это привело к правительственному кризису, отставке ключевых министров, росту политической нестабильности. Даже меры по смягчению экономической политики не помогли - вывести экономику из кризиса так и не удалось. Инфляция в 1991 г.

составила 480%, а в 1992 г. - 1142%, превысив совокупный уровень всей остальной Латинской Америки. Ее подстегивало взвинчивание цен картелями-монополистами. Промышленное производство за 1992 г. снизилось на 4,7%. Финансовая политика правительства Коллора подорвала деловую активность и доверие предпринимателей и широких слоев населения к власти. Высокие налоги препятствовали развитию производства, но не помогали ликвидировать бюджетный дефицит. 65% бюджетных средств расходовалось на выплату внешней (120 млрд долл.) и внутренней (100 млрд долл.) задолженности. Сужение внутреннего рынка из-за падения покупательной способности населения и возросший импорт разоряли местное производство, особенно мелких и средних предпринимателей. Из-за углубления экономического кризиса и окончания холодной войны на грани банкротства оказался военно-промышленный комплекс. Были существенно урезаны расходы на образование, здравоохранение; в пять раз уменьшились ассигнования на науку, создав угрозу разрушения научного потенциала страны. Официальная безработица за 1990-1992 гг. увеличилась с 8,7 до 13% от числа экономически активного населения; 45% граждан проживало в условиях абсолютной бедности.

Недовольство охватило не только широкие слои населения, но и бразильский бизнес. Руководители крупнейших промышленных фирм в сентябре 1992 г. выступили с алармистским заявлением, что выполнение правительственной программы будет означать полный крах национальной экономики.

Едва ли не всеобщее недовольство экономической и социальной политикой правительства Коллора привело к тому, что палата депутатов 29 сентября 1992 г. высказалась за объявление импичмента президенту. 2 октября Сенат отстранил его от исполнения обязанностей на время расследования. Президентские полномочия были переданы вице-президенту Итамару Франку. Фернандо Колор отказывался уйти в отставку вплоть до конца года, и лишь накануне вынесения Сенатом решения о его смещении, 29 декабря, заявил о «добровольной» отставке. Новым президентом стал Итамар Франку, который должен был занимать этот пост до истечения конституционного срока полномочий Коллора - до 1 января 1995 г.

В политике нового президента наметились серьезные изменения социального характера. Франку заявил, что модернизация и продолжение экономических реформ не должны проводиться ценой обнищания населения, а стабилизация экономики должна идти без шока и потрясений. Акцент в реформах был смещен с сугубо финансовых мер на стимулирование производства и решение социальных проблем. Правительство рассчитывало оживить производство снижением налогов и процентных ставок, поощрением экспорта, поддержкой малого и среднего бизнеса. Приватизация убыточных предприятий госсектора продолжалась, за исключением стратегических отраслей (энергетика, нефтедобыча, телекоммуникации), и с широким участием в приобретении акций их персонала. Часть выручки от разгосударствления должна была идти на создание новых рабочих мест и социальные программы. В частности, были приняты меры по усилению контроля за сбором налогов, введен временный налог на банковские операции. На основные продукты и предметы первой необходимости были установлены государственные цены.

Отход от неолиберальной модели реформирования вызвал критику внешних акторов, прежде всего мировых финансовых организаций. С учетом их приоритетной ориентации на США, где любые отклонения от либерального курса воспринимались едва ли не как прямой вызов влиянию Запада, усилилось их экспертное и информационное давление на Бразилию. Соответственно, предсказывался провал реформ и крах нового курса. Поначалу прогнозы этих экспертов, казалось бы, сбывались: в 1993 г. инфляция подскочила до 2500%. С другой стороны, положительной тенденцией стала остановка экономического спада: впервые за несколько лет наметился рост ВВП на 4,5%, промышленное производство выросло на 9%, вырос объем внешней торговли. Золотовалютные запасы достигли 30 млрд долл. Опираясь на продолжающийся в 1994 г. экономический рост, правительство начало борьбу с инфляцией через серию бюджетных, налоговых и валютных мер. Так, был принят план «Реал», который предполагал достижение уже в начале 1994 г. резкого снижения бюджетного дефицита с последующим установлением контроля над темпами инфляции и динамикой валютного курса. Сокращение бюджетного дефицита сопровождалось временным заморажива-

нием зарплат (но в целом правительство не пошло на кардинальное сокращение пенсий и социальных выплат). Для преодоления инфляционных ожиданий с марта 1994 г. была введена фиксированная к доллару «реальная единица стоимости» (РЕС) с ежедневной ее котировкой ЦБ. А в июле 1994 г. была введена новая валюта - реал - со 100%-ным покрытием валютными резервами и акциями государственных предприятий, котируемыми на внешнем рынке. Кроме того, была введена свободная конвертируемость реала с одновременной фиксацией обменного курса к доллару (валютный коридор).

Примечательно, что именно в этот период в стратегии развития Бразилии происходят едва ли не главные инновационные перемены. Ранее руководство страны (во время диктатуры военных в 1964-1985 гг.), делало ставку на создание ядерного оружия и вхождение в так называемый ядерный клуб¹. В принципе понять смысл таких планов было несложно: с одной стороны, хунта ощущала неустойчивость своего положения и стремилась подстраховаться от давления извне (а, как показывает практика, ядерная бомба является одним из самых надежных гарантов суверенитета), с другой - создание супероружия резко подняло бы ее авторитет среди населения и стало бы серьезным политическим козырем.

Однако у ядерных планов бразильской элиты были и серьезные издержки. Во-первых, это требовало колоссальных расходов, которые страна в то время не могла себе позволить; во-вторых, претензии Бразилии на вхождение в ядерный клуб встречали противодействие со стороны великих держав, которые были не заинтересованы в распространении технологий массового уничтожения. Кстати, во многом под давлением со стороны США в 1991 г. Бразилия и Аргентина отказались от ядерного соперничества, а их программы развития мирного атома были взяты под контроль МАГАТЭ. Справедливости ради следует сказать, что по мере роста экономического благополучия и укрепления своих позиций на международной арене, бразильское руководство, судя по всему, предприняло попытку возобновить программу созда-

¹ См., например: URL: <http://www.globalsecurity.org/wmd/world/brazil/nuke.htm> (дата обращения: 08.10.2012).

ния ядерного оружия. Уже в середине 2000-х гг. возникли подозрения относительно таких планов. Так, в мае 2006 г., несмотря на официально «безъядерный» статус Бразилии в стране открылся завод по обогащению ядерного топлива в Резенди (штат Рио-де-Жанейро)¹. Это вызвало вопросы со стороны МАГАТЭ (где опять же очень сильны позиции США) и требования этой международной организации относительно проверки центрифуг, обогащающих уран. В итоге дискуссий был найден промежуточный компромисс, но проблема осталась. Более того, в августе 2012 г. Бразилия после многих лет обсуждений и подготовки заявила о начале реализации ядерных проектов в военной сфере. Уже в обозримом будущем ВМС страны получат атомную подводную лодку. По сообщению аналитического издания *Jane's*, проектирование корабля займет около трех лет, само строительство - около шести². В принципе все возможности у современной Бразилии для этого есть. Ядерная программа страны основана на разветвленной сети центров, которая включает в себя обогатительный завод в Резенди, научно-исследовательский институт Арамар в городе Иперо (также имеющий собственные обогатительные мощности), военно-технический центр в Гуаратиба, располагающий мощностями по производству обогащенного плутония, и ряд лабораторий, ведущих работы в различных отраслях ядерной физики. Кроме того, у департамента аэрокосмической науки и технологий есть собственная программа ядерных исследований, в том числе, по некоторым данным, в области разработок ядерных энергетических установок сверхмалой мощности для космических аппаратов. Также существует Качимбо - испытательный полигон, который был законсервирован в 1990 г.

Однако в 1990-е гг., когда Бразилия находилась в числе депрессивных государств третьего мира, отказ от ядерной программы был весьма смелым, но мудрым шагом. Таким образом, с одной стороны, руководство страны «примирилось» с Вашингтоном, который, как бы то ни было, но весьма чтит «доктрину Монро» и не позволяет окончательно выходить из-под контроля ни одному американскому государству; с другой - инновации в граж-

¹ URL: <http://news.bbc.co.Uk/2/hi/americas/4981202.stm> (дата обращения: 07.12.2012).

² URL: <http://www.warandpeace.ru/ru/reports/view/71701/> (дата обращения: 07.12.2012).

данской сфере позволили привлечь зарубежные легальные инвестиции. Все это, в частности, позволило Бразилии развивать космическую программу. Так, в феврале 1993 г. с космодрома Алкантара на орбиту с помощью американской ракеты был выведен первый бразильский спутник, а в марте того же года состоялся пуск первой бразильской ракеты¹.

Решающая роль в осуществлении новой экономической политики принадлежала министру экономики, известному экономисту и социологу Фернанду Энрике Кардозу, в молодости придерживавшемуся левых взглядов. Достигнутые им успехи обеспечили ему победу на состоявшихся в октябре 1994 г. выборах главы государства.

Достижениями плана «Реал» стали снижение инфляции (в 1994 г. - более 1000% годовых, в 1995 г. - 22%, в 1996 г. - 10%) и рост к 1996 г. среднедушевого дохода на 40%. Одновременно был взят курс на открытость экономики, но при этом имело место маневрирование пошлинами в целях аккуратного стимулирования иностранной конкуренцией бразильского производства. Следствием этого стал приход на местный рынок иностранных инвесторов (в основном вкладывались в автомобилестроение и производство товаров широкого потребления). Более трети из них составляли прямые инвестиции. Во многом приток инвестиций был связан с проведением приватизации, поступления от которой за 1997-1998 гг. составили 45,7 млрд долл. (по этому показателю Бразилия заняла первое место в мире).

Высокий уровень инвестиций - основная причина динамичного развития промышленности Бразилии (объем промышленного производства за 1990-е гг. вырос на 25%), при этом особенно быстрыми темпами развивалось производство потребительских товаров длительного пользования, в первую очередь автомобилей. Ускоренными темпами развивалось сельскохозяйственное машиностроение, станкостроение, авиа- и судостроение, производство вооружения. Успехи промышленности отразились на структуре экспорта: доля сырья сократилась до 27%, доля промышленных товаров выросла до 55%, причем машины и оборудование составляют 12-15% экспорта.

¹ URL: <http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/6687/> (дата обращения: 09.12.2012).

Таблица 8 - Динамика экономического роста Бразилии в 1990-е гг., в %

Год	ВВП	Промышленность	Сельское хозяйство	Сфера услуг
1991	1,03	0,26	1,37	0,33
1992	-0,54	-4,22	4,89	0,30
1993	4,92	7,01	-0,07	1,76
1994	5,85	6,73	5,45	1,80
1995	4,22	-1,91	4,08	1,30
1996	2,66	3,28	3,11	2,26
1997	3,27	4,65	-0,83	2,55
1998	0,22	-1,45	1,94	1,11
1999	0,79	-1,60	7,41	1,89
2000	4,20	4,79	2,90	3,61

Источник: <http://www.be5.biz/ekonomika2/002/brazil.htm> (дата обращения: 08.11.2012).

Такой экономический подъем позволил руководству страны заняться (с 1996 г.) решением социальных проблем. Произошла интенсификация государственных программ борьбы с бедностью, реализованы программы поддержки индивидуального жилищного строительства, а также программы в области образования, здравоохранения, социального обеспечения. Тем не менее успехи Бразилии в социальной сфере в условиях рыночно-либерального курса (который по определению не предполагает активной государственной социальной политики) оказались достаточно скромны. По-прежнему сохранялась дифференциация доходов: на долю 10% богатых приходилось 51% национального дохода, на долю 10% самых бедных - около 2%. Особенно разительно имущественное расслоение наблюдалось в сельском хозяйстве: в то время как 20% пахотных земель принадлежали 20 латифундистам, 11 млн крестьянских хозяйств вообще не имели земли.

Одновременно оставалась острой проблема занятости, особенно в сельском хозяйстве. Государство стремилось активно вмешиваться в сферу земельных отношений, конфискуя земли латифундистов, злостно нарушавших законодательство и нецелевым образом использовавших пахотные угодья, для последующей их передачи безземельным крестьянам. Однако этот процесс шел весьма медленно из-за активного сопротивления традиционно влиятельных в Латинской Америке земельных магнатов. Серьезной проблемой оставалась также коррупция госап-

парата, вследствие которой государственные средства, направляемые на решение социальных проблем, зачастую не достигали своих адресатов.

При всех очевидных достижениях либеральные реформы 1990-х гг. имели и немало издержек, а достигнутая стабилизация оказалась недолговечной. Положительное сальдо торгового баланса сменилось отрицательным (дефицит торгового баланса в 1995 г. составил 3,5 млрд долл., в 1996 г. - 5,5 млрд долл., а в 1998 г. - 6,6 млрд долл.). Отрицательное сальдо платежного баланса по текущим операциям достигло 35,2 млрд долл. Эти проблемы в 1998 г. дополнились значительным бюджетным дефицитом (к концу 1998 г. он составлял 8% ВВП) и государственным внутренним долгом (360 млрд долл., или 42% ВВП). Эти проблемы стали причиной того, что бразильская экономика оказалась беззащитной перед азиатским (а затем и российским) финансовым кризисом 1998 г.

Если во втором полугодии 1998 г. большинство стран Латинской Америки ощущало в целом косвенное воздействие потрясений в мировой экономике, то в Бразилии ситуация начала отчетливо ухудшаться сразу после российского дефолта. До 17 августа 1998 г. казалось, что экономическое положение в стране меняется к лучшему, хотя падение темпов роста до 1,1% было зарегистрировано уже в первом полугодии. В июле 1998 г. успешно прошла приватизация телефонной компании «Телебраз», принесшая поступления в бюджет свыше 19 млрд долл., что существенно превзошло минимальную цену в 13,5 млрд долл., установленную правительством.

Однако намеченные еще осенью 1997 г. мероприятия по снижению государственных расходов не были воплощены в жизнь, обсуждение многих законопроектов затягивалось или в них вносились существенные изменения. В результате дефицит бюджета и внутренний долг продолжали увеличиваться. Новая волна кризиса нанесла по бразильской экономике серьезный удар. Индекс акций на бирже только в течение августа снизился на 40,8%. Из страны за август-сентябрь 1998 г. был вывезен капитал в 26 млрд долл. Золотовалютные резервы к началу ноября сократились до 41,6 млрд долл.

МВФ, Всемирный банк, МАБР и страны «большой семерки» заявили о готовности предоставить Бразилии пакет помощи в

41,5 млрд долл. Эти меры временно стабилизировали ситуацию, в октябре стало наблюдаться даже повышение курса акций на местных биржах и возвращение сбежавших капиталов. Кратковременное понижение паритета реала удалось погасить за счет продажи долларов на валютном рынке, курс остался в рамках коридора.

Между тем конгресс США отказался поддержать решение Белого дома о выделении Бразилии помощи в размере 5 млрд долл. Это вызывало неуверенность у местных и иностранных инвесторов. На этом неблагоприятном фоне односторонний 90-дневный мораторий штата Минас-Жерайс на погашение его задолженности перед федеральным правительством резко осложнил ситуацию. Мораторий вызвал панику на бирже и новую волну бегства капитала. Золотовалютные резервы к середине января 1999 г. уменьшились до 36 млрд долл. даже с учетом получения первого транша кредита МВФ.

В этих условиях правительство отказалось от режима валютного коридора и перешло к плавающему курсу реала, а ЦБ прекратил интервенции для поддержки его курса. Местные биржи положительно отреагировали на смену валютного режима, и с середины января 1999 г. акции бразильских предприятий пошли в рост. Однако это же привело к обесцениванию национальной валюты и бегству капиталов за рубеж.

Финансовый кризис в Бразилии привел к падению производства. Впервые с 1993 г. в 1998 г. промышленное производство сократилось на 2,3%, в том числе потребительских товаров длительного спроса - на 20,5%. Срыв приватизации четырех участков телефонной сети в середине января сорвал и реализацию годовой программы приватизации в 20 млрд долл. Сразу же сократился поток прямых зарубежных инвестиций.

После завершения мирового кризиса экономика Бразилии начала оживать, чему отчасти способствовал и аргентинский дефолт, обесценивший песо и приведший к перетоку капиталов из экономики Аргентины в Бразилию. В 2000 г., по данным Министерства труда Бразилии, занятость населения увеличилась на 3,2% по сравнению с 1999 г. В течение года было создано 657,6 тыс. новых рабочих мест. В то же время уровень безработицы сократился с 7,56% экономически активного населения в конце 1999 г. до 7,46% - в конце 2000 г.

Однако ситуация в экономике далека от оптимальной. На начало 2002 г. общий размер государственного долга Бразилии составил около 355 млрд долл., из которых 220 млрд приходится на внешние займы. Дефицит бюджета страны составил 5,4% ВВП, размер золотовалютных резервов - около 40 млрд долл., инфляция - 7,5%, безработица - 7,5%. Стоимость гособлигаций Бразилии снизилась на треть, а курс реала по отношению к доллару США - на четверть. Международные рейтинговые агентства *Moody's* и *Standard&Poor's* понизили рейтинг Бразилии на одну ступень до B2 и B+ соответственно, приравняв ее к таким странам, как Никарагуа и Гондурас. Для сравнения: в России в преддверии дефолта 1998 г. размер внешнего долга составлял около 150 млрд долл., дефицит бюджета - 6%, размер золотовалютных резервов - около 13 млрд долл., безработица - 11%, инфляция - не более 10% в год.

Можно выделить две основных причины неустойчивого экономического и финансового состояния Бразилии в 1980-1990-е гг. Во-первых, это ее высокая зависимость от циклов экономики США; во-вторых, малоэффективная система государственных финансов, приводившая к постоянному дефициту бюджета и растущему государственному долгу. Неоспоримые успехи Бразилии в развитии собственной промышленности не привели к изменению структуры потребителей ее товаров. Основными потребителями продукции Бразилии по-прежнему являлись США и страны Латинской Америки, от состояния экономик которых она сильно зависела. Падение спроса на товары экспорта Бразилии снижало доходы госбюджета и приводило к росту его дефицита, что, в свою очередь, создавало трудности с обслуживанием госдолга, а также приводило к падению промышленного производства в стране. Ситуация усугублялась к тому же нерациональным распределением денежных средств между регионами и центром, а также между различными социальными группами.

Опыт Бразилии 1980-1990-х гг. наглядно свидетельствовал о том, что экономика не может эффективно развиваться без независимой сбалансированной политики государства. Как только государство выходило из управления экономикой, рыночные механизмы влекли за собой бегство капиталов, рост социальной напряженности, стагнацию и падение производства. И, наоборот,

обозначение государством приоритетов экономического развития, концентрация средств на перспективных точках роста, уменьшение рисков путем поиска новых рынков и потребителей национальной продукции приводили к положительному эффекту.

Все это в начале 2000-х гг. поставило вопрос о необходимости проведения активной государственной экономической политики, в том числе в инновационной сфере. Как видно из вышесказанного, в 1980-1990-х гг. инновации находились в Бразилии на втором плане, за исключением разве что ядерных разработок и космических программ. В то же время эти достижения не могли снять социальную напряженность в обществе, преодолеть общую отсталость страны, обеспечить политическую и социально-экономическую стабильность.

Однако с приходом к власти левого президента Луиса Игнасио Лула да Силвы правительство вновь возвращается к формированию долгосрочной государственной политики в сфере развития науки и технологии. Во многом это было связано с необходимостью выполнения предвыборных обещаний относительно преодоления бедности. Одновременно в условиях кризиса «однополярного мира» у руководства Бразилии появилась надежда на возможность повышения своего статуса на международной арене - недаром с 2001 г. страна фигурировала в качестве составной части неформального клуба быстроразвивающихся государств БРИК.

Новая индустриальная (фактически инновационная) политика была разработана не волюнтаристским и догматическим путем, как ранее: она стала итогом продуктивной академической и политической дискуссии о приоритетах развития, методах реформ и их эффективности. Так, в сентябре 2003 г. несколько ключевых ведомств издали совместный документ (*Rotero para una Agenda de Desenvolvimento*), где были обозначены три основных приоритета: 1) совершенствование и развитие инфраструктуры; 2) повышение эффективности производства, особенно экспортных товаров; 3) повышение инновационного потенциала фирм, особенно ориентированных на экспорт¹. Косвенно этот документ признавал отставание национальной инновационной системы

¹ URL: <http://www.gmu-countries.ru/america/brazilia/brazil-nis.html> (дата обращения: 16.12.2012).

Бразилии и постулировал необходимость прорыва в данной сфере на основе государственно-частного партнерства.

Но опять же инновационная инициатива в Бразилии принадлежала государству, поскольку бизнес видел в данных программах слишком высокие риски и не хотел без гарантий работать на перспективу. Государственные же проекты начались с реализации программы «народный компьютер» в 2005 г. С ее помощью государство стремилось, с одной стороны, обеспечить широкое применение цифровых технологий, а с другой - разработать собственные программные продукты. В частности, в рамках программы ее инициаторы отказались от дорогой лицензионной операционной системы *Microsoft*, поставляя бесплатную *Linux* с бразильскими настройками. Одновременно предпринимались попытки создать дешевый доступ в Интернет, однако они не достигли успеха.

Но знаковым с точки зрения реализации перспективного развития Бразилии XXI в. стал 2006 г., когда был принят закон об инновациях. Он ориентирован на то, чтобы обеспечить трансферт технологий от исследовательского центра до массового производства. Более того, правительство Бразилии хотело бы видеть инновации не в качестве элитных экспериментов, а в качестве широкой повседневной практики на предприятиях. Для реализации столько амбициозных задач Банком развития Бразилии была открыта специальная программа финансирования тех предприятий, которые хотят увеличить расходы на НИОКР, вводят новые продуктивные бизнес-процессы или новую высокотехнологичную продукцию.

Одновременно произошло окончательное оформление инновационной инфраструктуры. В настоящий момент она выглядит следующим образом.

За проведение в жизнь инновационной политики отвечает Министерство науки и техники (МНТ), созданное в марте 1985 г., которое включает в себя *CNPq* (Национальный исследовательский совет) и *FINEP* (Национальное агентство по финансированию образования и исследований). МНТ также осуществляет прямой контроль над Национальным институтом космических исследований (*Instituto Nacional de Pesquisas Espaciais - INPE*), Национальным институтом амазонских исследований (*Instituto Nacional de*

Pesquisas da Amazonia - INPA), Национальным институтом технологии (*Instituto Nacional de Tecnologia - INT*) и Отделом по управлению в сфере компьютеров и автоматических устройств - *Secretaria de Politica de Informatica e Automacao*.

Что же касается *фундаментальных исследований* инновационного характера, то они реализуются в основном в государственных университетах и исследовательских центрах, изредка в частных вузах и НКО.

Прикладные разработки также в основном осуществляются в государственных НИИ и университетах. Это обусловлено, с одной стороны, неразвитостью частного рынка образовательных и исследовательских услуг, а с другой - доминацией в сфере высоких технологий крупных международных компаний, которые не слишком мотивированы в плане внедрения на бразильской почве инноваций и в своем большинстве не имеют профильных инновационных подразделений. Исключением из правил являются телекоммуникации и информационные технологии. С учетом перспективности бразильского рынка услуг в данной сфере частные компании ведут инновационные разработки. Так, еще в 1970-х гг. в Бразилии был открыт исследовательский центр *IBM*, а затем аналогичные подразделения - *Motorola, Samsung, Nokia*. Государство, заинтересованное в развитии данных «технологий XXI века» оказало им существенную помощь, приняв так называемый закон об информатике, который освобождал от некоторых налогов высокотехнологичные компании в области телекоммуникаций, компьютеров, цифровой электроники. Указанные послабления привели к тому, что ежегодно в бразильский сектор частных исследований вкладывается более 1,5 млрд долл. инвестиций. В своем докладе от *Pyramid Research* Фернадно Фария заявил, что общий объем поступлений в телекоммуникационную сферу Бразилии в 2008 г. уже достиг 55,8 млрд долл., что на 7,4 млрд больше, чем в 2007 г. Ожидается доход в 64 млрд долл. США уже в 2013 г.¹

Быстрыми темпами развивается и банковская сфера, в которой также существенную роль играют новые технологии, в том

¹URL: <http://allmobile.ua/forum/drugie-strany/9379-rost-brazil-skogo-telekommunikacionnogo-rynka.html> (дата обращения: 15.11.2012).

числе инновационного характера. Формальные показатели весьма впечатляющи:

- в стране действует 243 тыс. точек банковского обслуживания (полностью охвачены все города);
- выпущено 175 млн кредитных и 226 млн дебетовых карт;
- по кредитным картам осуществляется 2,9 млрд транзакций;
- 5,2 млрд транзакций проходит через каналы самообслуживания;
- 37,8 млн интернет-пользователей выполняют 43% общего числа банковских операций;
- 6 млн клиентов используют 197 млн электронных платежных поручений¹.

Особая роль в современной экономике Бразилии отводится электронным платежам и каналам дистанционного банковского обслуживания (ДБО): они не только упрощают и ускоряют проведение финансовых операций и обеспечивают их прозрачность, но и являются «зелеными» и энергосберегающими².

Особо стоит отметить стремление бразильского руководства с помощью инновационных разработок ИТ-характера оптимизировать систему управления. Так, с 2009 г. в стране работает «электронное правительство»: 11 тыс. web-страниц госорганизаций предоставляют более 2 тыс. различных услуг, которыми пользуются 81 млн граждан (т.е. 42% населения страны). В частности, физические и юридические лица подают налоговые декларации преимущественно в электронном виде, и до 98% налоговых сборов оплачивается через Интернет. Кроме того, Бразилия является первой в мире страной, где для выборов чиновников высшего ранга и президента с 2010 г. используется аппаратно-программная электронная система голосования³.

Одновременно активно развивается аэрокосмическая промышленность - одно из наиболее инновационных и важных направлений бразильской экономики. В области авиастроения и развития космической отрасли Бразилия в настоящий момент вне конкуренции в Южном полушарии.

¹ URL: http://www.plusworld.ru/daily/page1_18191.php (дата обращения: 03.11.2012).

² Там же.

³ Там же.

Так, в авиапроме особое место занимает компания *Embraer* - мировой лидер в производстве региональных коммерческих самолетов вместимостью до 120 мест и один из ведущих бразильских экспортеров. В конце сентября 2011 г. компания насчитывала 17 240 сотрудников, а ее заказы на поставку самолетов уже достигли 16 млрд долл. Среди основных технологических новаций компании - *Ipanema*, первый в мире коммерческий самолет на биотопливе. Самолеты *Embraer* летают в 78 странах на пяти континентах¹.

Начало создания аэрокосмического кластера положено еще в 1950 г., когда был основан Военно-воздушный технологический институт (*Instituto Tecnológico da Aeronáutica - ITA*) в Сан-Жозе-дус-Кампусе, который стал специализироваться на подготовке специалистов для авиационного машиностроения. При этом он тесно связан с департаментом аэрокосмических исследований и технологий Министерства обороны Бразилии.

Национальный институт космических исследований (*Instituto Nacional de Pesquisas Espaciais - INPE*) работает совместно с гражданским Министерством науки и технологий (МСТ). И здесь нельзя не отметить его плодотворное сотрудничество с китайскими коллегами по тематике мониторинга и исследования климатических изменений. Так, для прогнозирования погоды здесь используется один из восьми существующих в мире суперкомпьютеров. Одновременно в рамках партнерства с китайской Академией космических технологий *INPE* разрабатывает семейство спутников *CBERS* («Китайско-Бразильские ресурсы Земли»), которые сканируют изображения, необходимые для контроля вырубки леса и пожаров в бассейне Амазонки, а также отслеживания водных ресурсов и сельскохозяйственных угодий. Более того, было применено следующее ноу-хау: изображения находятся в свободном доступе в сети Интернет и передаются также в африканские страны, оказывая помощь в мониторинге пожаров и засухи на «черном континенте».

Совместный инновационный проект - программа создания китайско-бразильского спутника для изучения ресурсов Земли ведет свою историю с подписания соглашения о сотрудничестве в космосе с КНР в 1988 г. Партнерство уже привело к запуску

¹ URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1833612> (дата обращения: 16.12.2012).

трех спутников в 1999, 2003 и 2007 гг. К 2014 г. планируется запустить еще два спутника.

Новым этапом развития инноваций в Бразилии стал январь 2012 г. Именно тогда Министерством науки, технологий и инноваций Бразилии (MCTI) было опубликовано положение о Национальной стратегии в сфере науки, технологии и инноваций (*Estrat4gia Nacional para CiSncia, Tecnologia e Inovagao, ENCTI*) на 2012-2015 гг. Стратегия определяет приоритетные программы развития отрасли, основные проблемы, источники финансирования и цели на ближайшие четыре года. На реализацию *ENCTI* планируется выделить около 40 млрд долл. США. Из них 16 млрд долл. США составят средства *MCTI*, 12 млрд долл. США - средства других министерств и ведомств, 7 млрд долл. США - средства федеральных госкомпаний (*BNDES, Petrobras* и *Eletrobras*) и 5 млрд долл. США - средства штатов, управляемые местными фондами - *Fundagoes Estaduais de Amparo a Pesquisa (FAPs)*.

В данной стратегии выделены отрасли, научно-техническое развитие которых имеет приоритетное значение для бразильской экономики: информационные технологии и телекоммуникации, фармакология и медицина, нефтегазовый и военно-промышленный комплексы, авиация и космос, атомная энергетика, а также сферы, связанные с созданием и использованием экологически чистых источников энергии и социально-экономическим развитием страны.

В *ENCTI* также отмечаются основные задачи Бразилии в сфере науки, технологий и инноваций: сокращение научно-технического отставания от экономически развитых стран; расширение и укрепление бразильской экономики, основанной на естественно-научных знаниях; увеличение научной базы для устойчивого развития окружающей среды; занятие страной достойного места в мировом сообществе; преодоление бедности и сокращение социального и регионального неравенства. Для реализации вышеперечисленных задач правительство Бразилии планирует стимулировать инновационное развитие страны, подбор и подготовку квалифицированных рабочих кадров, укрепление научно-исследовательской базы и создание современной научно-технической инфраструктуры¹.

¹ URL: <http://www.customsonline.ru/2368-obzor-ekonomiki-brazilii-v-pervoy-polovine-marta-2012-g.html> (дата обращения: 02.11.2012).

В финансировании инновационного сектора доминирует государство - более чем на 90% финансирование фундаментальных исследований идет по правительственной линии.

В целом же можно выделить шесть основных источников финансирования перспективных исследований и инноваций в Бразилии.

1. *Правительственные* (федеральные, государственные и муниципальные) источники. Ряд госструктур был создан еще в 1950-х гг. специально для прямого продвижения и финансирования исследований: Национальный исследовательский совет (*CNPq*), (который теперь называется *Conselho Nacional de Desenvolvimento Científico e Tecnológico*) и Национальное агентство по финансированию образования и исследований (*FINEP*), как часть Министерства науки и технологий (*MCT*). Министерство является относительно новым (создано в 1990 г.). Гранты же на исследования на федеральном уровне предоставляет в основном *CNPq*. На региональном уровне почти все штаты имеют собственные общественные фонды для поддержки науки. В этом плане лидером является штат Сан-Паулу, который создал свой фонд *FAPESP* в 1962 г. Как правило, образование этих фондов повлекло за собой внесение корректив в конституции штатов в 1980-х и 1990-х гг.

2. *Косвенное финансирование* ведется через бюджеты государственных и частных университетов, институтов и центров. Некоторые университеты, такие как Государственный университет Кампинас, имеют свои собственные внутренние учреждения и фонды для оказания поддержки разработкам студентов и преподавателей.

3. *Госкомпании*, такие как *Embrapa* (бразильское предприятие сельскохозяйственных исследований). Они также существуют на правительственные средства (через распределение бюджетных денег по министерствам и государственным учреждениям) и доходы от реализованной продукции.

4. *Промышленные, торговые частные компании и предприятия сферы услуг*, открывающие свои исследовательские центры благодаря налоговым льготам со стороны правительства.

5. *Национальные частные и некоммерческие объединения или пожертвования от частных лиц или компании*. Примером является фонд Банка Бразилии.

б. Финансирование инновации другими странами, международными организациями и учреждениями, такими как Фонд Рокфеллера, Фонд Форда, Межамериканский банк развития, Всемирный банк, ЮНЕСКО, Программа развития ООН, Всемирная организация здравоохранения, Всемирный фонд дикой природы, Фонд Келлога, Фонд Билла и Мелинды Гейтс, Национальный научный фонд США, Фонд *Volkswagen*.

Таблица 9 - Динамика основных показателей экономического развития Бразилии в 2007-2011 гг.

Показатель	2007	2008	2009	2010	2011
ВВП Бразилии (паритет покупательной способности), трлн долл.	1,836	1,993	2,024	2,22	2,284
ВВП Бразилии - реальные темпы роста, %	5,4	5,1	-0,2	7,5	2,7
ВВП Бразилии - на душу населения (по паритету покупательной способности), долл.	9 900	10 300	9 900 (или 16 114 реалов)	10 814 (или 19 016 реалов)	11 600 (или 21 252 реала)
ВВП Бразилии - на душу населения (реальный рост), долл.	7 283	8 628	8 237	-	-
Уровень безработицы в Бразилии, %	9,3	7,9	7,4	6,9	6,1
Инвестиции (валовые вложения), % от ВВП	17,6	19,0	17,0	-	19,0
Экспорт, млрд долл.	116,6	150,9	111,8	201,9	255,9
Импорт, млрд долл.	85,6	131,1	90,6	181,9	226,2
Золотовалютные резервы, млрд долл.	180,3	193,8	238,8	288,57	306,3
Внешняя задолженность, млрд долл.	223,9	262,9	216,1	254,1	271,0
Фондовые прямые иностранные инвестиции, внутренние, млрд долл.	249,0	294,0	318,5	368,4	426,4
Фондовые прямые иностранные инвестиции, за рубежом, млрд долл.	107,0	127,5	124,3	128,9	113,9

Источник: URL: <http://www.be5.biz/ekonomika2/002/brazil.htm> (дата обращения: 16.12.2012).

Однако, несмотря на существенный прорыв в будущее, в целом показатели инновационности современной Бразилии в гло-

бальном масштабе пока еще относительно средние. Так, согласно докладу о мировом рейтинге конкурентоспособности *Global Competitiveness Report 2010-2011*, опубликованному в материалах Мирового экономического форума, она находится на 58-м месте из 139 стран, однако, опережая, например, Россию (63-е место)¹. Более того, по такому параметру, как «инновации и развитие экономики знаний» Бразилия занимает вполне солидное 38 место (для сравнения: Россия - на 80-м). В то же время эта латиноамериканская страна отстает по таким базовым показателям, как, например, уровень развития здравоохранения и начального образования (только 87-е место в мире). Однако количество собственных разработок в Бразилии несколько превышает количество покупаемых лицензий (29-е место в мире по технологической самостоятельности и способности к инновациям), та же позиция у страны по показателю «инвестирование частных компаний в НИОКР». По уровню качества научно-исследовательских учреждений Бразилия находится на 42-м месте, а по уровню обеспеченности научными и инженерными кадрами - на 68-м².

Однако при этом в области борьбы с бедностью, в том числе за счет инновационного развития у Бразилии имеются несомненные успехи. Количество бедных в стране сократилось с 1994 г. на 67,3%. Таким образом, руководству страны удалось значительно перевыполнить «План тысячелетия» ООН, в соответствии с которым уровень бедности должен был сократиться с 1990 по 2015 год на 50%. Об этом в 2011 г. заявлено в докладе, который был обнародован бразильским Фондом изучения общественного мнения и социальных исследований имени Жетулиу Варгаса (*FGV*). Если доходы самых бедных жителей страны с 2001 по 2009 год увеличились на 52,59%, то 10% самых обеспеченных бразильцев смогли нарастить свой капитал только на 12,8%. Как считают специалисты *FGV*, если такая тенденция сохранится и дальше, в течение ближайших 30 лет Бразилия сможет встать в один ряд с развитыми странами, такими как США, а также добиться относительной социальной справедливости. Кстати, по данным указанного выше бразильского фонда, в настоящее вре-

¹ По данным *IMD World Competitiveness Yearbook*, в 2012 г. Бразилия занимала 46-е место в мире по конкурентоспособности. См.: URL: <http://gtmarket.ru/news/2012/05/31/4423> (дата обращения: 17.10.2012).

² URL: <http://gtmarket.ru/news/state/2011/09/07/3330> (дата обращения: 19.10.2012).

мя разрыв между богатыми и бедными в стране уменьшился до минимальной с 1960 г. отметки¹. В немалой степени это объясняется эффективным сочетанием инновационного компонента в политико-экономическом курсе правительства страны с социальным.

Тем не менее в социально-экономическом развитии Бразилии до сих пор имеются существенные проблемы. Так, несмотря на усилия правительства по повышению инновационного потенциала страны, тормозят преобразования не слишком благоприятные макроэкономические условия, высокие процентные ставки, негибкая налоговая политика и недостаточная скоординированность действий основных участников инновационного процесса.

2.2. Малайзия

Население Малайзии составляет 23,2 млн человек. Государственное устройство - конституционная монархия. В прошлом страна являлась колонией Великобритании, в 1957 г. приобрела независимый статус. Административно делится на три штата: *Peninsula, Savan, Sarawak*. Основные органы управления - Федеральное правительство, Национальное правительство, региональные административные органы.

Население современной Малайзии поделено на три основных расовых группы: этнические малайцы и близкие им народы (66%), известные как *bumiputra* («сыновья земли»), китайцы (25%) и индусы (7%). Примечательно, что именно этнические малайцы составляли наибольшую часть бедного населения Малайзии в силу изначально невыгодности расселения и специфики менталитета. И именно на преодоление бедности среди титульного населения в основном были направлены усилия руководства страны в 1970-2000-х гг.

Динамизм, характерный для экономики Малайзии на протяжении 1970-х и особенно 1980-1990-х гг., во многом базировался на долгосрочной государственной политике поддержки стабильного развития аграрной сферы и опережающего роста, ориентированной на экспорт промышленности. Как и в случае с Бразили-

¹ URL: <http://www.km.ru/v-mire/2011/05/04/braziliya-perevypolnila-plan-tysyacheletiya-oon-po-sokrashcheniyu-bednosti> (дата обращения: 16.12.2012).

ей, страна стремилась создать мощную экономическую базу и лишь затем переходить к инновационному развитию.

В основе этой политики экономической модернизации Малайзии лежал принцип мобилизации внутренних источников финансирования: в середине 1990-х гг. норма сбережений выросла до 37%, а норма капиталовложений - до 39%, тогда как в 1960-е гг. они составляли соответственно 28 и 14%, при этом наблюдался отток капитала за рубеж. Одновременно реформаторское правительство активно привлекало иностранные капиталовложения: доля их прямых инвестиций в основной капитал достигала 26% (наивысший показатель среди стран Юго-Восточной Азии, не считая Сингапура).

Аграрный сектор экономики получал и получает поддержку путем субсидирования закупок сельхозпродукции, централизованного регулирования цен, предоставления субсидий на приобретение машин и удобрений. В результате в 1990-е гг. обеспечивался регулярный рост производства продовольствия и сырья для промышленности.

Современная (начиная с середины 1990-х гг.) промышленная политика Малайзии во многом также базируется на регулирующей и арбитражной роли государства, хотя их масштабы постепенно снижаются. Несмотря на то, что отношение бюджетных расходов к ВВП сократилось с 58% в 1981 г. до 25% в 1996 г., правительство продолжило поддерживать перспективные секторы экономики (прежде всего производство электроники) за счет предоставления льготных кредитов и прямого бюджетного финансирования инфраструктурных проектов. Обрабатывающая промышленность развивалась опережающими темпами, и соответственно росла ее роль в экономике: доля машиностроения в ВВП составляла в 2000-е гг. уже более 40%.

Однако протекционистская политика руководства Малайзии не была иррациональной, в частности, она не предусматривала создания искусственных барьеров для импорта, что в целом сохраняло здоровую конкурентную среду.

В 1980-1990-х гг. в стране была сформирована индустриально-аграрная экономика, ориентированная на потребности мирового рынка. Экспортная квота, составлявшая в середине 1960-х гг. порядка 50% ВВП, увеличилась к середине 1990-х гг. до 80%. В итоге, хотя Малайзия и осталась крупнейшим поставщиком на

мировой рынок сырья (каучук, пальмовое масло, олово, какао-бобы, тропическая древесина, нефть и газ и др.), тем не менее с середины 1980-х гг. ведущей статьей малайзийского экспорта становится продукция электроники. В частности, именно в этот период Малайзия, наряду с США, Японией, Южной Кореей и Тайванем, вошла в число ведущих мировых производителей полупроводников.

Вместе с тем чрезмерная зависимость экономики от состояния рынка полупроводников побуждала правительство стимулировать диверсификацию промышленного экспорта. В частности, во второй половине 1990-х гг. Малайзия попыталась утвердиться на мировом рынке автопрома, кроме того, резко увеличились производство и экспорт бытовой электроники, текстиля и одежды.

Благодаря эффективной экономической политике правительства Малайзия менее болезненно, чем ее соседи, перенесла последствия восточноазиатского финансового кризиса. Опасаясь, что сохранение высокой динамики развития приведет к перегреву экономики и усилению диспропорций, правительство страны еще в 1996 г. усилило контроль за банковско-кредитной системой, ограничило бюджетные расходы и подняло учетную ставку. Кроме того, в Малайзии в меньшей степени, чем в других странах АТР, делали ставку на привлечение краткосрочных кредитов для финансирования реального сектора экономики.

Кстати, в 1990-е гг. в духе модной тогда политики рыночных реформ малайзийское руководство попыталось начать процесс либерализации, которая предусматривала снижение уровня государственного регулирования, проведение приватизации государственной собственности и т.п., но это не самым лучшим образом сказалось на экономике: в конце 1990-х гг. ВВП Малайзии снижался примерно на 5% в год.

Тем не менее, в отличие от других стран ЮВА, Малайзия мудро отказалась от содействия МВФ в преодолении кризиса и предпочла самостоятельный выход из него путем расширения внутреннего спроса и предложения, финансирования развития ряда приоритетных отраслей (таких, как электроника) пусть даже ценой увеличения бюджетного дефицита.

В 2001 г. экономика Малайзии столкнулась с внешним шоком, связанным с уменьшением потребительского спроса в США на электронные товары, являвшиеся одной из основных статей экс-

порта страны. Для того, чтобы в связи с этим предотвратить значительное снижение ВВП, специалисты министерств и ведомств предложили премьер-министру страны несколько вариантов корректировки экономической политики. В итоге был выбран вариант, предусматривавший снижение учетной ставки и увеличение числа выходных дней для стимулирования внутреннего туризма и расходов населения и тем самым в какой-то степени восполнить сокращение совокупного спроса.

А в 2002 г. правительство предприняло ряд шагов поощрению национальных инвесторов и стало более осторожно подходить к приватизации госсобственности, чтобы избежать неоправданных финансовых потерь. Так, в противовес ранее существовавшим планам по разгосударствлению нефтегазовой компании *Petronas*, была подтверждена линия на сохранение в руках государства этого важнейшего источника мобилизации доходов в госбюджет. Более того, трудности с промышленным развитием правительству Малайзии удалось подстраховать за счет благоприятной сырьевой конъюнктуры. Так, во многом благодаря экспорту энергоносителей Малайзия, несмотря на общемировую тенденцию к снижению темпов прироста промышленного производства, завершила 2001 г. с положительным сальдо торгового баланса в 14,2 млрд долл. При этом экспорт сжиженного газа составил 3,36 млрд долл. (3,8% всего экспорта), а нефти - 3,02 млрд долл. (3,4%). В настоящее время валовый национальный продукт Малайзии растет быстрее, чем ее население. По росту ВВП на душу населения она находится на третьем месте в Юго-Восточной Азии после государств-«карликов» Сингапура и Брунея.

Особо стоит подчеркнуть, что индустриализация Малайзии стала возможной благодаря ее природным ресурсам. Привлечение иностранных инвесторов и поддержка местных бизнесменов спонсировались в основном из доходов от продажи вначале пальмового масла и каучука, а позже - нефти и газа. По запасам нефти (около 800 млн т) Малайзия занимает 27-е место в мире, газа (2,3 млрд м³) - 16-е. В принципе запасы достаточно скромные, тем не менее углеводородные деньги использовались чрезвычайно эффективно. На них в 1980-1990-х гг. были построены жизненно важные для инновационного развития автодороги, скоростные магистрали, мосты, соединяющие острова с материковой частью, аэропорты, железнодорожная инфраструктура, 24

морских порта, включая семь глубоководных, энергетические объекты.

В 2000-е гг. экономический подъем Малайзии продолжался. Так, в 2002 г. страна заявила о себе как о великой державе, запустив свою собственную космическую программу. Более того, было заявлено, что Малайзия к 2020 г. надеется отправить своего космонавта на Луну¹.

В результате уровень бедности в Малайзии снизился с 16,5% в 1990 г. до 8% в 2000 г. Доля же тех, кто живет в крайней нищете (с доходом ниже 50% черты бедности (RM510 = USD134), снизилась до 1%².

Более того, преодолев свои экономические и социальные проблемы, страна вступила на путь инновационных преобразований. Даже глобальный экономический кризис не смог поколебать ее стремления к развитию. Так, в целях создания условий минимизации влияния на экономику страны негативных тенденций мирового рынка, премьер-министр Малайзии Наджиб Разак объявил о разработке новой экономической модели (НЭМ), рассчитанной на обеспечение роста ВВП в 2011-2020 гг. на уровне не ниже 6,5% годовых.

Задача-максимум, поставленная правительством, - превратить Малайзию в страну с высокими доходами и развитым внутренним рынком. Малайзия намерена достичь роста доходов на душу населения до 15 тыс. долл. (ныне - 7 тыс.). НЭМ предусматривает также осуществление мер по развитию наукоемкой продукции в целях ослабления зависимости от нефтяной и газовой отрасли. Предусматривается также увеличение расходов на образование. Намечены также меры по стимулированию предпринимательской активности. Сокращение бедности также является одним из приоритетов НЭМ, хотя на 2011 г. уровень бедности в стране не превышал вполне «безобидных» 7%. Тем не менее НЭМ ставит задачу существенно снизить уровень бедности всех слоев населения независимо от этнической принадлежности³.

¹ URL: <http://news.bbc.co.Uk/2/hi/asia-pacific/4192166.stm> (дата обращения: 16.12.2012).

² См.: Устойчивое развитие: информационно-аналитический бюллетень для организаций Казахстана и Центральной Азии. 2003. № 2 (37). Март-апрель. С. 18.

³ См.: Поляков Б. Малайзия сегодня // Форум. 2011. 11 июня.

Таблица 10 - Структура уровня бедности населения Малайзии, %

	1995	1997	1999	2000	2001
Всего	8,7	6,1	7,5	5,5	4,5
В том числе:					
Город	3,6	2,1	3,4	1,9	1,7
Село	14,9	10,9	12,4	10,0	7,4

Источник: <http://www.undp.kz/projects/files/118-16656.htm> (дата обращения: 16.12.2012).

В целом политика малайзийского руководства свидетельствует о сохранении Куала-Лумпуром курса на защиту национальных интересов в мировой экономике и сохранении государственного контроля за экономическими процессами внутри страны.

В то же время нельзя не отметить, что в рамках экономических преобразований ощущался этнический фактор, поскольку хотя Малайзия является страной многонациональной и многоконфессиональной, но титульная нация ярко выражена - это собственно малайцы и другие австронезийские народы. Соответственно, здесь развитие государственного сектора выполняло еще одну целевую задачу - перераспределение экономического потенциала между различными этническими группами в пользу коренного населения. По мере того, как госпредприятия начинали успешно функционировать, они передавались в пользование малайским бизнесменам, которые находятся в состоянии острой конкуренции с китайскими и тамильскими «коллегами». Как отмечал в своей книге экс-премьер Малайзии в 1981-2003 гг. Махатхир Мохамад, ситуация в стране в начале XXI в. кардинальным образом отличалась от той, с которой он начал работать в 1970-х гг.: «Сегодня не приходится сомневаться в деловых качествах малайцев. Предприятия под их руководством успешно развиваются, а их бизнес больше не зависит от контрактов и инициатив правительства, в которых по-прежнему нуждаются некоторые начинающие компании... В современной Малайзии крупные малайские предприятия, а также частные предприниматели-малайцы зачастую покупают большие компании немалайцев. И такие компании нередко сохраняют свои немалайские названия»¹.

¹ Мохамад М. Путь вперед. Минск, 2009. С. 75.

Малайзия активно использовала эффективное планирование в борьбе с бедностью. Так, в 1971 г. правительство приняло Новую экономическую политику (*NEP*) для того, чтобы повысить уровень образования и экономических возможностей для этнических малайцев. Предполагалось, что это будет достигнуто прежде всего посредством земельной реформы в сельскохозяйственных регионах, а также быстрой индустриализации, чтобы создать рабочие места в городах. Такая политика оказалась весьма успешной. С 1970 по 1990 год в Малайзии доход на душу населения более чем удвоился, а приоритетная политика по отношению к этническим малайцам обеспечила рост представительства этой части населения, к примеру, в профессиональном и техническом труде с 47 до 62%. А в начале 1990-х гг. руководство страны формулирует стратегический план поэтапного развития Малайзии «Видение-2020», который предполагает, что к 2020 г. Малайзия станет единой нацией с сильными моральными и этническими ценностями, живущей в демократическом, либеральном, экономически справедливом и равноправном, прогрессивном и процветающем обществе, основанном на конкурентной, динамичной и здоровой экономике.

Первым этапом на пути к достижению поставленных целей становится Новая политика развития (*NDP*), рассчитанная на 1991-2000 гг. Она продолжала активную политику борьбы с бедностью и предусматривала реструктуризацию общества в целях корректировки социального и экономического дисбаланса. Однако новым являлось то, что основной акцент в борьбе с бедностью теперь делался именно на крайней нищете, в политике занятости усилия были сконцентрированы на вовлечение коренных малайцев в современные технологичные отрасли¹. Кроме того, предусматривались развитие частного сектора и вовлечение его в качестве партнеров, а также человеческое развитие, как основа достижения роста и равноправного распределения.

Следующим этапом развития стал проект Новая политика видения (*NVP*), призванный подойти максимально близко к ориентирам «Видения-2020». Основными целями плана развития на 2001-2010 гг. являлись, во-первых, снижение количества бедных в 2005 г. до 0,5%; во-вторых, усиление адресности при оказании

¹ Устойчивое развитие: информационно-аналитический бюллетень для организаций Казахстана и Центральной Азии. № 2003. № 2 (37). Март-апрель. С. 20.

помощи в отдаленных регионах; в-третьих, фокусирование внимания на нижнем, 30%-м, слое населения; в-четвертых, повышение дохода семьи до 1200 ринггитов в месяц (316 долл. США). При этом базовыми задачами определялись предоставление доступа к услугам здравоохранения, образования, обучение профессиональным навыкам для повышения занятости в городах, строительство дешевого и доступного жилья, наделение властью местных органов. Кроме того, это предусматривало осуществление оперативного и эффективного мониторинга и анализа политической и социально-экономической ситуации, развитие информационной базы по каждой целевой группе населения и пр.

Таблица 11 - Расходы на снижение бедности в планах государственного развития Малайзии, млн ринггитов

<i>План</i>	<i>Всего расходов</i>	<i>На снижение бедности</i>	<i>%</i>
2-й (1971-1975)	7 415,0	2 350,0	31,7
3-й (1976-1980)	21 202,0	6 373,4	30,1
4-й(1981-1985)	46 320,0	11 238,5	24,3
5-й (1986-1990)	35 300,0	12 970,7	36,7
6-й (1991-1995)	54 705,0	13 900,8	25,4
7-й (1996-2000)	67 500,0	16 084,8	23,8
8-й (2001-2005)	110 000,0	13 200,0	12,0

Источник: <http://www.undp.kz/projects/files/118-16656.htm> (дата обращения: 16.12.2012).

Таблица 12 - Расходы бюджета за 2001-2002 гг., предусмотренные на снижение бедности, млн ринггитов

	<i>2001</i>		<i>2002</i>	
	<i>Сумма</i>	<i>%</i>	<i>Сумма</i>	<i>%</i>
Всего	15,1	24,0	14,3	21,4
В том числе:				
Экономический сектор	4,9	8,0	23,2	34,8
Социальная сфера	20,4	32,8	23,1	34,6
Трансферты, в том числе пенсии	7,0	11,4	11,4	11,5

Источник: <http://www.undp.kz/projects/files/118-16656.htm> (дата обращения: 16.12.2012).

В заключение можно сделать вывод о том, что проводимая в течение последних трех десятилетий правительством Малайзии целенаправленная стратегия экономического роста и инновационного развития привела к расширению экономических возможностей малоимущего населения и более равномерному распределению капитала. Жесткая борьба с коррупцией в госаппарате Малайзии также способствовала сокращению бедности и улучшению качества услуг в государственном секторе экономики. Все эти меры привели к тому, что Малайзия сейчас входит в число передовых стран Юго-Восточной Азии¹. Более того, страна находится на подъеме и по данным глобальных рейтингов. Так, по данным Индекса глобальной конкурентоспособности 2011-2012 гг., Малайзия заняла 21-е место, поднявшись по сравнению с предыдущим годом на пять позиций². Одновременно данное государство занимает вполне солидные позиции в мировом рейтинге «Индекс развития человеческого потенциала»: она входит в число стран с высоким уровнем ИРЧП³.

Тем не менее преодоление бедности парадоксально сказалось на экономическом развитии страны. Помимо многочисленных плюсов, оно имело также некоторые минусы.

Во-первых, как отмечал директор по продажам *Kaspersky Lab South East Asia* Джимми Фонг, повышение подушевого ВВП и рост зарплат сделали Малайзию страной со средними доходами. И она уже начинает проигрывать в борьбе за инвесторов: издержки бизнеса перестали быть низкими. Если еще в 1970-х гг. у транснациональных корпораций выбор был небольшой, то в начале 1980-х гг. предложение явно увеличилось. Так, на экономическую арену АТР вышел мощнейший игрок - КНР, также Малайзия конкурирует с другими странами региона. В частности, электронику теперь собирают в Таиланде, одежду шьют во Вьетнаме, программное обеспечение производят в Индии, а в высоких технологиях лидируют Сингапур и Южная Корея. Переносить свои фабрики в Малайзию странам «первого мира». Так, по информации ее Департамента статистики, доля инвестиций в ВВП, достигавшая 40% в 1980-е, в 2011-м снизилась до 21%.

¹ URL: <http://www.undp.kz/projects/files/118-16656.htm> (дата обращения: 17.12.2012).

² URL: <http://gtmarket.ru/news/state/2011/09/07/3330> (дата обращения: 17.12.2012).

³ См.: Human Development Report 2011. N.Y., 2011. P.128.

Во-вторых, по мнению заведующего кафедрой международных экономических отношений Института стран Азии и Африки МГУ Виталия Мельянцева, Малайзия достигла предела в заимствовании научных разработок и копировании технологий. Количество же собственных научных достижений невелико.

В-третьих, с точки зрения представителя азиатского подразделения Международного валютного фонда Олафа Унтербердоэстера, экономика Малайзии переинвестирована. По его данным, с 1998 г. рентабельность капитала во всех секторах не превышала 6% - это ниже среднего уровня (8%) по развивающимся странам. «Проблема в отсутствии возможностей для высокодоходных вложений. И возврат к прежним объемам инвестиций, который наблюдался в лучшие годы, не гарантирует стабильного роста, если не будут появляться другие отрасли», - констатировал эксперт¹.

2.3. Индия

Индия традиционно относится к странам с исключительно высоким уровнем бедности и социального расслоения. Такие реалии усугублялись и закреплялись еще жестко фиксированной социальной иерархией (кастовая система) и перенаселенностью. Кроме того, бедность являлась и следствием колониальной политики Великобритании, которая была нацелена, с одной стороны, на жесткую эксплуатацию ресурсного потенциала своих владений (а Индия до 1949 г. находилась под английским владычеством), с другой - на реализацию принципа «разделяй и властвуй» как в социальной, так и национальной политике. Все это влекло за собой нищету подавляющего большинства населения при гипертрофированном богатстве немногочисленного правящего класса.

Однако по мере государственного «созревания» Индии, роста ее политических и социально-экономических амбиций и активизации ее участия в международной жизни возникает потребность в преодолении указанной социальной разбалансировки. Как показывает мировая практика, странам третьего мира можно войти в мировую элиту только при условии инновационного рывка, в противном случае они обречены на бесперспективный догоняю-

¹ Цит. по: РБК. Деловой журнал. 2012. № 2. С. 56.

щий путь развития. «Лишь наука может решить проблемы голода и бедности, антисанитарии и безграмотности, беспросветных суеверий и обычаев, когда огромные ресурсы растрачиваются впустую, а богатую страну населяют умирающие от голода бедняки...», - так говорил Джавахарлал Неру, первый премьер-министр независимой Индии¹.

При этом для проведения в жизнь инновационных инициатив требуются квалифицированные кадры и хотя бы относительно высокий уровень грамотности населения. Однако в связи с дефицитом времени, отведенным Индии науказанные преобразования, реализация государственной инновационной политики шла рука об руку с реформой образования, которая предполагала, с одной стороны, повышение общей грамотности граждан, а с другой - формирование собственной научно-исследовательской элиты.

При этом ставка делалась прежде всего на развитие технических направлений. Показательно, что всего в Индии около 250 университетов, из которых можно выделить 20-30 лучших, чьи выпускники высоко котируются на рынке труда. При этом в системе технических вузов Индии семь технологических институтов (*Indian Institutes of Technology - ИИТ*) занимают особое место. Эти институты регулярно получают значительные гранты от правительства и заказы на НИОКР от частных компаний. Выпускники сети ИИТ уже сейчас завоевали место под солнцем: в частности, среди них один из основателей *Sun Microsystems*, нынешний CEO *Vodafone*, член совета директоров *Citibank* и вице-президент *Microsoft*. Образование действительно хорошее, настолько, что многие, получив диплом ИИТ, сразу получают приглашения на работу за границей.

Можно выделить *четыре этапа в формировании и развитии НИС Индии*.

I этап (1942-1970-е гг.). О начале формирования национальной инновационной системы Индии можно говорить, по большому счету, лишь начиная с обретения страной независимости от британского господства (1947 г.). Однако первый важный элемент инновационной структуры появился еще в 1942 г., когда по инициативе центрального руководства страны был образован Научно-

¹ Неру Дж. Воспоминания. Исследования. М., 1989. С. 34.

промышленный исследовательский совет (*CSIR*) - автономная организация, являющаяся и сегодня ведущим в Индии центром НИОКР. С 1947 г. он руководит национальной системой научно-исследовательских лабораторий. *CSIR* не только привлекает значительные государственные финансовые средства, но и активно взаимодействует с промышленными компаниями и предприятиями.

При этом в первые годы независимости Индия в целях преодоления постколониальной зависимости от бывшей метрополии стремилась обрести возможности автономного развития. Именно на это были ориентированы протекционистские меры, получившие название лицензионного права (*Licence Rail*). Они надолго определили развитие инновационного потенциала страны. Одна из таких мер - замещение импорта - предполагала организацию производства собственных товаров взамен ввозимых из-за рубежа. Импорт технологий требовал процедуры получения государственного разрешения. При этом индийское патентное законодательство косвенно поощряло копирование западных технологий, что обеспечивало полулегальное процветание многих индийских предприятий, особенно фармацевтических концернов.

А в 1974 г. индийское руководство впервые приняло пятилетний план научно-технического развития, разработанный Национальным научно-техническим комитетом. Данная программа предполагала содействие внедрению и адаптации новых технологий и развитие собственных производственных мощностей. Фактически это была централизованная государственная программа НИОКР, объединившая усилия более чем 2 тыс. ученых, занятых планированием развития технологий в 24 секторах промышленности.

II этап (1980-е гг.). 1980-е гг. ознаменовались повышенным вниманием руководства страны к развитию науки и технологий. В частности, при кабинете министров была создана Консультативная комиссия по науке - координирующий орган, целью которого являлось определить перспективные направления развития индийской НИР.

А в 1982 г. правительство Индии создает при Департаменте науки и техники Национальное бюро развития научно-технических предприятий (*NSTEBD*), ориентированное на поддержку создания наукоемких и высокотехнологичных предприятий. Так,

NSTEBD разработал программу «Парк научно-технических предприятий» (STEP), реализация которой началась в 1984 г. Программа предусматривала создание особых экономических зон для высокотехнологичных предприятий. С 1985 г. базовой площадкой для этой программы стал город Бангалор в штате Карнатака, так называемая «индийская кремниевая долина»¹.

В 1983 г. вышло Положение о технической политике, поощрявшее НИОКР в частном секторе, создание независимых лабораторий, которые сотрудничали бы с государственными организациями. Одновременно был сформирован Совет по прогнозированию и анализу технической информации (*TIFAC*) (1988 г.). Он занимается прогнозированием востребованности технологий, анализирует тенденции их развития, поддерживает инновации путем проведения сетевых мероприятий в отдельных технических отраслях национального значения. Государство также постаралось обеспечить пополнение фонда венчурного капитала путем обложения импортируемых технологий 5% налогом. Финансированием собственных технологических разработок из полученных средств занимался Индийский банк индустриального развития.

В целом второй этап развития НИС характеризуется развитием государственно-частного партнерства, процессами постепенной либерализацией в области торговли и импорта, поощрением частной инициативы в сфере развития новых технологий и созданием государственной системы специальных институтов для поддержки инноваций.

III этап (1990-е - начало 2000-х гг.). Несмотря на то, что начало 1990-х гг. ознаменовалось для Индии серьезным экономическим кризисом, тем не менее в этот период были проведены весьма важные инновационные реформы либерального характера. Так, было отменено промышленное лицензирование (оно сохранилось в урезанном виде в нескольких отраслях), иностранные инвестиции объемом до 51% уставного капитала одобрялись автоматически, неэффективные государственные предприятия были реорганизованы или приватизированы. Тем не менее присутст-

¹ В 2000-е гг. в Бангалоре работали уже более 250 тыс. IT-специалистов. Это больше, чем в калифорнийской Кремниевой долине, где, что примечательно, 40% IT-работников - индийского происхождения.

вие государства в инновационном секторе все равно было значительным - оно финансировало до 70% научных разработок. При этом расходы на НИОКР были ниже 1%, а объем иностранных инвестиций рос медленно.

Одновременно активизация международного взаимодействия заставила руководство Индии провести реформу законодательства об интеллектуальной собственности. Так, закон 1970 г. «О патентах» претерпел существенные изменения в 1990, 2002, 2005 гг. и с этого времени стал отвечать мировым правовым стандартам.

IV этап (2000-2010-е гг.). Первое десятилетие XXI в. ознаменовалось для Индии мощным экономическим подъемом и ускорением в развитии инновационной сферы. Это было обусловлено как завершением предварительной стадии подготовки экономики страны к инновационному этапу, так и появлением необходимой критической массы образованных индийцев. Так, в 2004 г. численность населения Индии, имеющего высшее образование, достигла 53 млн человек (4,5% населения). Страна, таким образом, получила необходимое число сравнительно обученной, хотя относительно бедной молодежи, владеющей английским языком и имеющей возможность благодаря исторически сложившимся связям активно стажироваться в США и Великобритании. Кстати, это во многом определило инновационный профиль Индии как ведущего мирового центра ряда услуг, в частности, софтверного и бизнес-аутсорсинга и инжиниринга. В середине 2000-х гг. на долю Индии приходилось около 45% рынка бизнес-аутсорсинга и около 65% рынка IT-аутсорсинга.

Все это позволило руководству страны приступить к следующему этапу преобразований. Так, в 2003 г. правительство Индии обнародовало очередные инициативы, ориентированные на инновационное развитие страны. В частности, они предполагали деbüroкратизацию и привлечение к управлению профильными министерствами и департаментами ученых и представителей академического сообщества; увеличение объема инвестиций в НИОКР до 2% ВВП к 2007 г., предоставление университетам и научным лабораториям права передачи технологий (раньше на это требовалась санкция государства). Также анонсировалось создание финансовых стимулов в системе НИОКР (как собственных,

так и аутсорсинговых) и проведение реформы законодательства об интеллектуальной собственности¹.

Организационная инфраструктура государственной поддержки и развития инноваций в Индии в 2000-2010-е гг. продолжала формироваться и в настоящее время представляет собой сложную систему. Так, она включает в себя центральные министерства, министерства при правительствах штатов, организации при муниципальных образованиях (институты, университеты, школы, обучающие центры), комитеты национального уровня и регионов, сеть юридических институтов, законотворческих организаций и пр. При этом зачастую многие из этих учреждений дублируют функции друг друга и нередко мешают проведению в жизнь централизованной линии.

В целом управление политикой в сфере инноваций условно можно разделить на три подсистемы (причем данная система еще больше «дробится» на уровне штатов):

- 1) исполнительно-административное управление;
- 2) финансовое управление;
- 3) рыночное управление.

Исполнительно-административное управление осуществляется на уровне правительства, министерств и департаментов. На центральном уровне это Министерство науки и технологий, отраслевые министерства и департаменты, такие как Департамент по атомной энергетике, Министерство образования, и др. Основная задача этих организаций - координация и контроль за исполнением программ и деятельности в области научно-технического развития, обеспечение этих процессов нужной инфраструктурой. Плановая комиссия Индии выполняет функцию управления научно-техническим развитием страны с помощью планирования и бюджетирования расходов.

Финансовое управление. В Индии нет специального единого фонда для финансирования научно-технического развития. Частично финансирование осуществляется через несколько малых фондов при министерствах и департаментах. Однако таких фондов немного и их ресурсы ограничены. Другой источник - это фонды экономической реструктуризации, фонды по предотвра-

¹ URL: <http://www.gmu-countries.ru/asia/india/nis.html> (дата обращения: 16.12.2012).

щению и ликвидации последствий национальных катастроф и фонды, финансирующие масштабные инфраструктурные проекты. С помощью этих фондов создается спрос на наукоемкие товары, используемые как в государственном, так и в частном секторе.

Рыночное управление. Достаточно перспективное направление с точки зрения эффективности привлечения инвестиций и вовлечения в процесс инновационного развития страны промышленности и научных учреждений. Чаще всего это происходит через объединение благотворительных фондов, корпоративных научно-исследовательских учреждений, профессиональных сообществ в общественные структуры, которые занимаются привлечением инвестиций, координацией и контролем за их использованием. Однако в Индии эти инициативы только начинают развиваться. Роль координатора научно-технических программ пока выполняют административные органы (министерств и департаментов).

В условиях недостатка квалифицированных научных кадров и стремления руководства страны к «оперативной» отдаче от инноваций, акцент в преобразованиях был сделан на патентовании и коммерциализации инноваций, которые стимулируются посредством многочисленных государственных и общественных программ.

Например, в рамках Программы поддержки инноваторов (*Technopreneur Promotion Programme - TePP*) все граждане, имеющие оригинальные ноу-хау, могут получить финансовую помощь от государства в размере около 1000 долл. на воплощение своих идей. Это привело к тому, что за восемь первых лет с начала программы было профинансировано и реализовано более 150 проектов, преимущественно в области медицины и создания товаров народного потребления.

Еще один проект - Программа развития и демонстрации технологий (*TDDP*) помогает изобретателям и рационализаторам быстро пройти этап от концептуального прототипа до опытного производства. В числе успешных проектов - создание автомата для лепки кирпичей и разработка процесса промышленного синтеза пиразинамида. Аналогичная Программа поддержки отечественных технологий (*HGTP*), нацеленная на масштабирование инновационного производства, позволяет получить льготный кредит, обычно не превышающий половины требуемой на проект суммы¹.

¹ URL: <http://www.gmu-countries.ru/asia/india/nis.html> (дата обращения: 16.12.2012).

Такая целенаправленная политика государства по поддержке инновационных проектов способствует и активному привлечению инвесторов. Так, в 2007 г. в Индии было зафиксировано 299 сделок прямого инвестирования в венчурные проекты, объем прямых венчурных инвестиций достиг 7,5 млрд долл. в год. Эти инвестиции привлекают в основном наиболее продвинутые отрасли: информационные и коммуникационные технологии, ритейл и биомедицина.

Одновременно государство доминирует в финансировании НИОКР, хотя в последние годы несколько возросла доля вложений со стороны частных компаний и вузов. В целом 74,1% расходов на НИОКР несет государство, 25,9% - частный сектор.

Нельзя не отметить и инвестиционную активность зарубежного бизнеса. Во многом это связано с тем, что Индия имеет в развитых странах Запада мощные группы поддержки, кроме того, индийцы, добившиеся за границей делового успеха, в своем большинстве являются патриотами исторической родины и выступают в качестве эффективных лоббистов на самом высшем уровне¹. Например, многие венчурные фонды Силиконовой долины, имеющие индийцев-менеджеров, открывают офисы в Бангалоре и других центрах индустрии ИТ, участвуя в проектах, ориентированных на потребности индийского среднего класса (численность которого достигает 300 млн человек). В этом плане примечательно, что в 2006 г. компания *Yahoo* приобрела долю *bharatmatrimony.com* - сайта знакомств.

Дальнейшие планы инновационного развития Индии были отражены в 11-м пятилетнем плане на 2007-2012 гг.: государство запланировало значительные инвестиции в развитие инфраструктуры и сферы образования.

В итоге на 2012 г. Индия занимала восьмое место в мире по объемам инвестиций в инновационный сектор. С 1995 г. объемы инвестиций росли примерно на 8% в год, а страна приобрела позитивную репутацию у венчурных инвесторов.

Отечественные и зарубежные вложения позволили Индии резко интенсифицировать свою инновационную политику, осо-

¹ См., например: *Котин И.Ю.* Процессы формирования южноазиатской диаспоры (XIX-XX вв.): автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Специальность - 07.00.07. СПб., 2007.

бенно в таких отраслях, как автомобилестроение, разработка программного обеспечения, телекоммуникации и биотехнологии.

Примечательно, что такого рода инвестиционная подстраховка позволила стране относительно благополучно пережить глобальный финансово-экономический кризис 2008-2010 гг. Так, хотя от кризиса серьезно пострадали рынки США и ЕС, в том числе автомобилестроение и IT, в Индии эти отрасли, напротив, продемонстрировали рост. Настоящей сенсацией стало то, что в самый пик кризиса в 2009 г. индийский автомобильный концерн *Tata* запустил в производство самый дешевый в мире автомобиль *Nano*, на который сразу поступило 120 тыс. заявок¹. Кроме того, в условиях кризиса руководству страны удалось привлечь в местный автопром иностранные компании, которые заинтересованы в промышленной сборке своих моделей на территории Индии ввиду наличия здесь относительно квалифицированной и дешевой рабочей силы.

Еще один инновационный прорыв был совершен в телекоммуникационной сфере. И здесь темпы роста оказались феноменальными: за один фискальный год с 2007/2008 по 2008/2009 прибавка сектора телекома составила 103%. В целом надо сказать, что рынок телекоммуникационных услуг Индии - один из самых быстрорастущих в мире (после КНР). Индийское руководство активно стимулирует использование инноваций в телекоме. Так, в стране получили широкое распространение протоколы 3G и *Internet Protocol Television Services (IPTV)*. А прямые иностранные инвестиции в индийский телекоммуникационный сектор за 11 лет (с апреля 2000 г. по март 2011 г.) составили около 480,2 млрд индийских рупий, т.е. более 9,7 млрд долл.²

Также нельзя не отметить, что интерес инвесторов к индийскому телекому подогревает активное подключение к рынку новых потребителей и пользователей. Так, за указанные 11 лет здесь было зарегистрировано 852 млн беспроводных подключений к Интернету. По этому показателю Индия обошла даже США, хотя и отстала от КНР³.

Третьим сектором, устоявшим перед лицом кризиса и даже прибавившим в этот период, стал сектор информационных тех-

¹ URL: www.lawinrussia.ru/node/119856 (дата обращения: 06.12.2012).

² URL: <http://www.tasstelecom.ru/news/one/5217> (дата обращения: 07.12.2012).

³ Там же.

нологий (IT), доля которого в индийском ВВП составила 5,8% в 2008-2009 гг. При этом ряд компаний продемонстрировали в 2008-2010 гг. существенный рост. Такие фирмы в области IT, как *Tata Consultancy Services, Wipro, Infosys, HCL* и *Tech Mahindra-Satyam* подросли на 15-20% за 2007/2008 - 2008/2009 гг. И это при том, что рост таких мировых лидеров, как *Microsoft, IBM, Cisco, Oracle, Intel* и *Adobe* за тот же период составил всего от 1 до 10%.

Предполагается, что расходы индийских предприятий на информационные технологии во всех вертикальных отраслях в совокупности достигнут 1910 млрд рупий (около 34,76 млрд долл.) по итогам 2012 г., что на 16,4% больше аналогичных расходов в 2011 г. (1640 млрд рупий). Правда, часть указанного роста будет обеспечена ростом рупии по отношению к ослабленному доллару США. Но в любом случае среднегодовой темп прироста расходов вплоть до 2016 г. составит 8-9%¹.

Существенную роль в инновационном развитии Индии играет сеть технопарков. Она начала формироваться еще в 1984 г. и постоянно росла. Так, на данный момент только правительственное агентство по созданию научно-технологических парков и поддержке науки и технологий (*STEP*) создало более 30 парков. Технопарки рассматриваются как важная мера поддержки предприятий, ориентированных прежде всего на экспорт высокотехнологичной и наукоемкой продукции. На их резидентов - организации или компании - не распространяется ограничение на иностранные инвестиции; им предоставляются серьезные налоговые и таможенные льготы; поощряются их связи с вузами, в том числе иностранными; в их распоряжении развитая инфраструктура (недорогие офисные помещения, дешевый широкополосный Интернет и др.). Одновременно технопарки обеспечивают развивающимся предприятиям ключевую инфраструктуру и позволяют им быстро встать на ноги.

Некоторые технопарки имеют региональное происхождение. Наиболее известный из них - технопарк в Керале. Он обслуживает 110 компаний, в которых работают в общей сложности 15 000 человек, бизнес-инкубатор и два университета, один из которых готовит программистов, а другой - менеджеров. Поскольку парк

¹ URL: http://www.tadviser.ru/index.php/CTaTbH:HT-pbiHOK_MHflNH (дата обращения: 16.12.2012).

специализируется на производстве программного обеспечения, то и инфраструктурой располагает соответствующей: здесь самый дешевый в Индии интернет-канал пропускной способностью в 2,4 Тбита и *Wi-Fi* на всей территории в 31 га¹.

Индия активно участвует в процессе так называемых обратных инноваций, когда изобретения, сделанные и реализованные в «третьем мире, затем выводятся на рынки развитых стран. Для индийской инновационной психологии определяющим является понятие *jugaad* - поиск эффективных решений при минимуме возможностей, с использованием того, что есть под рукой и по минимальной цене. Среди примеров индийских «обратных инноваций» можно назвать ручной электрокардиограф американской GE; компьютерный ультразвуковой аппарат той же фирмы; переносной, не потребляющий электроэнергию холодильник *ChotuKool* фирмы *Godrej*; самый дешевый в мире автомобиль *Tata Nano*; недорогие фильтры для воды *Swach*, созданные также концерном *Tata*.

Компания *Ideacts*, воспользовавшись тем, что 37% интернет-трафика Индии генерируется в интернет-кафе, создала бесплатную программу *Clinck*, которая помогает хозяевам заведений управлять бизнесом, но в то же время повышает в 2,5 раза уровень просмотра рекламных объявлений в сети.

Tata Consultancy Services помогает малому и среднему бизнесу сократить расходы на IT, начав предоставлять им услуги «облачного сервиса» за небольшую месячную плату. В удаленных деревнях, где нет электросетей, появляются солнечные батареи индийского производства. А Индийский совет по науке стал инициатором создания *solekshaw* - это традиционные велорикши, дополненные солнечной батареей, которые можно также подзаряжать на специально созданных электрозаправочных станциях. Эта инновация заметно улучшает жизнь тех, кто занят этим тяжелым трудом, а также помогает уменьшить загрязнение городской атмосферы автомобильными выхлопами.

Корпорация *Mahindra Group*, обнаружив, что большая часть мужчин мигрирует из сел в города, создала специальный трактор для женщин. Эта инновация помогает предотвратить запус-

¹ URL: <http://www.russ-ind.ru/navigator/analytic/652> (дата обращения: 14.10.2012).

тение сельскохозяйственных земель и повышает статус женщин¹. И таких примеров приземленного использования инноваций - масса.

Что же касается статуса Индии в глобальной инновационной системе, то показатели пока относительно скромные. Согласно докладу о мировом рейтинге конкурентоспособности *Global Competitiveness Report 2010-2011*, опубликованному в материалах Мирового экономического форума (2011 г.), Индия находится на 51-м месте среди 139 стран (РФ - на 63-м). По такому параметру, как «инновации и развитие экономики знаний» (*innovation and sophistication*), она занимает 42-е место (Россия - на 80-м месте)². А согласно рейтингу Организации экономического сотрудничества и развития, Индия занимает восьмое место в мире по объемам инвестиций в инновационный сектор. С 1995 г. объемы инвестиций росли примерно на 8% в год, в 2004 г. их сумма составила более 24 млрд долл.

Тем не менее у инновационной политики Индии имеются и сдерживающие (тормозящие) факторы.

Во-первых, серьезной проблемой является наличие так называемого послушного общества и подданнической политической культуры. Ставить под сомнение общепринятые нормы поведения, образования и т.п. в современной Индии считается неправильным. Уже со школы индийцев отучают мыслить креативно, творчески и нестандартно, весь процесс обучения в средних и высших учебных заведениях ориентирован на ретрансляцию точки зрения и знаний учителя.

Во-вторых, в Индии острой является проблема бюрократизации и коррупции. Бюрократизация порождена традиционностью мышления чиновников, их стремлением воспроизводству прежних методов и стилей менеджмента, а также местничеством и стремлением продвинуть на перспективные позиции своих родственников или представителей своей касты. А коррупция является традиционным бичом сферы управления стран Востока, в Индии она приводит к торможению «неподмазанных» проектов и непрозрачности финансирования инноваций.

¹ См.: Инновации по-индийски // Московские новости. 2012. 6 июля.

² URL: <http://gtmarket.ru/news/state/2011/09/07/3330> (дата обращения: 12.12.2012).

В-третьих, недостатком современной Индии является то, что в инновационной сфере слабо ощущается частное финансирование исследовательских проектов. В то же время государственная система финансирования не всегда является эффективной и транспарентной.

В-четвертых, имеется еще одна сугубо психологическая проблема. Индийцы слишком легко отказываются от проектов, реализовать которые не удастся с первой попытки. Однако же инновационная сфера требует зачастую метода проб и ошибок¹.

¹ URL: <http://smartsourcing.ru/blogs/keysy/1583> (дата обращения: 11.10.2012).

Глава 3

СТРАТЕГИЯ ВЫЖИВАНИЯ И УСПЕХА В КОНКУРЕНТНОЙ СРЕДЕ (ЮЖНАЯ КОРЕЯ, СИНГАПУР)

Еще одной мотивацией инновационного развития является выживание в неблагоприятной среде или в условиях жесткой региональной конкуренции. В этом случае инновационный путь становится лучшей возможностью продемонстрировать свой модернизационный потенциал и оставить оппонентов далеко позади.

В качестве примеров такой инновационной модели рассмотрим опыт Южной Кореи и Сингапура.

Так, южнокорейская модель формировалась на контрасте с соседней тоталитарной КНДР. Идеологическое противоборство этих двух государств уходит корнями в 1940-1950-е гг., когда после кровопролитной войны между Севером и Югом произошло размежевание политических и экономических систем. При этом конкуренция между ними носила не только идеологический, но и модернизационный характер. Так, режим чучхе проводил форсированную тоталитарную модернизацию, которая основывалась на принципах коллективной собственности, плановой экономики, идеократии и монопартийности. Причем на определенном этапе при помощи СССР и КНР Северная Корея добилась определенных успехов, однако после крушения мировой социалистической системы она вступила в полосу перманентного кризиса. Тем не менее до сих пор КНДР сохраняет существенный потенциал развития и продолжает холодную войну в отношении соседей.

Традиционно осложняло и осложняет до сих пор Южной Корее ее борьбу с коммунистическим Севером имидж «несамостоятельного» сателлита США, закрепившийся за ней с 1940-х гг., когда американские войска взяли «под защиту» ее территорию. И поныне американцы сохраняют здесь серьезное военное присутствие, что негативно воспринимается не только левыми поли-

тическими силами, но и корейскими патриотами в целом. Соответственно, инновационные прорывы были призваны не только обойти КНДР в экономической и политической гонке, но и продемонстрировать суверенность развития Южной Кореи.

Что же касается Сингапура, то здесь инновационный путь во многом был обусловлен неблагоприятными условиями для конкуренции этого государства с соседями (небольшая территория, отсутствие ресурсов). Выжить и победить в такой непростой ситуации Сингапuru как раз помогла модернизация, основанная не только на эффективности социально-экономического курса правительства, но и на жесткой гражданской дисциплине. Все это позволило как форсировать инновационное развитие страны, так и перегнать сильных региональных конкурентов.

Рассмотрим эти модели подробнее.

3.1. Южная Корея

Существенный интерес с точки зрения эффективности указанной модели инновационного курса представляет опыт Южной Кореи, в которой, несмотря на недостаток природных ресурсов, экономика динамично развивается. Причем развивается не в последнюю очередь благодаря продуманной политике государства, стимулировавшего инновации и создавшего благоприятный инвестиционный климат. В условиях ограниченности ресурсов экономики, дефицита времени единственным выходом было сконцентрировать все ресурсы развития для создания крупных монополий, обладающих повышенным уровнем конкурентоспособности за счет избранности своего положения и помощи от государства.

При этом надо сказать, что конкуренция между двумя корейскими государствами имела под собой не только идеологическую, но и вполне рациональную экономическую подоплеку.

Так, изначально конкурентными преимуществами обладала КНДР, на территории которой было сконцентрировано около 65% тяжелой промышленности, тогда как в Южной Корее было сосредоточено две трети всей рабочей силы. Более того, вплоть до 1960-х гг. экономика КНДР развивалась значительно динамичнее южнокорейской. А в начале 1970-х гг. Северная Корея на-

чала широкомасштабную программу модернизации экономики с помощью импорта западных технологий, особенно в тяжелой промышленности. К тому времени страна находилась на грани дефолта ввиду сокращения спроса на ее товары за рубежом, а также нефтяного кризиса 1970-х.

В 1979 г. Северная Корея была способна покрыть свой внешний долг, однако уже в 1980 г. в стране случился дефолт: она была признана банкротом по всем обязательствам, исключая долг Японии. К концу 1986 г. задолженность страны западным кредиторам превысила 1 млрд долл. Долг странам социалистического лагеря, в основном СССР, достиг 2 млрд долл. Примерно в то же время Япония также объявила о дефолте КНДР. К 2000 г. внешний долг КНДР включая проценты и штрафы составлял 10-12 млрд долл. США.

Постепенно замедляется и рост экономики КНДР, а во многих отраслях он стал отрицательным. Примечательно, что к концу 1979 г. ВВП на душу населения в Северной Корее был уже втрое меньше, чем в Южной. Причин отставания было несколько: это и проблемы с внешним долгом, и перекос экономики в сторону тяжелой промышленности и ВПК, и политическая и, как следствие, экономическая изоляция страны. Все это заставило руководство КНДР пойти на определенные капиталистические уступки, чтобы путем маневрирования сохранить в стране политическую стабильность. Так, в апреле 1982 г. Ким Ир Сен объявил о строительстве новой экономики, в которой упор делался на развитие сельского хозяйства путем реclamation земель и развитие государственной инфраструктуры - в особенности электростанций и транспортной сети. А в сентябре 1984 г. Северная Корея приняла закон о совместных предприятиях, основной задачей которого было привлечение иностранных инвестиций и технологий.

После того как правительство Республики Корея в 1988 г. разрешило торговлю с КНДР, в Южную Корею стали импортироваться северокорейские товары. Прямая торговля между странами началась после 1990 г. (этому предшествовало совещание премьер-министров обеих стран). Объем торговли между странами вырос с 18,8 млн долл. в 1989 г. до 333,4 млн в 1999 г.

По мере распада мировой коммунистической системы руководство предпринимает поиск гибких схем, позволяющих, с одной стороны, сохранить нетронутой политическую систему, а с дру-

гой - подстроиться под неблагоприятную внешнюю среду. Особенно это стало актуально в связи с резким сокращением помощи со стороны СССР, а затем и КНР. Так, в 1991 г. Северная Корея объявила о создании Специальной экономической зоны (СЭЗ) в северо-западном районе страны (Чхонджин). Однако инвестиции было привлечь сложно - им препятствовала неразвитая инфраструктура, административное регулирование, отсутствие гарантий инвестиционной безопасности. Соответственно, с этого времени экономика КНДР стала испытывать серьезные затруднения и страна стала откровенно проигрывать конкуренцию своему южному противнику. По оценкам международных экспертов в период между 1992 и 1998 гг. северокорейская экономика сократилась вдвое. Это заставило власти КНДР пойти на ограниченные реформы рыночного характера. Так, в декабре 1993 г. руководство страны объявило о трехлетнем периоде переходной экономики, в течение которого предполагалось смягчить дисбаланс между отраслями промышленности, направив усилия на развитие сельского хозяйства, легкой промышленности и международной торговли. Однако данные маневры не принесли успеха, более того, в Северной Корее еще и разразился энергетический кризис, который привел к остановке многих промышленных предприятий.

Эпоха относительно кардинальных реформ началась в КНДР в начале 2000-х гг. Так, в 2002 г. Ким Чен Ир заявил, что «деньги должны обеспечивать стоимость товаров потребления», после чего были проведены тактические рыночные преобразования, создан промышленный регион Кэсон, проведены первые эксперименты по введению на предприятиях хозрасчета. Такая политика позволила привлечь в страну и иностранные инвестиции, прежде всего китайские, поскольку КНР, став одним из глобальных полюсов, была заинтересована в поддержке союзников. В итоге китайские инвестиции в северокорейскую экономику выросли с 1 млн долл. в 2003 г. до 200 млн в 2004 г.

Одновременно стали нормализоваться отношения между КНДР и Республикой Корея. Особенно после того, как в Сеуле решили проводить в отношении Пхеньяна «политику солнечного тепла», т.е. пойти на политическое сближение с КНДР и начать оказывать этой стране экономическую помощь - как прямую, в

виде поставок продовольствия и ГСМ, так и косвенную, через различные совместные проекты. Проводить эту политику начал президент Республики Корея Ким Дэ Чжун, продолжил его политический наследник Но Му Хен (оба скончались в 2009 г., причем Но Му Хен покончил с собой из-за обвинений в коррупции)¹. Все это привело к значительному росту инвестиций южнокорейских фирм в северокорейскую промышленность. Примечательно, что в начале XXI в. Северную Корею президент корпорации *Daewoo* и достиг договоренности о строительстве промышленного комплекса в Нампхо. Другая же крупная корпорация южан, *Hyundai Asan* получила разрешение на туристический бизнес в прибрежном районе Кымгансан. Кроме того, в районе города Кэсон на площади в 3,2 км² около демилитаризованной зоны (ДМЗ) был возведен Кэсонский промышленный парк стоимостью более 1 млрд долл. США.

После саммита первых лиц в 2000 г. Ким Чен Ир и Ким Дэ Джун договорились восстановить железнодорожный участок Сеул-Пхеньян, пересекающий ДМЗ. Также две стороны заявили о планах постройки четырехполосной автострады, проходящей мимо деревни Пханмунджом, где была завершена Корейская война. После окончания этого проекта промышленный парк в Кэсоне получит прямой доступ к рынкам и портам Южной Кореи. Кстати, кроме Кэсона и района Кымгансана, в КНДР были созданы и другие особые зоны, такие как регионы специального управления Синьджу на северо-западе страны (у границы с Китаем) и Расон на северо-востоке страны (у границ с Китаем и Россией).

В целом «политика солнечного тепла» дала положительный эффект. КНДР заметно смягчила как внутреннюю, так и внешнюю политику. Видимо, в Пхеньяне стали надеяться на реализацию своей главной мечты - воссоединение с Республикой Корея на конфедеративных началах с сохранением политических систем в обеих Кореях в неприкосновенности. Однако в 2007 г. к власти в Сеуле пришел Ли Мен Бак, представитель правой Партии великой страны. Он выражал интересы молодого поколения технократов, выросшего в разделенной стране. Для этих людей идея единства Кореи не представляет сверхценности, ради которой можно пожертвовать своим материальным благополучием.

¹ URL: http://nvo.ng.ru/wars/2010-12-10/1_korea.html (дата обращения: 11.10.2012).

Они понимают, что объединение Корей на условиях Пхеньяна означает, что южане будут просто тратить огромные деньги на кормление северян, не имея при этом реальной возможности изменить ситуацию на Севере¹. В итоге такой бизнес-подход привел к тому, что новый президент пошел на резкое ужесточение политики в отношении КНДР. В свою очередь, режим чучхе также продемонстрировал свое нежелание идти на уступки, более того, в КНДР начались испытания ядерного оружия, что не добавило позитива во взаимоотношения двух Корей. Таким образом, как мы видим, становление инновационного проекта в Южной Корее шло под знаком жесткой конкуренции двух разных политических и экономических систем и являлось фактически вынужденным.

Южнокорейское руководство приступило к инновационной модернизации еще в 1960-1970-х гг. Причем для этого потребовалось волевое решение авторитарного лидера страны Пак Чон Хи, который фактически принудил элиту включиться в процесс качественных экономических и технологических преобразований. При этом разговор с деловыми кругами шел в достаточно жестком ключе: «Пак вызвал на ковер всех ведущих бизнесменов страны... и начал постановку... задачи. В качестве таковой объявлялось создание высокоэффективной экономики, способной конкурировать с Японией и прочими экономическими монстрами. Цой, ты каким бизнесом занимаешься? - Производство риса и игорный бизнес. - Будешь строить суда! Надо утереть нос британцам и норвежцам! - Но я не могу!.. - Я тебе помогу. Государство тебе поможет. Будет трудно поначалу. Но мы победим. Главное - помоги стать Корее могущественной державой, и мы тебя озолотим. Откажешься - обижусь. Понял?!.. Ким будет производить телевизоры и магнитофоны. Чо - автомобили.»².

Отношение Пак Чон Хи к государственному аппарату хорошо иллюстрирует его высказывание: «Свобода требует чувства служения... Чем больше свободы, тем сильнее потребность служить. Только чувство служения может спасти народ и принести всем процветание и счастье». Как и Ким Ир Сен, Пак был правителем авторитарного конфуцианского типа. По многочисленным свидетельствам, он не проявлял интереса к политическим играм и

¹ URL: http://nvo.ng.ru/wars/2010-12-10/1_korea.html (дата обращения: 18.11.2012).

² Цит. по: *Селищев А.С., Селищев Н.А.* Китайская экономика в XXI веке. СПб., 2004. С. 135.

воспринимал государство как аппарат, призванный обеспечить ему власть и проводить в жизнь его политику, подобно тому, как подчиненные претворяют в жизнь приказы генерала. Демократию американского типа он считал неудобной и непродуктивной, перейдя от хунты к гражданскому правлению под давлением администрации Кеннеди. Аппарат президента, роль и функции которого были скопированы с Белого Дома США, играл роль второго Кабинета министров.

Что же касается уровня недемократичности инициатора корейского чуда, то до 1972 г. режим Пак Чон Хи можно охарактеризовать как умеренно авторитарный. Сохранялась избирательная система на основе всеобщего прямого, тайного голосования, многопартийная система, парламентская система управления и существование ограниченных парламентом политических прав, либеральных свобод. Сильного и неоправданного подавления свобод не было, а не очень большой процентный разрыв между кандидатами на пост президента говорит о том, что авторитарный режим не стремился напрямую вмешиваться в избирательный процесс¹.

Процессы концентрации и централизации капитала в экономике страны привели к формированию крупных финансово-промышленных групп (чеболь), которые сформировались на базе торговых фирм и включают компании различных отраслей, являясь огромными конгломератами. Примерно таких 50 групп играют доминирующую роль в хозяйстве страны, среди них такие известные корпорации, как *Hyundai*, *Samsung*, *Daewoo*, *LG* и др. Эти структуры отличались от чистого бизнеса тем, что они стремились не к извлечению оперативной прибыли, а к сохранению и усилению позиций на рынке, переходя от одного сектора производства к другому, более высокому в технологическом отношении. Их опыт является весьма показательным, какими успешными могут быть вложения в наукоемкое производство. Чеболи - многопрофильные экспортно ориентированные холдинги - строились по образцу японских дзайбату. Однако существенным отличием от японских компаний было отсутствие финансовой самостоятельности и полная зависимость от государства - у чебо-

¹ См.: Асмолов К. Генерал Пак Чон Хи. Очерк политической биографии // Сеульский вестник. 2003. № 77-80. Июнь-ноябрь.

лей не было своих банков¹. Их финансирование осуществлялось через государственные банки - в обмен на точное следование правительственным планам по развитию тех или иных производств.

Правительство страны изначально играло ведущую роль в экономике Южной Кореи, осуществляя прямой и косвенный контроль, в том числе во внешнеэкономических связях. До экономического кризиса внешнеторговая политика по существу представляла собой систему протекционистских методов развития экспорта и лицензирования импорта. С начала 1960-х гг. была введена жесткая, но достаточно действенная система зависимости объемов импорта от размеров экспортной выручки предприятий.

Соответственно, компании получили право импортировать товары, стоимость которых не превышала величину экспортных поступлений. В отличие от потребительских товаров, импорт оборудования и промежуточных товаров освобождался от каких-либо пошлин и пользовался льготными тарифами. Такая система стимулировала производство внутри страны и в то же время поощряла компании, работающие на экспорт.

Однако подобная экономическая стратегия вызвала серьезные структурные проблемы. Ориентация экономики на экспорт влечет за собой жесткую зависимость от мировых рынков, что, в свою очередь, создает риски обвалов в случае неблагоприятного изменения мировой конъюнктуры. Из этого следует подверженность экономики страны внешним воздействиям, а также ограничение размеров и эффективности внутренней стабилизационной политики.

Кроме того, к концу 1990-х гг. модель экономического развития, связанная с монополией государства на финансирование, породила тотальную коррупцию, которая привела к снижению конкурентоспособности, поскольку для достижения успеха бизнес-структурам было проще договориться с госчиновником, чем вкладываться в развитие.

Особенно коррупция стала расцветать после гибели авторитарного, но авторитетного у элиты президента Пак Чон Хи, за-

¹ См.: Смирнов А. Опыт Южной Кореи: уроки для России. URL: <http://www.apn.ru/publications/article19535.htm> (дата обращения: 10.12.1202).

стреленного в 1979 г. Его преемники не смогли справиться с коррупционным валом, захлестнувшим экономику страны, а также монополизмом чеболей.

Так, при администрациях президентов Пак Чжон Хи (1963-1979 гг.) и Чон Ду Хвана (1981-1988 гг.) - оба генерала пришли к власти в результате военных переворотов в 1961 г. и 1980 г. соответственно - считалось, что такая политика, при которой нескольким уполномоченным компаниям предоставлялась почти неограниченная свобода в производстве и экспорте, способствует концентрации экономической мощи в рамках нескольких групп крупных компаний, руководимых одной семьей, и является наиболее рациональной. При этом председатели конгломератов несли персональную ответственность перед правительством за выполнение программ и были обязаны компенсировать потери в случае неудач¹. В итоге в 1990-е гг. чеболи достигли достаточно высокой финансовой самостоятельности и стали проявлять все больше признаков автономии, ярким примером которой может служить активное внедрение группы *Samsung* на автомобильный рынок, невзирая на противодействие со стороны Министерства торговли, промышленности и энергетики Республики Корея.

Одновременно по мере роста влияния чеболей, которые все более выходили из-под контроля руководства страны, происходила их деградация с точки зрения эффективности деятельности. В частности, компании совершили ряд ошибок, связанных с избыточными капиталовложениями в нерентабельные проекты, произошла чрезмерная диверсификация направлений деятельности чеболей, использование взятых у государственных банков кредитов осуществлялось все менее эффективно, а долговое бремя росло колоссальными темпами. Показательно, что у многих компаний на тот момент отношение долга к капиталу доходило до пяти. В итоге такое положение вещей привело к атаке на корейский вон, завершившейся его девальвацией и развитием сильнейшего кризиса 1997-1998 гг.

В результате кризиса произошло заметное снижение конкурентоспособности экономики Кореи, для которой при полной зависимости от импорта энергоносителей и сырья в последние го-

¹ URL: http://www.mgimo.ru/fileserver/2004/kafedry/mirec/prog-mirec2006_11-market-dem6.doc (дата обращения: 10.11.2012).

ды стали характерны высокие издержки и чрезмерный рост оплаты труда, завышенные процентные ставки, высокие транспортные расходы, отставание инновационного процесса.

На фоне сократившегося внутреннего спроса рискованная инвестиционная политика крупных финансово-промышленных групп, пользовавшихся неоправданно льготными кредитами, привела к перепроизводству в ряде отраслей (автомобильная, сталелитейная, химическая), снижению рентабельности производства.

Финансовый кризис перекрыл пути привлечения новых валютных средств, вызвал массовое бегство иностранного капитала, рост стоимости кредита (свыше 30%), сокращение валютных резервов до 5 млрд долл. и, как следствие, обвальное падение обменного курса национальной валюты по отношению к доллару почти в два раза в ноябре-декабре 1997 г.

Финансовый кризис во многом способствовал победе на президентских выборах в декабре 1997 г. лидера оппозиции Ким Дэ Чжуна, сумевшего использовать недовольство южнокорейцев экономической политикой правящей партии. В своей экономической стратегии Ким Дэ Чжун сделал основной упор на недопущение резкого снижения уровня жизни населения, создание либеральной экономической модели, ориентированной на поддержку малого и среднего бизнеса. Экономическая программа новой южнокорейской администрации предполагает также структурные реформы в промышленности, ускорение либерализации финансового рынка, развитие высокотехнологического сектора.

Экономический кризис выразился также и в повальном банкротстве южнокорейских компаний, т.е. выявил целый ряд хронических болезней южнокорейской экономики. Наиболее серьезная из них - чрезмерная концентрация капитала в руках небольшого количества финансово-промышленных групп, которые, пользуясь своим привилегированным положением и влиянием на правительство, проводили бесконтрольную политику в области заимствований и инвестиций. Подобная практика привела к колоссальному росту долговых обязательств и перекосу в экономике. Не менее значимой проблемой стала внутренняя неподготовленность общества к восприятию политики форсированной либерализации и глобализации.

После открытия внутреннего рынка многие южнокорейские компании, обремененные краткосрочными долгами и не сумевшие найти свое место в международном интеграционном процессе, пали жертвами изменений мировой конъюнктуры, особенно в период азиатского кризиса. Массовые банкротства фактически парализовали финансовый сектор южнокорейской экономики, дестабилизировали кредитно-денежную систему страны.

В условиях глобализации любая экономика экспортного типа подвержена как негативным, так и позитивным влияниям колебаниям мировой рыночной конъюнктуры. Именно поэтому важно обратить внимание на опыт антикризисной политики в Южной Корее.

Выход из создавшейся кризисной ситуации администрация Ким Дэ Чжуна видела в дальнейшем реформировании южнокорейского общества по западному образцу («параллельное развитие демократии и рыночной экономики»), приближая его экономическую модель к американской и отходя от азиатской. На это были ориентированы и рекомендации стабилизационной программы МФВ, которым правительство Южной Кореи, хотя и с некоторыми оговорками, следовало на протяжении прошедшего года. В основу этих рекомендаций была положена неоконсервативная модель госрегулирования, предусматривающая, в частности, обеспечение регулирующих функций рынка на основе стимулирования предложения.

Сохраняющийся кризис рынка ценных бумаг (из-за высоких процентных ставок) вынудил правительство использовать в январе 1998 г. 1 млрд долл., полученный от Азиатского банка развития, на обеспечение гарантий кредитования мелких и средних фирм. В апреле им также был выделен заем в 1 млрд долл. на приобретение импортных сырья и материалов.

Вместе с тем уже в этот период стало очевидно, что монетаристские рецепты МФВ не в состоянии решить многих проблем южнокорейской экономики. Обострившиеся в результате массовых банкротств (к октябрю обанкротилось свыше 20 тыс. компаний) социальные проблемы и явное нежелание крупных ФПГ брать на себя часть бремени по осуществлению реформ вынудили правительство ужесточить госрегулирование экономическими процессами. На следующем этапе акценты в экономической политике администрации были сделаны уже на методах стиму-

лирования эффективного спроса за счет дальнейшего снижения стоимости кредита, расширения бюджетного финансирования, контролируемой эмиссии, ускоренной реструктуризации крупных картелей, «рассасывания» безработицы и т.д.

В результате государство пошло на увеличение ассигнований в фонд занятости, социальных выплат, предоставление кредитов малому и среднему бизнесу. В рамках реформ в корпоративном секторе наиболее заметным событием стало соглашение между пятью крупнейшими корпорациями и правительством, которое предусматривало продажу компаниями нерентабельных дочерних компаний, перераспределение их сфер влияния в ключевых отраслях, а также комплекс мер, которые корпорации должны осуществлять в целях улучшения своего финансового положения. Новая экономическая политика Южной Кореи предполагала также использование до 70% бюджетных средств на финансирование госпрограмм в области строительства, высоких технологий и образования.

В организационно-правовом плане реформы правительства были сконцентрированы на следующих направлениях.

1. Были сняты ограничения на приобретение иностранцами местных компаний путем нежелательных слияний и поглощений, в результате чего количество отраслей, полностью или частично закрытых для иностранных инвесторов, сократилось. Вступил в действие новый закон о поощрении прямых иностранных инвестиций, предусматривающий налоговые и прочие льготы зарубежным инвесторам.

2. Приближение уровня управления предприятиями и компаниями к мировым стандартам. Были внесены дополнения в законодательство о банкротстве, также отменена практика предоставления взаимных гарантий по долговым обязательствам между дочерними компаниями.

3. Проведена реформа финансово-банковской сферы - 96 финансовых институтов были закрыты или приостановили свои операции.

4. Реформы в корпоративном секторе предусматривали расширение прав держателей акций, улучшение финансового положения корпораций, переход на международную систему отчетности, развитие кооперационных связей между крупным и мелким бизнесом.

5. Реформы в области трудовых отношений. После принятия нового закона о труде рынок рабочей силы стал более гибким. Этому способствовали поправки, предусматривающие возможность как массовых увольнений, так и создания крупных отраслевых профсоюзов.

6. Правительство пошло на сокращение госрасходов на республиканском и провинциальном уровнях, а также приступило к приватизации госпредприятий. Планом приватизации предусматривается поэтапная продажа акций крупных компаний.

Большое внимание было уделено повышению эффективности работы госаппарата: 50% правительственных постановлений и правил были упразднены, численность аппарата (на всех уровнях) сократилась на 11% к 2000 г.

К 2000 г. золотовалютные резервы в стране увеличились на 29,6 млрд долл., достигнув отметки в 50 млрд, что позволило говорить о стабилизации положения на финансовых рынках. Одновременно снизилась до 8% в год инфляция, а индекс потребительских цен за 11 месяцев увеличился лишь на 6,8%.

Конечно, пример государственной антикризисной политики в Южной Корее далеко не безупречен. Однако некоторые меры оказались весьма действенными, например, эффективное привлечение инвестиций и продуманное их распределение. Весьма показательным и то, что правительство обращало особое внимание на социальные проблемы населения, предпринимало активные меры по борьбе с безработицей, увеличивало социальные пособия. Это не только уберегло Корею от массовых народных волнений, но и стимулировало потребительский спрос, а следовательно, и экономику целиком.

Одновременно надо сказать, что в этот период страна достигает и необходимого образовательного уровня для реализации большого инновационного проекта XXI в. Так, показатель грамотности в 2003 г. составил 97,75%. По уровню распространения высшего образования Корея вышла на третье место в мире после Канады и США (4540 на 100 тыс. чел.). В 2003 г. в 1390 вузах обучалось около 3,5 млн студентов, работали свыше 2 тыс. профессоров и преподавателей. Университеты выпускали каждый год около 81 тыс. инженеров. При этом резко возросли ассигнования на НИОКР и численность персонала, занятого в этой сфере.

Таблица 13 - Научные ресурсы и квалификация рабочей силы Южной Кореи

Показатель	1981	1994	2002
Ассигнования на НИОКР, млрд долл. США	0,5	9,8	14,0
Доля НИОКР в ВВП, %	0,81	2,61	-
Количество НИИ	53	2270	-
Численность персонала, занятого в области НИОКР, тыс. чел.	21	117	190

Источник: http://www.minpred.ru/content/pya/pya_2012/pya/pya_2012_2011/m,98,23175/ (дата обращения: 16.12.2012).

В национальном активе Южной Кореи числятся крупнейшие высшие учебные заведения Азии, которые подготавливают выпускников с навыками и знаниями, отвечающим требованиям всех передовых промышленно развитых стран мира. Большинство вузов Кореи имеют сильную материальную базу и технологически оборудованы по последнему слову науки, что является гарантом успешной самореализации студента. Сама корейская система образования соответствует стандартам западной системы образования, что отражается в активном обмене студентами, преподавательским составом и в возможности продолжения обучения в странах Запада. Таким образом, страна обеспечивает свой рыноктруда компетентными кадрами¹.

Безусловно, изначальная ориентация экономики Южной Кореи на сектор высоких технологий сама по себе уже являлась мощным стимулом к интенсивному развитию. Специфика наукоемкого сектора заключается в том, что, во-первых, он требует большого внимания, так как малейшее упущение или отставание может стать критическим в условиях жесткой конкуренции; во-вторых, при грамотной поддержке и регулировании высокотехнологичное производство приносит предприятиям, а следовательно, и государству, серьезные дивиденды; в-третьих, это стимулирует рост уровня жизни в стране. Соответственно, кризис конца 1990-х гг. заставил руководство Южной Кореи форсировать инновационный курс, при этом сделав его более гибким и компромиссным.

¹ URL: http://www.minpred.ru/content/pya/pya_2012/pya/pya_2012_2011/m,98,23175/ (дата обращения: 16.11.2012).

В рамках политики преодоления последствий кризиса руководство Республики Корея разрабатывает и начинает реализацию специальной программы, целью которой становится, с одной стороны, восстановление докризисного уровня развития, а с другой - инновационные прорывы. Первоначально это был достаточно локальный проект, ориентированный на поддержку местной промышленности в городах Тэгу, Пусане и Кванжу и провинции Кенгсаннам-до. Однако уже в скором времени к нему подключились девять дополнительных участников, и теперь данный проект известен как схема «4 (стартовые субъекты) + 9 (территории, присоединившиеся к нему позже)».

Основная идея инициативы «4 + 9» заключалась в формировании серии экономических кластеров, каждый из которых имел бы определенную специализацию. Например, г. Дэджон отвечал и отвечает за информационные технологии, биопроизводство, производство высокотехнологичных деталей и материалов, роботостроение, а портовый город Пусан стал центром логистики и туризма.

Примечательно, что данный проект предусматривал не просто поддержку территорий и использование их естественных преимуществ, но был ориентирован в том числе на их динамичное развитие. В частности, примерно половина выделенных средств на каждом этапе программы была инвестирована в создание инфраструктуры для инноваций и повышение качества трудовых ресурсов.

В 2004 г. свое окончательное оформление получила новая стратегия индустриального развития Южной Кореи, которая опирается на проект «4 + 9» и органически связана с его результатами. В рамках этой стратегии был учрежден Совет по региональным инновациям, состоящий из предприятий, вузов, научно-исследовательских институтов и негосударственных некоммерческих организаций от каждой провинции. Совет разрабатывает стратегию и программу мер по деятельности с учетом региональных особенностей. Также регулярно проводятся ярмарки инноваций на местах, способствующие распространению и взаимобмену передовыми знаниями и идеями, становлению соответствующей культуры и деловой практики. Особенностью стратегии можно считать то, что расширение инновационного потен-

циала регионов происходит за счет укрепления инновационного потенциала и конкурентоспособности локальных вузов. В Корее вузы - это источник кадровой базы производства. Всячески поощряется сотрудничество вузов и промышленных предприятий.

На основе ключевых отраслей местной промышленности, выбранных на региональном уровне исходя из темпов их роста, нормы прибыли и доли соответствующего сегмента рынка в долгосрочном периоде, была определена производственная структура формируемой новой инновационной индустриальной экономики на период до 2020 г.

В отличие от всех предыдущих программ проект «4 + 9» предусматривает вложение средств не столько в те или иные приоритетные направления, сколько в развитие способности регионов к восприятию новых знаний и передовых технологий. Не менее половины общего бюджета на каждом этапе программы было инвестировано в формирование инфраструктуры для инноваций и повышение качества трудовых ресурсов¹.

Таблица 14 - Основные направления развития ключевых отраслей «экономики знаний» в Республике Корея в рамках новой промышленной политики, млрд вон

Основные направления инвестирования по программам	В четырех регионах на:		В девяти регионах (2002-2007 гг.)	В рамках программы развития региональной инфраструктуры	Итого по программам
	первой стадии (1999-2004 гг.)	второй стадии (2004-2008 гг.)			
Развитие инновационной инфраструктуры	3,302	3,075	5,212	1,194	12,783
НИОКР	1,903	5,162	1,810	367	9,269
Техническая поддержка корпораций	1,791	1,091	-	59	2,941
Специалисты в области планирования развития промышленности		168	440		0,608
Итого по направлениям	7,023	9,496	7,462	1,619	25,600

Источник: Kim Y.S. Regional Industrial Policy in Korea - its outcomes and implications // Industrial Economic Review. 2008. № 2. P. 20.

¹ Абдурасулова Д. Промышленная политика Южной Кореи. URL: <http://institutiones.com/industry/897-promyshlennaya-politika-yuzhnoj-korei.html> (дата обращения: 15.09.2012).

На основе сформулированных задач реформирования экономики руководством Республики Корея была определена стратегия нового индустриального развития страны, которая предполагает три взаимосвязанных этапа реализации¹.

I этап. Формирование основ для инновационного развития национальной экономики. Данная стадия предусматривает структурирование производственно-технической базы, механизмов и инвестиционного климата для функционирования инновационного уклада. В рамках данного блока предусмотрена реализация мер по следующим направлениям:

- *формирование инновационных систем на региональном уровне*, прежде всего на основе территориальной концентрации отраслей местной промышленности и стимулирования способностей предприятий и научно-исследовательских учреждений к осуществлению НИОКР, а также путем создания институциональных основ и благоприятной среды для развития инноваций на локальном уровне. Курирует данное направление Совет по региональным инновациям, включающий в себя представителей компаний, вузов, НИИ от каждой провинции. Его основная задача - разработка стратегии и практических мер реализации программы инновационных преобразований на региональном уровне. Одновременно Советом ведется работа по распространению и взаимообмену передовыми знаниями и идеями, становлению соответствующей деловой культуры и этики;

- *расширение инновационного потенциала регионов* путем укрепления инновационного потенциала и конкурентоспособности локальных вузов как источника кадровой базы производства. Правительством было намечено выделить 1,3 трлн вон (около 1 млрд долл.) в течение первого этапа программы на комплекс соответствующих мероприятий по повышению качества трудовых ресурсов и профессиональной подготовки и переподготовки специалистов на местах, содействию занятости выпускников вузов в регионах, увеличению бюджетных ассигнований на региональные НИОКР (с 27 до 40%) для финансирования проектов по удовлетворению нужд местной промышленности, привлечению

¹ Абдурасулова Д. Промышленная политика Южной Кореи. URL: <http://institutiones.com/industry/897-promyshlennaya-politika-yuzhnoj-korei.html> (дата обращения: 15.09.2012).

высококвалифицированных специалистов в провинцию, формированию интегрированных информационных баз локальных НИОКР, содержащих сведения об имеющихся квалифицированных кадрах, технологиях и основных производственных фондах, осуществляемых исследовательских проектах и их результатах, объединение их в единую целостную сеть. Тем самым создаются необходимые условия для возникновения на локальном уровне точек роста - технопарков, центров технологических инноваций и региональных исследовательских центров;

- *укрепление сетевых контактов между промышленными предприятиями, вузами, НИИ как основными участниками инновационного процесса.* Это направление предусматривает содействие вузам, способным успешно совмещать подготовку кадров с прикладными исследованиями по направлениям, отвечающим в равной степени интересам фундаментальной науки и производства. Для стимулирования сотрудничества между вузами и промышленными предприятиями создаются промышленно-образовательные кооперативы, интегрирующие и координирующие исследовательские проекты вузов, а также обеспечивающие коммерциализацию их результатов. Особая поддержка оказывается новым креативным проектам, призванным обеспечить обмен знаниями и опытом между субъектами экономики. Например, увеличивается число *иннокафе* (сродни интернет-кафе), количество которых к концу 2008 г. достигло 150;

- *развитие инновационных кластеров на местах* через реализацию пилотных проектов. В качестве примеров можно назвать создание инновационного кластера на базе научно-исследовательского центра в технополисе Дэдук, трансформацию шести промышленных комплексов, расположенных в городах Джангвон, Гуми, Ульсан, Кванджу, Бангвон-Шива, Вонджу в инновационные, а также строительство инновационных городов будущего по образцу возводимого наукограда Седжон-сити (*Sejong City*)¹. Последний проект стартовал в 2010 г. (хотя был заявлен еще в 2005 г.). Предполагается, что он станет **научно-образовательным центром страны. Общий объем инвестиций в этот про-**

¹ Абдурасулова Д. Промышленная политика Южной Кореи. URL: <http://institutiones.com/industry/897-promyshlennaya-politika-yuzhnoj-korei.html> (дата обращения: 15.09.2012).

ект оценивается в 16,5 трлн вон (14,6 млрд долл.). При этом крупнейшие бизнес-группы страны - *Samsung, Hanwha, Woongjin* и *Lotte Group* - уже подписали соглашение о перемещении в новый наукоград части своих подразделений. *Samsung* намерен инвестировать в город 2,05 трлн вон (около 1,8 млрд долл.): компания планирует построить там заводы по производству солнечных батарей, а также разместить подразделения по производству светодиодной фоновой подсветки, элементов питания и биомедицинских устройств. *Hanwha*, в свою очередь, планирует инвестировать в проект 1,33 трлн вон. Иностранным инвесторам власти готовы предоставить около 1,9 млн м² под строительство объектов. Участникам проекта правительство обещает различные льготы: сокращение налогов, предоставление государственных субсидий, а также недорогие земельные участки. Власти возьмут на себя возведение дорог, парков и объектов культуры¹.

II этап. Формирование основ для самоподдерживающегося развития депрессивных регионов. Данная стадия ставит своей целью двукратное увеличение доходной части бюджета соответствующих провинций и прежде всего негородских населенных пунктов (деревень, рыболовецких поселков, высокогорных селений и др.). Этот этап включает в себя реализацию следующих реформ:

- *содействие развитию отсталых регионов* осуществляется не за счет увеличения субсидий из государственного бюджета, а путем всесторонней помощи уже осуществленным локальным программам развития. Для этого каждые три года на основе специально разработанной системы показателей отбираются проблемные регионы, после чего выявляются реализуемые в них проекты, в той или иной степени дублирующие друг друга или имеющие схожие задачи и инструменты. Соответствующие проекты объединяются в одну крупную программу, а территориальное образование получает дополнительные финансовые стимулы и льготы;

- *развитие локальных инновационных систем в деревнях, высокогорных, рыболовецких поселках* реализуется за счет закрепления местных жителей за вузами соответствующих провинций.

¹ URL: <http://www.segodnya.ua/world/juzhnaja-koreja-potratit-15-milliardov-dollarov-na-nauchnyj-horod.html> (дата обращения: 11.12.2012).

Тем самым фактически создается система непрерывного пожизненного обучения для занятых в первичном секторе; улучшается качество трудовых ресурсов даже на низовом уровне. Кроме того, это способствует повышению эффективности последующей технической обработки и сбыта продукции, увеличению добавленной стоимости. Одновременно эффективная реализация таких проектов позволит обеспечить и дополнительные источники средств для пополнения местных бюджетов. Также в отсталых регионах реализуется специальная программа «5 и 2», которая предусматривает перенацеливание внутреннего туристического потока в наиболее депрессивные регионы Кореи. Такой оригинальный подход к проблеме «выравнивания территорий» уже приносит результаты - успешно работают инновационный кластер Асанг и плантация зеленого чая Посон-гун¹;

- *активизация процессов роста экономики регионов* строится на том, что каждый регион в своем развитии должен опираться на имеющиеся особенности и конкурентные преимущества, в том числе ориентированные на туристический рынок. Соответственно, в качестве основных механизмов решения данной задачи используются разработка и продвижение уникального тематического туристического продукта районов и формирование их специфической субкультуры. В частности, в рамках программы функционирует «деревня экоферм» в Янгпене, проводятся ежегодные фестивали бабочек (г. Хампенг) и «Джинсэнг» (г. Кымсан), а города Пусан, Кванджу и Кенгджу позиционируются соответственно как города кинотеатров, культуры и истории. Такого рода проекты поддерживаются властью и за счет налоговых льгот, и иных форм поощрения локальной специализации провинций РК. Такая стратегия ставит своей целью в том числе преодоление дисбалансов в развитии территорий. Тем самым намечено не только сократить межрегиональную дифференциацию, но и в конечном счете искоренить существенные издержки избыточной концентрации населения, ресурсов и факторов производства в столичном административном округе, по уровню которых республика практически не имеет аналогов мире.

¹ URL: <http://www.uadream.com/tourism/Entertainment/element.php?ID=35284> (дата обращения: 17.12.2012).

III этап. Формирование новой территориальной структуры направлено на содействие активизации взаимодействия с соседними странами в рамках политики «открытых дверей». При этом в отношении межрегионального размещения производительных сил осуществление этих планов нацелено на создание транспортной системы, дающей возможность доступа к новой административной столице Республики Корея из любой отдаленной точки на территории страны в течение не более чем двух часов пути. Все это предполагает:

- *строительство сети автодорог в форме прямоугольника с пересекающимися диагоналями* призвано соединить транспортными артериями все регионы страны и прежде всего портовые города в зоне Желтого моря, укрепив тем самым базу для развития международной логистики в стране. Это, в свою очередь, предопределяет необходимость строительства автомагистрали, соединяющей юго-восточные и юго-западные регионы страны по вертикали и диагонали с действующим транспортным коридором на севере;

- *завершение строительства горизонтальной оси автомагистрали, соединяющей юго-западную и юго-восточную части страны* посредством строительства автодорог Хамянг-Ульсан и Джечон-Тэбак;

- *формирование инфраструктуры для углубления внешнеэкономических связей.* Намечено трансформировать СЭЗ в ключевые механизмы инновационной инфраструктуры, основанной на сети транспортных коммуникаций, охватывающих всю территорию страны. Это предполагает проведение работы по налаживанию связей СЭЗ с центральными железнодорожными магистралями соседних стран, а именно с Транскитайской, Транссибирской, Трансманьчжурской, Трансмонгольской железными дорогами.

Каковы же предварительные итоги первого этапа инновационного развития Южной Кореи? В целом ее промышленная политика оказалась эффективной уже на начальных своих стадиях, инициировав ряд успешных направлений. Прежде всего следует отметить изменения динамики промышленного производства в столице и регионах по отношению друг к другу. Так, среднегодовой темп роста в обрабатывающей промышленности в Сеуле сократился с 9,5% в 1999-2002 гг. до 6,5% в 2003-2005 гг., в то вре-

мя как по провинциям страны за тот период произошло его увеличение с 7,1 до 9,5% соответственно. Сходные показатели зафиксированы и в отношении общей производительности факторов производства, которая на местах (3,02%) более чем в два раза превысила таковую в Сеуле (1,48%), а в секторальном разрезе по охваченным программой отраслям в регионах она возросла с 2,56 до 5,09%. При этом по отдельным факторам, в частности по труду, имел место рост производительности в регионах (с 6,12 до 9,48%) при сокращении в столице (с 6,6 до 5,65%). Соответственно, происходило сглаживание разрывов в развитии территорий.

Определенных позитивных результатов удалось достичь и на микроуровне. В частности, увеличились объемы продаж продукции и инвестиций в НИОКР у хозяйствующих субъектов, охваченных программой, по сравнению с предприятиями, не принимающими в ней участия: темпы роста по данным показателям у фирм-участниц составили соответственно 9,9 и 7,8% против 8,0 и 2,8% у аутсайдеров¹.

Реализация масштабной стратегической программы мер к 2020 г. направлена на достижение определенных результатов в отношении ключевых макроэкономических показателей. Прежде всего намечено добиться среднегодовых темпов роста промышленности и ВВП на уровне 4,9 и 4,1-5,1% соответственно, обеспечив повышение ВВП до 45 000 долл. Удельный вес передовых отраслей обрабатывающей промышленности в общей структуре экспорта будет увеличен до 75%, позволив республике выйти к тому времени на седьмое место в мире по объемам торговли. Планируется также дополнительно создать 3,6 млн новых рабочих мест и повысить уровень занятости по экономике до 67%.

К сожалению, кризис 2008-2010 гг. существенно затормозил амбициозное инновационное развитие Республики Корея, а показатели роста ее экономики снизились.

В итоге инновационных преобразований Южная Корея стала одним из мировых лидеров в области автомобильной, судостроительной, сталелитейной промышленности, производстве бытовой техники и электроники. По итогам за 2006 г. ВВП по паритету покупательной способности Южной Кореи составляет около 1180

¹ См.: Абдурасулова Д. Промышленная политика Южной Кореи.

млрд долл. (11-е место в мире), темпы роста экономики - 4,8%, инфляция - 2,2%. По ВВП на душу населения страна занимает 46-е место с почетным показателем 24 200 долл. на человека. Для сравнения: в России этот показатель меньше почти в два раза - 12 100 долл. (81-е место), а в Китае - почти в три раза - 7600 долл. на человека. Интенсифицировались также экспортно-импортные связи.

3.2. Сингапур

Сингапурское экономическое чудо - результат успешного сочетания социальных и экономических преобразований.

Профессор Массачусетского технологического института По Кам Вонг выделяет четыре этапа национальной системы инноваций Сингапура:

I этап - *фаза индустриального толчка (с 1965 г. до середины 1970-х гг.)*, которая характеризовалась высокой зависимостью от трансфера технологий мультинациональными компаниями и развитием трудоемкой промышленности;

II этап - *фаза усиления местных технологических способностей (с середины 1970-х до конца 1980-х гг.)*, которая характеризовалась быстрым промышленным ростом, что было вызвано производством мультинациональными компаниями новых и обновленных операций;

III этап - *фаза экспансии прикладных научных исследований (с конца 1980-х до конца 1990-х гг.)*, которая характеризовалась быстрым их расширением в мультинациональных компаниях, а также созданием новых государственных научно-исследовательских институтов;

IV этап - *фаза перехода на высокотехнологичное производство и в основном на научные исследования (с конца 1990-х гг.)*, которая характеризуется ставкой на местные возможности технологических инноваций, создание новых местных высокотехнологичных предприятий и развитие основанных на науке индустрий¹.

Что же касается старта инновационного развития Сингапура, то он был связан прежде всего с эффективным проведением мас-

¹ URL: <http://bizzone.info/articles/1344631928.php> (дата обращения: 16.12.2012).

штабной жилищно-коммунальной реформы, по завершении которой более 90% сингапурцев переселились в построенные государством многоквартирные жилые дома. А строительный бум стал локомотивом, который позволил экономике Сингапура набрать стремительные темпы роста. И это при микроскопичности территории государства и очевидности жилищной проблемы.

Поскольку плотность населения приближалась к 5 тыс. человек на 1 км². Ли Куан Ю сделал упор на высотную застройку, на комплексные микрорайоны в 20-25 этажей. Как только Сингапур стал независимым, там появилось Управление жилищно-коммунального хозяйства (УЖКХ). За время своего существования УЖКХ построило около миллиона квартир. При этом использовались весьма простая, но эффективная финансовая схема.

Так, был создан центральный фонд сбережений (ЦФС), в который каждый сингапурец обязан был ежемесячно отчислять 20% своего заработка. Столько же переводил на его счет работодатель. Сбережения в ЦФС не облагались налогом, а в инвестиционном банке на них начислялись проценты. Достигнув пенсионного возраста, сингапурец получал всю эту сумму на руки. Но еще раньше этого он вправе использовать три четверти сбережений в ЦФС, дабы приобрести квартиру, а четверть - чтобы при необходимости оплатить лечение в больнице. Чтобы получить квартиру, достаточно было накопить в ЦФС 20% ее стоимости, а остальное можно внести в рассрочку. При этом не возбранялись «семейные финансовые альянсы»: родители и дети, братья и сестры получили возможность объединять средства, которые они накопили в ЦФС. Если через пять лет после въезда построенная государством квартира полностью оплачена, ее можно продать по рыночной цене без всяких ограничений.

При этом такой льготной программой жилищного строительства имели право пользоваться только граждане Сингапура.

Имея в штате всего 12 тыс. человек, Управление жилищно-коммунального хозяйства справляется с огромным объемом работ по строительству и эксплуатации потому, что распределяет на открытых торгах подряды на все виды коммунального обслуживания, включая водоснабжение, канализацию, вывоз мусора, стрижку газонов, содержание автостоянок. Оно сохраняет в своих

руках лишь эксплуатацию лифтов, чтобы обеспечить их бесперебойную безопасную работу в многоэтажных домах.

Благодаря ЦФС Сингапур стал страной с самой высокой в мире долей сбережений - 48% валового внутреннего продукта. Ныне там накоплено более 60 млрд долл. Это позволяет не только вести жилищное строительство, но и развивать здравоохранение, оплачивать пенсионные программы¹.

Благодаря ЦФС Сингапур стал страной с самой высокой в мире долей сбережений. Она составляет почти половину валового внутреннего продукта. Эти средства позволяют не только вести жилищное строительство, но и финансировать здравоохранение, социальное обеспечение. Такой метод во многих отношениях лучше, нежели покрывать подобные расходы из бюджета.

Масштабность государственной жилищной программы сделала строительную индустрию генератором экономического развития Сингапура. Именно возведение многоэтажных жилых массивов позволило потом частным строительным фирмам включиться в «гостиничный бум». Благодаря этому Сингапур может с комфортом принимать почти 7 млн туристов в год, что вдвое превышает население города-государства.

Одновременно с улучшением жилищных условий граждан руководство Сингапура проводило инновационную политику в сфере высоких технологий. Так, Ли Куан Ю стал инициатором «ИТ-плана», который был принят еще в 1980-х гг. Этот план реализуется в качестве государственной программы развития информационных технологий для комплексной компьютеризации Сингапура.

И опять же определяющей в проведении высокотехнологичного курса стала воля власти, которая предприняла ряд жестких, а то и принудительных мер для реализации /Г-программы. Так, администрация Ли Куан Ю принудительно повысила минимальную зарплату с целью разорить владельцев трудоемких производств и сделать упор на высокотехнологичную, наукоемкую продукцию. Фактически тем самым Сингапур был поставлен перед выбором - или экономический крах или экономический прорыв.

«ИТ-план» предусматривает решение трех стратегических задач. Во-первых, путем массивованных инвестиций в систему

¹ URL: http://expert.ru/kazakhstan/2004/13/13ka-ktema_58071/ (дата обращения: 16.12.2012).

образования сделать Сингапур страной поголовной компьютерной грамотности. Во-вторых, осуществить компьютеризацию государственного аппарата и тем самым подать пример частному сектору. В-третьих, создать конкурентоспособную промышленность по производству компьютерной техники¹.

Таким образом, основной упор делается на человеческий фактор и тотальную компьютеризацию. В этом плане интересная точка зрения архитектора инновационной политики Сингапура Филипп Йо: «„Инновации - это не роскошь, а необходимость. Мы всегда были прежде всего ориентированы на экспорт, поскольку у нас почти нет своего внутреннего рынка. У нас нет никаких природных ресурсов, поэтому наш главный козырь - это люди, мозги. До обретения независимости от Великобритании мы выживали за счет выгодного с точки зрения международной торговли географического положения, а затем с середины 1970-х начали активно осуществлять индустриализацию экономики. Но, по сути, сейчас мы занимаемся тем, что производим продукцию для других государств. Ежегодный объем чистого экспорта Сингапура очень приличный для такого маленького государства - около 200 млрд долл. США. Однако при этом на долю производства приходится лишь от 20 до 24% ВВП. Поэтому на самом деле основные наши проблемы не связаны с чисто производственной составляющей»².

Таблица 15 - Размер реального ВВП, млрддолл. США

<i>Год</i>	<i>Значение</i>
2002	90,6
2003	96,0
2004	112,7
2005	125,4
2006	145,3
2007	177,3
2008	189,4
2009	183,3
2010	222,7
2011	266,5

Источник: CIA World Factbook.

¹ См.: Российская газета. 2011. 10 февраля. № 28 (5404).

² URL: <http://expert.ru/expert/2011/46/vorovstvo--prekrasnaya-strategiya> (дата обращения: 14.10.2012).

ВВП Сингапура, пересчитанный с учетом паритета покупательной способности (PPP), в 2010 г. составил 291,9 млрд долл. США, и по этому показателю страна оказалась на 41-м месте в мире. А по объему ВВП на душу населения, пересчитанному по PPP, составившему в том же году 62 100 долл. США, Сингапур занял в мировом рейтинге пятое место. Наибольшая доля в объеме ВВП (71,7%) приходится на сферу обслуживания, остальная (28,3%) - на промышленность. Сельское хозяйство в стране, за исключением рыболовства, практически не представлено.

Уровень безработицы в 2010 г. в стране составлял 2,2%, по этому показателю Сингапур находился на 17-м месте в мире. По индексу Джини (показатель распределения доходов домохозяйств), составившему в 2009 г. 47,8, Сингапур занимал 28-е место (в отличие от других этот показатель оказался не столь радужным).

Внешний долг страны характеризуется тенденцией роста и на начало 2011 г. равнялся 21,82 млрд долл. США (74-е место в мире), или 9,8% от ВВП. Торговый баланс страны в последние годы положительный¹.

Кстати, Филипп Йо полагает, что в условиях экспортно ориентированной экономики Сингапура нужно пересмотреть сами приоритеты инноваций: «Моя идея состоит в том, что инновации идут именно от людей, а не от продуктов и разработок. Мы не вкладываем в инновации, мы инвестируем в людей. Люди создают инновации. Все наши фонды посевного финансирования и государственные агентства поддержки предпринимательства - это лишь средство для достижения более важной цели. Они все служат для поддержки людей, которые хотят начать свое дело»².

В целом, несмотря на указанные выше проблемы, Сингапур развивается достаточно динамично. Так, реальный рост ВВП Сингапура в период с 2004 по 2008 год в среднем составлял 6,8%, но в 2009 г. из-за мирового финансового кризиса снизился до 2,1%. Экономика страны начала стабилизироваться в 2010 г. При этом, с учетом того, что Сингапур привлекает значительные инвестиции в фармацевтику и медицинское производство, руководство

¹ Цит. по: URL: <http://www.mk-kz.kz/article/2012/09/10/746374-singapurizatsiya-kazahstana.html> (дата обращения: 16.12.2012).

² Там же.

страны продолжает стратегию развития Сингапура как финансового и высокотехнологичного центра Юго-Восточной Азии. Кроме того, в стране развито производство электроники (как многих известных европейских, американских, японских компаний, так и сингапурских, например *Flextronics*), судостроение, сектор финансовых услуг. Широко известны в мире авиакомпания *Singapore Airlines*, сингапурский холдинг *Fairmont Raffles Hotels International* владеет международной сетью отелей *Swissotel*. Страна - один из ведущих производителей CD-приводов.

Одновременно проводятся перспективные исследования в сфере биотехнологий. Так, для реализации уникального проекта по достижению мирового лидерства в сфере биотехнологий в юго-западной части острова был построен оборудованный по последнему слову науки и техники научно-исследовательский центр Биополис. Это комплекс из семи зданий суперсовременного дизайна, объединенных галереями-переходами. Первое время научно-исследовательский центр был частью Национального университета Сингапура, впоследствии войдя в состав Агентства по науке, технологии и исследованиям. Передовые научные исследования в области биотехнологий являются чрезвычайно дорогостоящими. В Америке, где все исследования проводятся на гранты, необходимо пройти сложный процесс отбора, а в случае высоких расходов приходится подавать заявки на несколько грантов. В Сингапуре финансирование исследований идет за счет госбюджета, что дает определенное преимущество в рамках выделенных средств.

Спроектированный в качестве основы для развития биомедицины в Сингапуре, Биополис, как исследовательский центр, объединяет ученых и государственных, и частных компаний. Ключевым фактором считается создание возможностей для взаимодействия в его рамках лучших представителей биотехнологических наук. Распоряжение властей о строительстве центра было дано в апреле 2001 г. А первый комплекс Биополиса был официально открыт в 2003 г. и принял более 2000 исследователей и ученых. Он включает семь отдельных блоков: Институт молекулярной и клеточной биологии (*Proteos*), Институт биоинженерии и нанотехнологии (*Nanos*), Институт геномики (*Genome*), Институт биоинформатики (*Matrix*), Институт биотехнологиче-

ских процессов и аппаратов (*Centros*) и два корпуса офисов частных компаний - арендаторов (*Chromos* и *Helios*). Первые пять институтов имеют статус государственных. Второй комплекс был открыт в 2006 г. Он занял территорию площадью 37 тыс. м². Третий комплекс Биополиса предназначен главным образом для исследований в области трансляционной медицины и клинических исследований, которые будут дополнять разработки, ведущиеся в первом комплексе Биополиса¹.

К преимуществам сингапурской экономики можно отнести благоприятный инвестиционный климат, высококонкурентную среду, высокие места в рейтингах экономической свободы, образованное, компьютеризированное и дисциплинированное население, выросший уровень благосостояния граждан. В свою очередь, к уязвимым моментам можно отнести зависимость от импорта продовольствия и энергии, экспортную ориентированность экономической модели, еще ощущающийся дефицит квалифицированных специалистов.

При этом правительство Сингапура стремится к постепенному освобождению от иностранной зависимости и к преодолению имиджа страны как сборочного цеха развитых стран. Поскольку для обеспечения устойчивого экономического роста необходимо создавать свои собственные продукты и услуги, генерировать инновации, в 1991 г. совет по экономическому развитию (СЭР) принял решение о создании специального национального совета по науке и технологиям. Основная прибыль обеспечивается новыми идеями, поэтому руководство Сингапура стало ориентироваться на развитие собственных инновационных идей и проектов. При этом упор был сделан на последующей коммерциализации собственных идей. Поэтому с 1990-х гг. СЭР совместно с советом по науке и технологиям осуществляет крупные инвестиции в разработку продуктов и услуг на базе идей, разработанных в сингапурских научно-исследовательских учреждениях.

Надо отметить, что экономическая модернизация и инновационное развитие вряд ли стали бы возможны в Сингапуре, если бы власти не сумели обеспечить жесткую общественную дисциплину.

¹ URL: http://rs-trust.ru/blog/singapore/Singapur_Aziatskaya_Shvejcariya/ (дата обращения: 15.12.2012).

лину, порядок в стране и беспощадное подавление преступности. Дело в том, что Юго-Восточная Азия традиционно известна распространённостью клановых горизонтальных связей, высоким уровнем коррупции и значительным влиянием организованной преступности (которая ранее нередко становилась альтернативной властью). Соответственно, команда Ли Куан Ю, учитывая все эти обстоятельства, подстраховалось карательными мерами в духе китайских легистов.

Вот какую характеристику бытовой общественной ситуации современного Сингапура даёт Бернар Вербер в своей «Энциклопедии относительного и абсолютного знания»: «Ли Куан Ю хочет того, чтобы среди его маленьких электронных чипов царил порядок. Он устраивает в одной стороне туристический город, в другой - город экономический, затем создаёт город-дортуйар. Три города чётко отделены друг от друга границей, безупречным газоном шириной в пять километров. Он издаёт очень строгие законы: запрещено плевать на землю (штраф 1500 франков), курить в общественных местах (штраф 1500 франков), бросать использованную бумагу (штраф 1500 франков), поливая цветы, оставлять воду в блюдцах под горшками (это привлекает комаров, штраф 1500 франков), парковать машины в центре города. Государство благоухает мылом. Если собака лает по ночам, ей обрезают голосовые связки. Мужчины должны всегда носить брюки, даже в очень теплую погоду. Женщины должны всегда носить чулки, даже в отчаянную жару. Все машины снабжены сиренами, оглушающими Вас, как только Вы превышаете скорость в 80 км/ч. С 6 часов вечера запрещено ездить в своем автомобиле в одиночестве, Вы должны подвозить коллег по работе или попугачиков, это уменьшает возможность возникновения пробок и загазованность (иначе штраф 1500 франков). Полиция обязала сингапурцев поместить датчики под днище машин для того, чтобы каждый знал маршруты сограждан. На большом световом табло можно проследить за передвижениями всех жителей. Входя в дом, нужно сообщить свою фамилию охраннику, постоянно дежурящему у дверей. Весь город наводнен видеокамерами»¹.

¹ Вербер Б. Энциклопедия относительного и абсолютного знания. М., 2009. С. 96.

Внутриполитические правила игры также весьма жесткие: «Сингапур - государство демократическое, но для того чтобы граждане не голосовали как попало, на избирательном бюллетене пишется номер карточки избирателя. Воровство, насилие, наркотики, коррупция наказываются смертной казнью в виде повешения. До сих пор существуют наказания кнутом. Ли Куан Ю считает себя отцом своих сограждан. Он заимствует идеи и у коммунистов, и у капиталистов, лишь бы они были эффективны. Государство поощряет личное обогащение (сингапурцы на втором месте по уровню жизни в Азии, сразу за Японией, и всю игру играют на бирже), но общежития студентам предоставляются бесплатно. Разрешены все культы, но пресса подцензурна: ни одна газета не пишет ни о сексе, ни о политике. В 1982 г. Ли Куан Ю замечает, что, повинаясь древнему и не специфически китайскому рефлексу, умные мужчины женятся на красивых, но глупых женщинах, а умные женщины находят себе мужей с трудом. Он решает давать вознаграждение мужчинам, женившимся на дипломированных женщинах, а недипломированные женщины, заводящие второго ребенка, платят штраф. Неграмотным живо рекомендуется стерилизоваться в обмен на большую сумму денег. Ли Куан Ю строит школы для одаренных детей, для высокообразованных людей организуются бесплатные круизы. Он понимает, что дать хорошее образование детям можно лишь тогда, когда их в семье не больше двух. По вечерам из полиции звонят в семьи, уже имеющие двоих детей, и напоминают о необходимости принять противозачаточную таблетку или использовать презерватив»¹.

Понятно, что такие ограничения и в целом достаточно жесткая политика местных властей немислима в Европе и США, но с учетом менталитета китайского населения, составляющего большинство в Сингапуре, они дают необходимый эффект, создавая жестко «отформатированную» социальную базу для проведения инновационных преобразований.

Конечно, такая авторитарная политика руководства страны вызывает нарекания мировой либеральной общественности. В России ее в концентрированном виде отразил известный российский политик и предприниматель 1990-х гг. К.Н. Боровой в

¹ Вербер Б. Энциклопедия относительного... С. 100.

своим «Живом журнале»: «...С момента появления независимого Сингапура там никогда не проводились выборы¹. Власть в Сингапуре принадлежит государственному совету, который из числа своих членов выбирает премьер-министра. Есть там некое подобие парламента, депутаты которого фактически назначаются премьером. Ноль демократии! Никакого народовластия! Но при этом Запад даже не пытается внедрить в Сингапуре демократию, потому что к этому нет особых причин: там и так все работает как часы - соблюдаются права человека, созданы превосходные условия для бизнеса, жестко запрещены призывы к межнациональной розни, разработано отличное природоохранное законодательство. Значит, демократия - не цель, а только средство и не единственное? Она не нужна там, где и без нее все хорошо?.. В Сингапуре тотальная цензура, этот ЖЖ там читать нельзя. Нельзя иметь спутниковые тарелки, там двухлетняя воинская повинность без альтернативы, отказников сажают в тюрьму. В год вешают почти по 100 человек в стране с 4,5 млн населения. Вешают даже за владение 15 гр. героина. В законодательстве закреплены пытки, дискриминация, ограничения и лишения Свобод и Прав как гражданских, так и Человека. В рейтингах свободы эта страна в хвосте. Там отменили суд присяжных, нарушается презумпция невиновности по данным *AmnestyInt*... Жуткая и сюрреалистическая картина торжества тупиизма... К перечисленным "прелестям" можно добавить время от времени происходящие тайные похищения (пару лет назад одного профсоюзного лидера и убили) агентами тамошней охраны лиц, кажущихся опасными для режима. Разумеется, без всякого судебного решения - что с правовым государством не слишком совмещается. В общем, КНР в миниатюре. Хоть и без компартии»².

Примечательно, что данный либертарианский подход Бороваго практически тут же вызвал нарекания со стороны читателей ЖЖ, в том числе тех, кто знал Сингапур не понаслышке: «В Сингапуре тотальная цензура, этот ЖЖ там читать нельзя». А что же я читал там не далее как два года назад? Спутниковые тарелки там запрещены не по цензурным соображениям. Условия для бизнеса очень хороши. На армейскую службу ходят, как на работу.

¹ Это не совсем так, выборы проводились, но практически тотально на них побежала правящая партия «Народное действие» (прим. авт. - П.С.).

² URL: <http://kborovoi.livejournal.com/364678.html> (дата обращения: 12.12.2012).

Утром пришли, вечером ушли. Город чист, красив с шикарным здравоохранением. Вешают за наркоту. И правильно делают. Хотя и не всегда. А так все правильно. Нет демократии. В соседней Индонезии есть. А вот всего остального нет, как то уровня жизни, безопасности, чистоты и проч. нет»¹.

Более того, в настоящее время Сингапур занимает лидирующие места в мировых рейтингах по отсутствию коррупции, экономической свободе и уровню развития². Одновременно в стране практически нет безработицы.

Тем не менее в отличие от рядовых граждан, для которых порядок и благосостояние являются определяющими ценностями, международные правозащитные организации резко осуждают руководство Сингапура за подавление свобод. При этом критики называют Сингапур фактически однопартийной страной и обвиняют партию «Народное действие» в подавлении политических противников, несмотря на наличие оппозиционных партий в парламенте (Рабочая партия и Сингапурский демократический альянс). А «Репортеры без границ» в индексе свободы прессы ставят Сингапур на 135-е место из 179 стран³.

^k

При всех впечатляющих успехах «азиатских тигров» существуют и определенные сомнения в дальнейших перспективах их инновационного пути. В этом плане примечательна точка зрения профессора экономики Гарварда Дени Родрика. Он полагает, что они уже сейчас близки к потолку развития. Родрик аргументирует это следующим образом. Сам рывок Сингапура и Южной Кореи он связывает преимущественно с форсированной индустриализацией и перемещением рабочей силы из сельской местности на промышленные производства, также копированием зарубежных передовых технологий, что позволяет сокращать технологические разрывы гигантскими темпами (например, в обрабатывающей промышленности до 3% в год). В то же время этого явно не-

¹ URL: <http://kborovoi.livejournal.com/364678.html> (дата обращения: 12.12.2012).

² Сиротин А. Борьба с коррупцией в Сингапуре. URL: <http://center.sudanet.ru/?tag=сингапур> (дата обращения: 08.12.2012).

³URL: <http://en.rsf.org/press-freedom-index-2011-2012,1043.html> (дата обращения: 15.12.2012).

достаточно, чтобы поддерживать инновационную динамику в течение длительного времени, поскольку при этом указанные государства просто не смогут постоянно инвестировать в человеческий капитал и развивать институты, следовательно, обеспеченный индустриализацией рост обречен на остановку в обозримом будущем¹.

В качестве примера торможения Родрик приводит Индию. В свое время эта страна решила сделать ставку не на производство, а на услуги. В результате сейчас индийские call-центры и программисты стали известны на весь мир. Однако эти достаточно локальные сектора экономики не могут обеспечить рабочими местами все население Индии, поскольку большей части ее граждан не хватает навыков и образования².

Еще одним сдерживающим фактором для Сингапура и Южной Кореи является резкое ужесточение мировой конкуренции. С одной стороны, им угрожает экономически мощный Китай, который стремится подмять под себя фактически весь АТР, с другой - западные страны. Последние в свое время снисходительно наблюдали за успехами «тигров» и не препятствовали их форсированному развитию. В частности, США и европейцы не мешали растущим странам Восточной Азии приобретать западные технологии и использовать не всегда корректные конкурентные стратегии (субсидии, занижения валютного курса и др.). При этом рынки западных государств оставались открытыми для экспорта. Однако с учетом наследия кризиса 2008-2010 гг. и перспектив его второй фазы развитые страны уже больше не могут позволить себе благодущие и попустительство в отношении вероятного противника. Поэтому есть основания полагать, что с их стороны будут предприняты активные попытки сдержать рост конкурентов и заставить их отказаться от протекционистской политики (в том числе с использованием механизмов ВТО). При этом обрабатывающая промышленность будет оставаться для бедных стран эскалатором роста, но его движение станет замедляться, поскольку оптимизация управленческой системы и улучшение человеческого капитала потребует и времени, и существенных инвестиций, и воли руководства стран.

¹ URL: <http://www.interfax.ru/business/txt.asp?id=261011> (дата обращения: 14.12.2012).

² Там же.

Оперативная статистика отчасти подтверждает подобную скептическую точку зрения. Так, в июле-августе 2012 г. данные по экспорту и промышленному производству продемонстрировали, что азиатский регион стал испытывать серьезные издержки от рецессии Еврозоны и США. Соответственно, началось замедление роста экономик Китая, Тайваня, Японии и Южной Кореи. Главной причиной снижения показателей в азиатских экономиках эксперты считают ухудшение спроса в Европе и Америке, на которые приходится основной объем их экспорта. Аналитики ожидают, что восстановление благоприятной обстановки в мировой экономике будет достаточно длительным, а это означает трудности для зависящей от зарубежных продаж азиатской четверки¹.

¹ См.: Деловой Петербург. 2012. 1 августа.

Заключение

Принимая на вооружение принципы инновационной модернизации, российская элита ориентировалась прежде всего на опыт политического и социально-экономического развития США и Европы рубежа XX-XXI вв. Тем не менее неоднозначные результаты реформ 1990-х гг. и упорное сопротивление населения России либеральной демократии породили в ее среде сомнение в истинности западной модели и ее адаптивности к отечественным реалиям. Отсюда - пусть и не прямой, но «косвенный» интерес к иным вариантам и моделям инновационного проекта, реализуемым в «незападных» странах. Проблема актуализировалась в 2000-е гг., когда стало ясно, что в деле инновационного прорыва РФ может рассчитывать только на себя - Запад демонстративно игнорировал импульсы сотрудничества со стороны российского истеблишмента и не только отказывался делиться с потенциальным союзником технологическими новинками, но и всячески препятствовал перевооружению отечественной экономики (взять хотя бы длительное время сохранявшую свою силу архаичную поправку Джексона-Вэника).

В то же время для форсированного преодоления кризисных явлений в экономике, обеспечения политической стабильности и возвращения Российской Федерации статуса великой державы требовался «большой проект XXI века», который бы позволил стране резко сократить свое отставание от мировых лидеров, порожденное системными проблемами 1980-1990-х гг.

Понятно, что у России - свой собственный путь инновационного развития. Тем не менее учет мирового опыта, в том числе оригинальных (спонтанных) моделей модернизации, весьма важен для выработки собственного отечественного рецепта инновационности.

Особенно с учетом того, что у РФ до сих пор нет определенности с инновационной стратегией. В частности, непроясненным остается целый ряд неэкономических вопросов:

- Какая мотивация будет лежать в основе инновационных преобразований?

- В какой пропорции в инновационном проекте будут представлены интересы государства, бизнеса, граждан?
- Какие политические, мировоззренческие и культурные приоритеты лягут в основу российского инновационного курса?
- Как оградить инновационные инициативы от различного рода международных и отечественных издержек (коррупция, ограничение на доступ к новейшим зарубежным технологиям, сопротивление инновационной повестке дня со стороны бюрократии и оппозиции и пр.)?

Думается, что мотивация российского инновационного проекта, в отличие от чистых мотиваций других «незападных» стран, может быть комплексной. Так, нашу страну, как наследницу СССР, к тому же претендующую на статус великой державы, не может не интересовать политический и экономический рывок КНР, в сжатые сроки позволивший Китаю войти в число мировых гегемонов. Социальная мотивация Индии и Бразилии также в достаточной мере актуальна для России, поскольку у нас до сих пор нерешенной остается проблема бедности (особенно на уровне субъектов РФ), и инициированный властью инновационный проект ставит своей целью в том числе преодоление нищеты, безработицы и социальной несправедливости. Что же касается Южной Кореи и Сингапура, то эти государства интересны нам прежде всего политическими механизмами реализации инновационного проекта при неблагоприятной внешней конъюнктуре (экспортно ориентированная экономика, жесткая конкуренция со стороны соседей, периодическое давление извне с критикой за «нарушение демократических норм»).

Еще один момент, который мог бы интересовать Россию с точки зрения заимствования и адаптации «незападного» зарубежного опыта, - это политические механизмы реализации модернизационного проекта. Дело в том, что по ряду причин (геополитических, политико-культурных, мировоззренческих и пр.) Россия тяготеет к этатистскому варианту проведения преобразований. А КНР и всех «азиатских тигров» (Южная Корея, Сингапур, Гонконг, Тайвань), помимо экспортной ориентации экономики, объединяла очень важная черта: возможно, за исключением Гонконга, «новый азиатский капитализм» (как и китайский проект «эффективной конвергенции») везде был далек от либерального

идеала, государство вмешивалось в экономику активно и целенаправленно, руководило выработкой и проведением в жизнь стратегии инновационного развития. Более того, в некоторых случаях инновационные реформы проводились в условиях авторитарного режима, который де-факто игнорировал требования западной либеральной демократии.

С учетом вышеуказанных факторов особый интерес для российской инновационной модернизации представляет все же опыт Китая, Южной Кореи и Сингапура.

Конечно, во многом на становление КНР и «азиатских тигров» в качестве инновационных государств повлияла мобилизационная обстановка времен холодной войны, в которую были вовлечены многие из них. Соответственно, в такой ситуации едва ли не единственной подстраховкой от потрясений был инновационный прорыв, формирование устойчивой политической и социально-экономической модели. Более того, во многом требованиями международной конъюнктуры (жесткое геополитическое противостояние, борьба с острыми внутренними и внешними вызовами) определяется авторитарный характер модернизации этих стран и нелиберальные методы гражданской мобилизации для инновационного прорыва.

Сбалансированными в ходе инновационных преобразований в указанных странах были и взаимоотношения власти и бизнеса. С одной стороны, руководству КНР, Южной Кореи и Сингапура удалось убедить бизнес в перспективности модернизации развития и добиться от него понимания необходимости активного государственно-частного партнерства на данном направлении. С другой стороны, правящие элиты проявили и волю к инновационности, фактически заставив предпринимателей вкладываться в довольно рискованные и долгосрочные реформы.

Безусловно, России стоит обратить внимание и на проблему выработки мировоззренческих оснований «незападных» инновационных проектов. Дело в том, что их культурные традиции кардинальным образом отличались от американской и европейской «этики капитализма», и поэтому реформы в большей степени опирались на местные восточные духовные идеалы и практику. В частности, для Азиатско-Тихоокеанского региона характерно сильное влияние конфуцианства с его принципами служения го-

сударству, патернализма, традиционализма и исторической преемственности. В частности, «просвещенный авторитаризм» азиатских лидеров инновационного развития опирался на сходные принципы: общие интересы должны стоять выше личной выгоды, компромисс лучше, чем соперничество, общее согласие ценнее, чем плюрализм мнений.

Непосредственным образом с «просвещенным авторитаризмом» связана и проблема защиты внутреннего рынка в рамках протекционистского курса. В этом плане для Российской Федерации, недавно вступившей в ВТО, должен быть особо примечателен опыт Китая, который по возможности пользуется льготами, которые предоставляет ему членство во Всемирной торговой организации, но при этом предпринимает активные попытки обойти ограничения и создать наиболее комфортные условия для национального производителя.

Показателен такой пример. В 2005 г. Китайская комиссия по национальному развитию и реформам, устанавливающая политику государственных закупок, заявила, что для государственных ветровых установок будут приобретаться только те турбины, которые на 70% состоят из частей, сделанных в Китае. По утверждению *New York Times*, КНР, начиная примерно с того времени, стала одной из главных сил в использовании энергии ветра, растущей в последние пять лет высокими темпами: китайские производители в настоящее время контролируют около 85% китайского рынка и половину рынка в глобальном масштабе. При этом в 2005 г. *Gamesa*, испанская компания с 35-летней историей и один из крупнейших в мире производителей ветровых турбин, контролировала около трети китайского рынка. В ответ на новые правила, *Gamesa* начала обучать местных производителей, как сделать свою часть турбин. В дальнейшем производители стали отказываться от услуг *Gamesa*, и в настоящее время доля рынка компании составляет только 3%. Однако протестов не последовало: до сих пор рост Китая был настолько стремителен, что 3% рынка сегодня - это вдвое больше, чем *Gamesa* продавала в 2005 г.

Кроме того, помимо преференций в области госзакупок, китайское правительство также явно субсидировало отечественных производителей на сумму порядка нескольких сотен миллионов долларов. Эти субсидии завершились в июне 2011 г. после того, как правительство США предъявило претензии КНР в рам-

ках ВТО. 5 июля 2011 г. Китай проиграл другой спор по линии ВТО, касающийся ограничений экспорта полезных ископаемых, таких как бокситы, цинк и кремний. Однако, несмотря на отступление, КНР выиграла время и поддержала национальных производителей. Думается, что попытки обойти ограничения и барьеры Всемирной торговой организации со стороны Китая продолжатся.

Инновационный опыт КНР и «азиатских тигров» вызывал и вызывает существенный интерес российской элиты. Во-первых, ей импонирует форсированный характер модернизации этих стран (а у России сейчас не так много времени на «раскачку»); во-вторых, привлекательным является путь технологических и экономических реформ при стабильности политической ситуации. Кроме того, руководство РФ учитывает, что государства АТР начинают оказывать все более значимое влияние на мировую конъюнктуру и поэтому стремится развивать с ними контакты превентивно с учетом грядущего преодоления глобальной униполярности.

Поворотным моментом в плане диверсификации внешнеполитического и внешнеэкономического курса России, стал 2009 г., когда Д.А. Медведев принял участие в деловом саммите Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС), который состоялся в Сингапуре. На пленарном заседании форума обсуждались меры по преодолению мирового финансового кризиса, вопросы региональной экономической интеграции, завершение Дохийского раунда многосторонних торговых переговоров, проблемы либерализации торговли и борьбы с протекционизмом. По итогам саммита была принята декларация «К устойчивому развитию и укреплению региональных связей» и заявление «Новая парадигма роста для единого Азиатско-Тихоокеанского региона в XXI веке». А 15-16 ноября 2009 г. Д.А. Медведев совершил официальный визит в Сингапур. В ходе поездки российский лидер провел встречу с президентом этого государства Селлапаном Раманатаном и министром-наставником правительства страны, архитектором сингапурских реформ Ли Куан Ю.

Участие российской делегации в форуме АТЭС явилось демонстрацией стремления Москвы добиться качественного расширения практических контактов со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. Своей активностью Россия подтвердила, что готова учитывать тенденцию роста его политико-экономичес-

кого влияния. Более этого, понимание такой значимости АТР постепенно привело к выстраиванию качественно новых связей с азиатскими государствами. Действия российской стороны в ходе работы саммита АТЭС говорили о том, что Москва стала рассматривать Восточную и Юго-Восточную Азию в качестве нового потенциального центра международной политики. Процесс смещения «корневой оси» системы международных отношений с Запада на Восток начался еще в середине 1990-х гг. А в настоящее время его необратимость признается уже большинством мировых держав. Показательно, что на этом фоне и США приступили к реализации транстихоокеанской стратегии, построенной на качественном расширении своих связей со странами региона.

Двойственная модель активности РФ на азиатском направлении, построенная вокруг участия в форуме АТЭС и визита в Сингапур, свидетельствовала о стремлении России добиться активизации контактов с входящими в него субъектами. Москва последовательно рассматривает АТР не только как возможный ареал сосредоточения глобального влияния, но и как крупный плацдарм для диверсификации своей внешней политики. Причем уже в среднесрочной перспективе он должен превзойти по своему потенциалу значение Евро-Атлантики. В пользу развития подобного сценария говорит динамика российско-китайских отношений. В частности, комплекс договоренностей, достигнутых в ходе рабочей поездки в КНР В.В. Путина 12-14 октября 2009 г., привели к тому, что Пекин, наряду с Брюсселем, оказался одним из приоритетных энергетических партнеров России.

Дополнительным стимулом для реализации такого сценария выступает то обстоятельство, что энергетический диалог с азиатскими субъектами с большей долей вероятности может быть компенсирован сотрудничеством в высокотехнологичных отраслях. Возможностей для развития аналогичной линии на евроатлантическом направлении у Москвы в настоящее время нет.

Потенциальную содержательность азиатского направления внешней политики РФ зафиксировал и визит Д.А. Медведева в Сингапур. Переговоры с сингапурской стороной прошли в рамках предметного курса «инвестиции и инновации в обмен на энергоносители». Иными словами, Москва обозначила готовность к развитию энергетических контактов с Сингапуром, а руководство республики заявило о возможности предоставления средств и

технологий для российской экономики. Подтверждением этому стали переговоры Медведева с Раманатаном, на которых рассматривались перспективы совместных инвестиционных проектов. Нельзя не обратить внимание также еще на два инновационных события в рамках визита - презентацию Президенту РФ проекта электронного правительства Агентством информационных и телекоммуникационных технологий Сингапура и выступление Д.А. Медведева на двусторонней встрече с представителями деловых кругов. В первом случае сингапурская сторона обозначила уровень собственных технологических возможностей, которыми она готова поделиться с Россией. А во втором - Москва сделала символический жест, говорящий об открытости ее экономики для сингапурского бизнеса.

Окончательно же «азиатский вектор» инновационного сотрудничества Российской Федерации со странами АТР оформился на саммите АТЭС во Владивостоке (2-9 сентября 2012 г.), который проходил под лозунгом «Интеграция - в целях развития, инновации - в интересах процветания». Лидеры экономик стран АТЭС договорились содействовать инновационному развитию. Договоренности отображены в итоговой декларации. «Инновации проникают во все сферы экономической и общественной жизни. Для поощрения инноваций, создания новых, уникальных комбинаций стимулов и использования в этих целях передовых технологических, организационных и иных решений нам требуется эффективно объединить потенциалы всех экономик», - говорится в документе¹. «В целях продолжения работы и активизации регионального сотрудничества в инновационной сфере мы, лидеры экономик АТЭС, договорились: укреплять взаимодействие между новаторами в экономиках АТЭС в интересах наращивания накопленного инновационного потенциала и совершенствования инновационных возможностей региона АТЭС, расширять и формализовывать возможности для внесения деловыми кругами вклада в проводимую АТЭС работу в сфере инноваций с тем, чтобы наша деятельность отвечала потребностям бизнеса, продолжать сотрудничество между представителями правительственных, академических и деловых кругов в продвижении инноваций и решении вопросов, оказывающих влияние на конкрет-

¹ URL: http://apec.org/Meeting-Papers/Leaders-Declarations/2012/2012_aelm.aspx (дата обращения: 16.12.2012).

ные инновационные технологии, с использованием механизмов Партнерства АТЭС по вопросам науки, технологий и инноваций и инновационных технологических диалогов, запланированных к проведению в будущем и действующего Инновационного форума АТЭС в области наук о жизнедеятельности; организовать встречу ведущих научных консультантов экономик АТЭС в целях укрепления связей в сфере науки и инноваций в АТР; содействовать развитию инноваций за счет увеличения торговли и инвестиций и более широкого применения информационно-коммуникационных технологий, в том числе путем гармонизации регулятивных норм и сотрудничества в сфере электронной торговли, в соответствии с обязательствами, принятыми лидерами экономик АТЭС в 2011 г., продолжать реализацию мер по поощрению эффективной, недискриминационной и рыночно ориентированной инновационной политики путем выработки в 2013 г. инновационных практик в целях содействия экономикам в интегрировании этих обязательств в рамках их национальных стратегий, содействовать формированию благоприятного инновационного климата, а также стимулировать создание рабочих мест и экономический рост в экономиках АТЭС путем усиления защиты прав интеллектуальной собственности и соответствующего правоприменения в целях поощрения креативности и инноваций, создавая инструменты для успешного управления интеллектуальной собственностью и ее использования, а также недискриминационную среду для ведения бизнеса, содействовать развитию малых и средних предприятий как источника инновационных идей и наращиванию их инновационного потенциала, поддерживать новые компании и молодых предпринимателей через различные механизмы, в том числе путем поощрения молодых ученых Призом АТЭС за достижения в области инноваций, исследований и образования (*ASPIRE*), содействовать расширению участия женщин и их возможностей в инновационной экономике путем создания благоприятных условий для ведения бизнеса, стимулирования вовлеченности в инновационную деятельность и поощрения инвестиций в человеческий капитал», - отмечается в декларации¹. Лидеры поручили министрам и должностным лицам разработать меры по содействию эффективной реализации эконо-

¹ URL: http://apec.org/Meeting-Papers/Leaders-Declarations/2012/2012_aelm.aspx (дата обращения: 16.12.2012).

миками этих положений, определению и решению задач инновационного роста, а также продвижению долгосрочного инновационного развития в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Опыт КНР и «азиатских тигров» представляется важным для стран, осуществляющих всестороннюю системную модернизацию, поскольку демонстрирует основные пути и механизмы формирования экономики знаний, эффективность тех или иных мер по активизации инновационной деятельности при разработке собственной национальной стратегии промышленной политики в нынешних условиях. С учетом того, что российское руководство в настоящее время взялось за разработку проекта «новой индустриализации», в основе которого лежат инновационные принципы, такой опыт может быть полезен, особенно в плане реализации мер по следующим направлениям:

- отказ от узкоотраслевого подхода в пользу межотраслевого при определении приоритетов промышленной политики и инструментария их реализации в целях укрепления межотраслевых связей при осуществлении НИОКР и внедрении их результатов;

- выявление исходя из страновой специфики перспективных в долгосрочном плане видов производств в рамках нового технологического уклада, способных выступить локомотивами роста экономики, и разработка целевых программ инвестирования в их развитие, создание необходимых для этого институциональных условий и инфраструктуры;

- определение спектра основных продуктов перспективных отраслей, которые характеризуются потенциально высоким спросом в новых условиях, целевых рынков сбыта и стратегий позиционирования на них;

- размещение и регулирование степени территориальной концентрации производительных сил исходя из экологической емкости той или иной местности;

- смена функционального подхода при формировании национальной инновационной системы и механизмов промышленных инноваций на территориальный; создание собственных инновационных систем в каждой отдельной административно-территориальной единице с соответствующей организационно-управленческой структурой, механизмами взаимодействия субъектов-участников как друг с другом, так и на межрегиональном уровне;

- формирование целостной системы корпоративных и негосударственных исследовательских учреждений - как в национальном масштабе, так и на региональном уровне, согласно профилю специализации локального кластера;

- поиск новых институционализированных форм обмена знаниями, вариантов коммерциализации результатов НИОКР и содействие их широкому внедрению в хозяйственную практику;

- структурирование на базе аутсорсинга и субподряда механизмов трансфера технологий в сфере промышленного производства и вовлечения в них большой по численности, но малой по финансовым возможностям категории субъектов малого и среднего бизнеса с закреплением за крупными предприятиями функций агентов при разработке и распространении инноваций;

- повышение мобильности квалифицированных трудовых ресурсов в сфере НИОКР и промышленных инноваций и обеспечение непрерывного обучения занятых в экономике;

- активное развитие специализированных механизмов финансирования инновационной деятельности индустриальной модернизации в целом и их различных комбинаций с имеющимися элементами рыночной инфраструктуры;

- определение оптимальной конфигурации национальной системы коммуникаций на основе сочетания различных видов транспорта и эффективного взаимодополнения национальных и международных транспортных коридоров, а также новых решений и путей укрепления связей с ними с учетом размещения производительных сил.

Важное значение для успешной модернизации национальной индустрии наряду с приведенными выше стратегическими ориентирами имеет также интенсификация промышленно-технологической кооперации на международном уровне, что в совокупности позволяет достичь макроэкономического эффекта в масштабах национальной экономики, гармонизации ее функционирования с долгосрочными мирохозяйственными тенденциями НТП и успешного включения в систему мирового разделения труда, обеспечив в конечном итоге повышение качества и уровня жизни населения.

При этом, проводя в жизнь инновационные реформы, тем не менее имеет смысл не отказываться полностью и от социалисти-

ческого наследия. Например, даже в более чем рыночной Южной Корее многие методы, примененные Пак Чон Хи для вывода страны из кризиса [госзаказ, пятилетние планы, чучхесон, политика в области идеологии и культуры) имели марксистскую подоплеку и представляли собой заимствования у социалистического способа хозяйствования и управления.

Литература

Авдокушин Е.Ф. «Новая экономика» и формирование национальной инновационной системы Китая // Вопросы новой экономики. 2010. № 1 [13].

Асмолов К. Генерал Пак Чон Хи. Очерк политической биографии // Сеульский вестник. 2003. Июнь-ноябрь. № 77-80.

Беззубцев-Кондаков А., Дроканов И. Надо ли России бояться Китая? М., 2011. 240 с.

Бразилия - восходящий центр экономического и политического влияния. М., 2008. 90 с.

Бразилия. Перемены и постоянство // Аналитические тетради ИЛА РАН. Вып. 15. М., 2004. 148 с.

Герт К. Куда пойдет Китай, туда пойдет мир. Как китайские потребители меняют все. М., 2011. 272 с.

Инвестиции в странах БРИК. Оценка риска и корпоративного управления в Бразилии, России, Индии и Китае. М., 2010. 360 с.

Инновационная политика и региональное развитие в современном мире. М., 2011. 198 с.

Инновационная политика. Россия и мир. 2002-2010. М., 2011. 456 с.

КинджДж. Китай, который потряс мир. М., 2008. 352 с.

Комиссина КН. Научные и аналитические центры Китая: справочник. М., 2012. 266 с.

Кудров В.М. Международные экономические сопоставления и проблемы инновационного развития. М., 2011. 616 с.

Ли Куан Ю. Из третьего мира - в первый. История Сингапура [1965-2000). М., 2012. 576 с.

ЛиХен-Дже. Все о бизнесе в Республике Корея. Инновационная политика малого и среднего бизнеса. М., 2008. 208 с.

МалявинВ. Китай управляемый. Старый добрый менеджмент. М., 2007. 306 с.

Машкина О.А. Китай: перспективы инноваций и образования // История и современность. 2010. Вып. 2(12).

Михеев В.В. Роль Китая в глобализирующемся мире // Отечественные записки. 2003. № 8.

Млечин Л. Китай - великая держава номер один? СПб., 2012. 400 с.

Нилекани Н. Образ новой Индии. Эволюция преобразующих идей. М., 2012. 512 с.

Новые партнеры Латинской Америки - Китай, Южная Корея, Индия, ЮАР // Аналитические тетради ИЛА РАН. Вып. 18. М., 2005. 130 с.

О'НилДж. Карта роста. Будущее стран БРИК и других развивающихся рынков. М., 2012. 256 с.

Обзорный доклад о модернизации в Китае (2001-2010). М., 2011. 256 с.

Панков Э.И. Экономика Бразилии. М., 2012. 196 с.

Переломов Л.С. Конфуцианство и современный стратегический курс КНР. М., 2007. 256 с.

Поляков Б. Малайзия сегодня // Форум. 2011. 11 июня.

Рара А. Куда пойдет Путин? Россия между Китаем и Европой. М., 2012. 352 с.

Сигов Ю. Сингапур. Восьмое чудо света. М., 2012. 336 с.

Тулеев А.М., Шатиоров С.В. Россия перед прыжком. М., 2004. 287 с.

Федоровский А.Н. Феномен чэболь. Государство и крупный бизнес в Республике Корея. М., 2008. 320 с.

Чудодеев Ю. Россия - КНР: динамика отношений. Вызовы глобализации и перспективы сотрудничества // Азия и Африка сегодня. 2011. № 10. С. 3.

Шенкар О. Китай. Век XXI. М., 2005. 206 с.

Эйфари А.К., Манцев В.В. Глобализация и развивающиеся страны. М., 2007. 64 с.

Экономика Китая. Анализ состояния и перспективы развития. Антология. М., 2009. 376 с.

ЯшэнХуан. Капитализм по-китайски. Государство и бизнес. М., 2012. 375 с.

Оглавление

Предисловие	3
Введение	6
Глава 1. СТРАТЕГИЯ БОРЬБЫ ЗА ГЛОБАЛЬНОЕ ЛИДЕРСТВО: ОПЫТ КНР	19
1.1. Инновационный путь как обеспечение суверенитета Китая.....	19
1.2. Становление в КНР идеи инновационного развития ...	29
Глава 2. СТРАТЕГИЯ ПРЕОДОЛЕНИЯ БЕДНОСТИ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ОТСТАЛОСТИ (БРАЗИЛИЯ, МАЛАЙЗИЯ, ИНДИЯ)	62
2.1. Бразилия.....	66
2.2. Малайзия.....	88
2.3. Индия.....	97
Глава 3. СТРАТЕГИЯ ВЫЖИВАНИЯ И УСПЕХА В КОНКУРЕНТНОЙ СРЕДЕ (ЮЖНАЯ КОРЕЯ, СИНГАПУР)	110
3.1. ЮжнаяКорея.....	111
3.2. Сингапур.....	132
Заключение.....	145
Литература.....	156

Научное издание

Павел Сергеевич Селезнев

**ИННОВАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА «НЕЗАПАДНЫХ» СТРАН
В НАЧАЛЕ XXI СТОЛЕТИЯ:
ПОИСК ПРИОРИТЕТОВ МОДЕРНИЗАЦИИ**

Монография

Редакторы *В.Я. Моргунов, Л.В. Шитова*

Художественный редактор *В.А. Селин*

Техническое редактирование,
верстка, корректура *Л.В. Шитовой*

Подписано в печать 04.02.2013

Формат 60х90/16. Гарнитура Cambria

Усл. п.л. 10,0. Уч.-изд.л. 8,0. Тираж 500 экз.

1-й завод: 100 экз. Заказ № 107

Финансовый университет

Ленинградский пр-т, 49, Москва, 125993 (ГСП-3)

Отпечатано в ООП (Ленинградский пр-т, 49)

Издательства Финансового университета